

МСТИСЛАВА ЧЁРНАЯ

ВЕДЬМА

БЕЗ ЛИЦЕНЗИИ

Annotation

Сбежала от жениха? Оказалась в чужом мире одна без документов? Пора познакомить местных сеньор с чудесами косметической магии, самой из дурнушки превратиться в красавицу. А любовь? Любовь будет! Лишь бы бывший жених не помешал.

- [Ведьма без лицензии](#)
-

Ведьма без лицензии

Мстислава Чёрная

Глава 1

— Коля поживёт у тебя, — безапелляционно заявляет мама. — Завтра в десять встретить его на вокзале, а утром, накануне, но ни в коем случае не заранее, пожарь свиные котлетки, как Коля любит. Дорога у него тяжёлая, пусть покушает свеженького и сразу отдыхает. Эй, ты меня вообще слушаешь?!

Да.

Нет.

Я в замешательстве.

— Mam, ты это серьёзно? — единственный вопрос, который у меня получается задать.

— Мира, что это за тон такой? Ты как будто не рада брату?

Я молчу.

К брату у меня отношение... сложное. С одной стороны, он семья, родная кровь, добродушный увалень, таскавший мне из чужого сада незрелые яблоки, от которых я стеснялась отказываться и которые потом тайком выбрасывала. Робкий намёк, что от кислого у меня болят зубы, брат не понимал категорически. С другой стороны, в свои двадцать пять этот здоровый лоб всё ещё “ищет себя”, перебивается случайными подработками, зато часами готов рассказывать, что вокруг одни дураки, которые не могут оценить его по достоинству, но совсем скоро он проявит себя и добьётся таких высот, что Эверест отдыхает.

Мне двадцать девять, я помощник руководителя в фармацевтической компании. Не замужем. Снимаю однокомнатную квартиру, коплю на покупку собственной “двушки” и стабильно раз в месяц помогаю родителям деньгами.

— Мама, ты помнишь, что завтра среда? — осторожно спрашиваю я. Родители уже на пенсии, им что выходной, что будний.

— И? — похоже, мама всё ещё не видит проблемы.

— В девять я должна быть на совещании, так что встретить Колю в десять я точно не смогу, — объясняю я, хотя дело, конечно, не в этом.

Если честно, для меня величайшая загадка, как мама, неглупая женщина, может искренне считать брата опорой и надеждой семьи. Он же висит на их шеях как пудовая гиря. Зато, в отличие от меня, он долгожданный мальчик. Но с какой стати я должна тащить на себе взрослого по паспорту и здорового по медицинским показаниям мужчину?

— Что значит “не смогу”?! Это твой брат, Мира. Отпросись с работы и позаботься о нём.

Да, конечно. Сначала отпросись, чтобы котлетками накормить, потом уволься, потому что работа мешает стирать брату носки, сам он не может, не мужское дело домашним хозяйством заниматься. На что будем жить без моей зарплаты — ещё одна непостижимая загадка.

— Мам, он дитя малое? Как спуститься в метро не найдёт?

До сих пор я посылала деньги родителям. Да, я знаю, что тратили они их на Колю, однако это их решение, меня оно уже не касается. Но сейчас происходящее меня очень даже касается. Мама буквально перекраивает мою жизнь в угоду Коле, ставит перед фактом, что брат уже в пути.

Простите, я больше не та безответная девочка. Наверное, по-настоящему безответной я никогда не была, просто не бунтовала по мелочам, а сразу после школы собралась и уехала в столицу, я поступила на бюджет в университет. Мама не одобряла, по её мнению, девушка, чтобы выйти замуж, должна быть не образованной, а работающей. Но зачем мне муж, для которого жена это бесплатная услуга?

Если мама думает, что, поставленная перед фактом, я не смогу отказать, она ошибается. Нет, ссориться и ругаться я не буду, за годы, проведённые в столице, я научилась действовать тоньше, мягче. Я чувствую, как у меня на лице появляется очень неприятная улыбка.

— Мира! — восклицает она.

— Мам, как долго брат собирается оставаться у меня? — обманчиво ласково спрашиваю я.

— Пару недель, пока не устроится, — мама отвечает заметно спокойнее, с нотками удовлетворения. Видимо, она приняла мой вопрос за согласие. На то и был расчёт.

— Хорошо, на две-три недели я помогу Коле с жильём. Он у нас умный талантливый парень. Уверена, он быстро освоится и устроится.

Помогу, мне не жалко. Только к себе я Колю не поведу и ключей не дам. Сниму для него дешёвую студию на месяц, а там пусть разбирается: либо устраивается и сам платит за жильё, во что я не верю, либо возвращается домой и кормит родителей сказками о том, как жестока столица к юным гениям. Зная Колю, не сомневаюсь, он до последнего не почешется, а значит, через месяц мне надо удрать в командировку или в отпуск. Как я пушу брата к себе, если меня в городе нет? Никак. Мама, конечно, будет требовать, чтобы я бросила всё и вернулась, но ей придётся смириться.

Мама наказывает непременно пожарить утром котлет. Так и быть, Коля приедет за ключами ко мне на работу. Мы скомканно прощаемся, и я со стоном откидываюсь на спинку дивана, замираю, бездумно уставившись в потолок.

У меня никогда не было близких отношений с мамой. До сих пор я считала, что это из-за меня — когда мама начинала навязывать мне своё мировоззрение, я уходила в глухую оборону и отмалчивалась. А как иначе? Ругаться я не хотела, а спорить не получалось. Все мои возражения разбивались одной единственной фразой — “ты ничего не смыслишь в этой жизни, вот пройдёт время и осознаешь мою правоту, будешь жалеть, но будет поздно”. Постепенно между нами выросла стена.

У меня будто пелена с глаз падает. Я ведь пыталась, но мама никогда не слушала меня и заранее считала неправой, это она заложила фундамент стены между нами.

Хоть что-то мы сделали вместе...

Я горько усмехаюсь. Но долго киснуть не в моих привычках. Мама, сама того не осознавая, подтолкнула меня пересмотреть приоритеты. Не пришло ли время перевернуть страницу и начать жизнь с чистого листа? Задуматься о чём-то большем, чем успешная карьера? Может, сбежать в кругосветное путешествие или начать собственное дело? Завести новые интересные знакомства, закрутить головокружительный роман или наоборот окунуться в серьёзные отношения? Впрочем, судьбоносные решения я отложу на утро. Главное, что настроение выправилось, и я уже не чувствую себя брошенной и одинокой.

Покрутив в пальцах телефон, я открываю приложение “Литнет”. Приключения вымышленных героев — отличное лекарство от

хандры, ведь взрослым девочкам тоже нужны сказки. Приложение загружается, но обзор тотчас перекрывает яркий баннер. Я морщусь, раньше реклама не была столь навязчивой. Впрочем именно по рекламе я нашла немало книг, которые с удовольствием читаю. Ну-ка...

“Душа, желаете отправиться в мир романа “Имя ведьмы из Старого Му” “Система 2.05” установлена. Запустить? Да/нет”

Хм, “Имя...” я читала, очень понравилось, но там эпилог без намёка на продолжение. Автор решила на второй том? Интересно. Я кликаю по баннеру, но вместо того, чтобы перекинуть меня на книгу, баннер схлопывается. Глюк? На всякий случай я проверяю страницу автора. Второго тома как не было, так и нет. Странный баннер, странный глюк. Я переключаюсь на продю в другом романе. Но, увы, полностью посвятить вечер чтению не получится — нужно успеть найти подходящую студию, куда я завтра скину Колю, чтоб его. И чего ему на диване не лежалось? Неужто наконец-то получил вдохновляющего пинка от папы? Как не вовремя...

Выключив телефон, я отмахиваюсь от зазудевшего рядом комара и не сразу понимаю, что это звенит у меня в ушах.

В нос ударяет перцовый запах благовоний. Человек, который их поджог, явно не знает меры. Зажмурившись, я оглушительно чихаю. Откуда в моей квартире эта вонь?!

— Эй, ты меня вообще слушаешь?

Интонации мамыны, голос — нет.

Я распахиваю глаза. Передо мной немолодая дама в светло-сером тюрбане. Серое платье, белая шаль на плечах. Талия перечёркнута поясом, и на нём висят белые перчатки. Дама вольготно устроилась в кресле, локтем опирается на подлокотник и жеманно кривит узкие сухие губы. Расслабленная поза не оставляет сомнений — сидит дама уже давно.

Откуда в моей квартире кресло?!

Это... Это не моя квартира!

Глава 2

Яркий солнечный свет золотистыми брызгами дрожит на лакированных створках деревянных шкафов, подсвечивает взвесь бриллиантовых пылинок и дымок над курительницей. От перечного запаха снова свербит в носу, и я чихаю.

— Опять простыла? А я ведь говорила одеваться теплее, — упрекает дама с потугой на заботу, но получается спесиво и самодовольно. Кем бы дама ни была, она мне не нравится.

Хах, курительница будто нарочно поставлена так, чтобы лёгкий сквозняк тянул запах в мою сторону. Сама дама дышит чистым воздухом.

Я обвожу взглядом помещение. Справа книжные шкафы, чуть дальше обустроено рабочее место. Взгляд спотыкается о самую настоящую чернильницу, небрежно оставленную на откидной столешнице приземистого бюро. Непривычно желтеет стопка листов бумаги. Стену над бюро украшает незатейливый пейзаж. Левее выпирает шляпка гвоздика, словно когда-то картина на стене была не одна. Помесь библиотеки, кабинета и гостиной?

Как я могла здесь оказаться?!

— А-апчихи!

Ничего не понимаю... Если бы я заснула или потеряла сознание, то всё можно было бы объяснить неудачной шуткой, розыгрышем, но я лишь на миг зажмурилась. С дивана я точно не вставала. Я провожу ладонью по сиденью. Велюр знакомо щекочет кожу. Я поворачиваю голову. Не знаю, наверное, мне было бы легче, если бы меня украли вместе с диваном. Да, я по-прежнему сижу, но диван тоже не мой. У меня был синий, а этот бордовый и вместо округлой спинки фигурная.

Самое страшное, что рука... тоже не моя. Нет маникюра, ногти подстрижены коротко, да ещё и углами, торчат заусенцы. Форма кисти другая, гораздо более изящная. Я шевелю пальцами. Чужая рука слушается как родная.

— Лейсан, я к тебе обращаюсь.

— Я...

Я никакая не Лейсан.

Облизнув внезапно пересохшие губы, я поворачиваюсь к незнакомке. Её упрёки проходят мимо моего сознания. Я вслушиваюсь в её речь, и понятные слова тотчас рассыпаются в звуковую абракадабру, словно трещит иностранка, а едва я перестаю концентрироваться на фонетике, как снова начинаю улавливать смысл. Так не бывает! Но... так есть.

Должна ли я перебить и сказать, что я не Лейсан?

Я бросаю осторожный взгляд вбок, на руку. Жаль, на стене пейзаж, а не зеркало, не проверить, но я почти не сомневаюсь, что отражение покажет кого угодно, но только не меня. Может, я сплю? Говорят, чтобы проснуться, нужно себя ущипнуть. Я оттягиваю кожу, сжимаю до боли — и ничего. Либо врут, либо я всё-таки не сплю, и окружающая действительность реальна.

Ещё недавно про перерождение я только читала. Почему я так уверена, что это оно? Не знаю, но уверенность железная. Куда больше странной уверенности меня заботит моя реакция, точнее её полное отсутствие. Я спокойна, и это ненормально. Но даже волевым усилием испугаться не получается, эмоций ноль, зато есть океан равнодушия и море безразличия. Хотя нет — я прислушиваюсь к себе — любопытство и неуместный азарт при мне. Даже не знаю, что хуже “полное выключение” или этот сумасшедший коктейль.

— Лейсан!

А я только понимаю или заговорить тоже смогу?

— Д-да?

— Нексин Всеблагая! Нет, сил моих нет, — дама запрокидывает голову.

Так...

Я, теперь в открытую, подношу руку к лицу, медленно поворачиваю, рассматриваю. И окончательно убеждаюсь — мне досталось чужое тело.

Когда я пять минут назад мечтала начать с чистого листа, я имела в виду совсем не это, слышите?! Мой мысленный крик остаётся безответным. Я горблюсь, прячу лицо в ладонях. К демонам азарт, любопытство и соблазн вместо других стран посмотреть другие миры. Как быстро дама поймёт, что я не Лейсан и чем для меня обернётся её понимание? Заключением в лечебнице для душевнобольных? Костром инквизиции? Я без преувеличения в смертельной опасности.

Мне надо домой... Если бы я понимала, как произошло перерождение, я бы могла искать обратный путь. Но я не понимаю. Я сидела в приложении “Литнет”, мечтала о радикальных переменах в жизни, затем закрыла глаза, а, когда открыла, я была уже здесь. Пробую! Я представляю интерьер съёмной квартиры, стоящую на столике кофемашину, синий диван. Я закрываю глаза. Хочу домой, ну же!

— Лейсан!

Вторая попытка. Я никогда не считала съёмную квартиру своим настоящим домом. Может, дело в этом? Но тогда... всё плохо. Потому что нет места, которое я бы чувствовала родным. Я пробую вернуться к родителям.

— Лейсан!

Ха, чего я ждала? Как можно попасть к родителям в провинцию, если я находилась в столице? Стать призраком? Тогда уж лучше здесь...

Отменить перемещение я не смогу, и от этого надо отталкиваться. Я буду надеяться, искать способ, думать, но прямо сейчас мне нужно сосредоточиться на даме, теряющей остатки терпения. По-моему, она начинает закипать.

Родители... Завтра брат скажет, что я не отвечаю на звонки и мама будет ругаться, потом тревогу забьёт шеф, квартиру откроют и... И не факт, что найдут моё бездыханное тело, отнюдь. Ведь душа Лейсан куда-то делась, да? Логично предположить, что мы поменялись местами. Бедный шеф, с заменой ему придётся несладко, но в конце концов это проблемы шефа. По-настоящему меня беспокоят только родители. Даже не знаю, что хуже, смерть дочери или её амнезия, приправленная абсолютной сменой личности. Надеюсь, Лейсан им не навредит? Хм, а кем ей приходится эта покрывающаяся красными пятнами гневная дама? Получается, я тоже должна быть аккуратной, не вредить потенциальной родственнице. Наверное, амнезия всё-таки лучше, маме не придётся сожалеть, что ругалась на меня, когда меня в это время уже не стало. И сейчас я ничем не могу им помочь, только надеяться. Пусть отныне рассчитывают на Коленьку.

О чём я думаю? Прощаюсь, наверное. Я почти физически чувствую, как лопается державший меня поводок ответственности.

— Прошу прощения, — извиняюсь я перед дамой. Игнорировать её с моей стороны было грубо.

Знать бы кто она. Важно даже не столько, кем она приходится Лейсан, сколько, как к ней обращаться. Госпожа? Тётя? Марьиванна?

— Нексин Всеблагая... Бирон прав.

— Хм?

Я не представляю, как ещё реагировать на её слова. И то, что дама внезапно успокоилась, мне очень не нравится. Дурное предчувствие.

— Лейсан, я пыталась направить тебя на путь благодати, но, видимо, то была моя гордыня, когда я подумала, что справлюсь с воспитанием. Перед отходом ко сну мы вместе будем читать “Поучения”. Главу “О пользе смирения” для меня и “О пользе послушания” для тебя.

Я киваю. Надо же с чего-то начинать знакомство с миром. С книг — безопасно.

— А в чём... прав...? — я нарочно делаю между словами огромные паузы и недоговариваю. Называть неизвестного Бироном я не рискую. Вдруг он важный господин и с моей стороны это будет непозволительная фамильярность? Когда ошибку можно избежать, лучше подстраховаться.

— В том, что надо было выдать тебя замуж сразу, как в возраст вошла, — вздыхает дама.

Что?!

Только не говорите мне, что...

— А-апчихи! — проклятый перец.

— Я твердила ему, что ты не готова. Какая из тебя жена, Лейсан?

— Очень плохая. Никакая! — с готовностью подтверждаю я.

Дама словно не слышит, моё мнение ей совершенно не интересно.

— Бирон над моим упрямством только посмеялся. Говорит, молодую жену должен учить муж и его родители. В строгости учить. А я тебя только балую. Лейсан, когда Бирон с сыном сегодня придут, стой тихо, глаза в пол, постарайся произвести хорошее впечатление.

— З-зачем придут?

— Лейсан, что ты выйдешь за его сына, я давно с Бироном обговорила. Сегодня подтвердим помолвку при служителе Всеблагой и выберем дату свадьбы. Дня через два-три передам тебя под твёрдую руку Бирона и наконец-то со спокойным сердцем уйду в монастырь.

Глава 3

Что? Нет, что-о-о?!

Помолвка ещё не свадьба, но два-три дня...

— Я против! — мне одной фразы “учить жену сына” достаточно. Он как учить собрался, кулаками и розгами? Судя по тону, очень похоже. В замужестве есть один плюс — чужие люди не заметят

перемену в характере. Минусы перевешивают. Не знаю, насколько правдивы заверения, что дама хотела дать Лейсан повзрослеть. Не удивлюсь, если на самом деле она торговалась за приданое.

Дама смотрит на меня очень удивлённо. Лейсан никогда ей не возражала? Вряд ли, иначе откуда жалобы, что у дамы больше нет сил. Хотя нет, жалобы ни о чём не говорят, одно время у нас в компании работал парень, для которого пролитый стакан воды — потоп, а рассыпавшиеся из папки документы — всемирная катастрофа.

— Лейсан, что значит ты против? Не говори глупости. Да что ты вообще можешь понимать?! Бирон глава общины в третьем поколении! Кто лучше него сможет наставлять тебя ежедневно? Капризы, Лейсан, закончились. Когда гости придут, ты будешь вести себя правильно, иначе сегодня же отправишься в храм и до свадьбы будешь думать о своём поведении в одиночной келье.

Ой, ё-о-олки-моталки, как всё плохо. Она действительно имеет право меня запереть? Пару деньков в келье я потерплю, не это проблема.

— А если я всё-таки против? — упираюсь я. — Я... служителям прямо на свадьбе скажу, что я против!

Меня напрягает спокойствие дамы. То ли она не верит, что Лейсан взбунтуется на людях, то ли мой бунт никак не повредит её планам, и выяснить это лучше заранее, пусть даже для этого придётся приоткрыться. Дама вздыхает, пожимает плечами:

— Лейсан, что я могу поделать? Позорься. Хочешь, чтобы служители тебя прямо на свадьбе воспитывали? Чтобы Бирон с сыном в новый дом тебя не под руки ввели, а, как мешок с мукой затащили? Как к тебе после этого муж будет относиться?

Ответ получен.

Я опускаю голову:

— Я не буду делать глупостей, обещаю, — и я даже не лгу, просто вкладываю в обещание свой смысл.

Кстати, а зачем главе общины понадобилась проблемная невестка? Судя по оговорке, что он советовал выдать Лейсан не откладывая, он заинтересован. Приданое? Или наследство? На ум, кроме денег, ничего не приходит.

Задумавшись, я пропускаю, как в гостиную входит анорексичная девица, остроногая и лупоглазая. Глухое тёмное платье висит на ней

будто на швабре, соломенные волосы торчат из-под платка. Девушка низко кланяется:

— Сеньора Таэна, сваты идут.

Дама, окончательно позабыв про меня и моё несогласие, стремительно поднимется, но всё же бросает с высоты своего роста полный неодобрения взгляд и скорбно обещает молиться за меня. — Дори, помоги Лейсан привести себя в надлежащий вид.

— Слушаюсь, сеньора.

Развернувшись, дама уходит, но девушка не разгибается, пока не хлопает дверь. Я продолжаю сидеть.

— Синьорина Лейсан, пожалуйста, давайте исполним распоряжение сеньоры. Синьорина, пожалуйста, не создавайте мне трудностей.

Если встреча со сватами меня не вдохновляет, то принять помощь — это хороший шанс осмотреться, не выдавая своего полного незнания окружающей действительности.

— Ах, делай, как хочешь, — отмахиваюсь я. — Идём! А-апчихи!

Девушка открывает дверь, пропускает меня вперёд. Наконец-то свежий воздух! Я отступаю к стене и скрещиваю на груди руки, наблюдаю, как Дори захлопывает створку. Ничего интересного, конечно. Я просто хочу узнать, повернёт она направо или налево. Судя по тому, что слуги следуют за хозяевами, у меня намечаются проблемы.

Кажется, налево.

— Синьорина Лейсан?

Вздыхнув, я отлипаю от стены. Дори пристраивается за моим плечом. Благодаря уловке я угадала с направлением, но куда идти? Короткий коридор поворачивает и оканчивается тупиком. По одной стороне четыре одинаковых двери, по другой — окна. Я немедленно выглядываю. До земли далековато, минимум этаж. Вид открывается, увы, не на улицу, а на заброшенный сад и соседний дом. Сам дом ничем не примечательный, похож на приплюснутую коробку. Двухэтажный, облицован весёлым бежево-золотистым ноздреватым песчаником, крыша покрыта красной черепицей. Окон много, балконов нет. Внимание привлекает разделяющий участки забор, точнее территория за ним. Она ухожена, в отличии от “нашей”. Очевидно, что дама — как её, синьора Таэна — от услуг садовника давно

отказалась. Жадность или реальные проблемы с деньгами? Если проблемы, то моя теория насчёт приданого разваливается. Хотя... Дама упоминала, что собралась в монастырь. Может, Бирона интересует дом?

Дори распахивает одну из четырёх дверей, и моему взгляду открывается аскетичная спальня. Сама по себе комната большая, но из мебели только узкая кровать, тумбочка, стул и шкаф, к которому Дори и бросается.

В комнате неуютно...

На вешалках всего два или три платья, одинаково унылые. На мне — я только сейчас обращаю внимание — тёмно-коричневое платье, этакий мешок с рукавами. Я морщусь.

— Скорее, синьорина Лейсан! Синьора расстроится, если мы опоздаем.

— Да, сейчас.

За неприметной низкой дверцей я нахожу... отхожее место? В наличии корыто, несколько пустых вёдер с черпаками, пара кувшинов с водой, мыльные принадлежности, стопка полотенец и ночной горшок. Вот, чтобы при сватах в самый ответственный момент не отвлекаться на естественные нужды, горшком я прямо сейчас по назначению и воспользуюсь. Подумать только, горшком...

Ого!

На дверце висит небольшое, размером с лист бумаги, зеркальце. Хоть увижу, как я выгляжу. Но лучше бы не видела, честное слово. В зеркале отражается лицо, которое иначе, как запущенным, и не назовёшь. Что такое ежедневный уход, Лейсан явно не знала, умывалась простым мылом. Ни лосьонов, ни кремов я не нашла. Про маски и скрабы даже не заикаюсь.

— Синьорина!

А в целом лицо неплохое, обычное. Когда приведу в порядок, станет миловидным. Когда... Сейчас у меня другие проблемы.

— Иду, Дори.

Ох... Пока я знакомилась со своим новым обликом, горшок каким-то чудом самоочистился. Это... магия?! Нет, не стоит спешить с выводами. Если что-то выглядит как волшебство, то это ещё ничего не значит. Электричество для непосвящённого разве не магия?

В любом случае горшки подождут. Я возвращаюсь в комнату. Дори буквально налетает на меня. Я опомниться не успеваю, как она стягивает с меня домашнее платье, подаёт “выходное” серовато-бежевое, но такое же мешкообразное. Волосы — мне достались каштановые и тоже запущенные, с секущимися концами — Дори спереди зализывает, а на затылке стягивает и собирает в сеточку. Пару раз она неаккуратно дёргает, я шиплю, но Дори не обращает внимания, торопится.

Метнувшись к шкафу, она достаёт и подаёт мне башмаки. Нет, ладно бы просто уродливые. Они деревянные! Будто из цельного полена выдолбленные. Я ещё не встав, а только надев, понимаю, что они жутко неудобные. Но я не противлюсь, не время. Я медленно поднимаюсь, одёргиваю подол, привыкаю к ощущениям. Башмаки давят с боков. Похоже, без мозолей не обойдётся.

— Синьорина Лейсан, скорее же.

Ей попадёт из-за моей медлительности?

Кивнув, я выхожу и нарочно спотыкаюсь. Дори подхватывает меня под руку, не позволяя упасть, и я с удовольствием вцепляюсь в её руку:

— Проводи, — распоряжаюсь я. — У меня от волнения голова кругом.

— Да, синьорина Лейсан.

Дори позволяет опираться на неё, пока мы спускаемся на первый этаж. Лестница приводит в просторный залитый солнечным светом холл. Голоса же доносятся из боковой комнаты. Гостиная? Вероятно. Дори без предупреждения вырывает у меня руку и сбегает. Я недоумённо провожаю её взглядом. Ладно, не важно. Я перевожу взгляд на дверь боковой комнаты. Очевидно, что я должна войти, но я ведь не представляю, как здороваться и что вообще делать. Может и правда упасть в притворный обморок?

— Синьорина! — шёпотом окликает меня Дори.

Оказывается, она сбежала не просто так, она притащила гружёный поднос и передаёт его мне. Сухие хлебцы, мёд и чай — что-то ритуальное? Помимо общей посуды, на подносе с десяток пиал.

Я принимаю поднос, и руки почти сразу начинают подрагивать. Дори без лишних понуканий открывает для меня дверь, и сомнениям

места не остаётся. Какая разница, готова я или нет? На мне уже скрещиваются взгляды и неприятной сеньоры, и всех гостей.

Я делаю шаг вперёд.

Жрецов выдают белоснежные одеяния. Правее сидит немолодой мужчина в тюрбане, полагаю, Бирон. А парень рядом с ним, должно быть, и есть мой жених. Наши взгляды скрещиваются.

Глава 4

Я опускаю поднос на непривычно низкий стол: по размеру обеденный, а по высоте журнальный. Что сказать, я не знаю, поэтому не говорю ничего, принимаюсь разгружать.

— Когда Лейсан осталась сиротой, я в слепой гордости решила, что смогу её воспитать. Теперь я понимаю, почему Нексин Всеблагая детей мне не дала. Я не смогла быть достаточно строгой, разбаловала, — сеньора пускает крупную слезу.

— Не бери на душу тяжесть не по силам, — строго перебивает жрец. — Ты заботилась о девочке в меру своего разумения. Что, бросить её в приют лучше было бы?

Говорят, как будто меня в комнате нет.

Расставляя пиалы, я почти не скрываясь, рассматривая жениха. Одет неприметно всё в той же тёмно-серой гамме, а сам яркий красавец — голубоглазый блондин, волосы выются. Хоть сейчас отправить позировать на обложку модного журнала. Парень берёт у меня пиалу, одаривает быстрой, но многообещающей улыбкой, особенно выразительной на фоне постных мин остальных. На миг его пальцы задевают мои.

— Разумеется, вы правы, служитель. Бросить девочку я бы не могла.

Я почти перестаю слышать, о чём говорит сеньора со сватами, я смотрю на руку парня. На левом мизинце не хватает двух фаланг. Странное совпадение — в романе, который я вспоминала перед тем, как стала Лейсан, был персонаж без двух фаланг на мизинце, тоже голубоглазый блондин. Я хорошо запомнила — парень спустил в карты всё, что у него было и в надежде отыграть хоть что-то поставил на кон палец. Но блондин из романа был азартным игроком, а этот достойный сын главы пуританской общины почитателей Всеблагой Нексин. Опять же, ни община, ни Бирон, ни сама Лейсан в романе не упоминались. Хм...

Отступив на шаг, я замечаю жест жреца и подаю ему мёд. Он обмакивает в него хлебец и принимается смачно хрустеть. Янтарные капли падают на столешницу. Я отмечаю, что за столом места для меня не оставили, да и пиал не осталось. Значит, я от и до в роли прислуги.

В беседу вступает Бирон:

— Девочка вошла в возраст, и держать её при себе вечным ребёнком мне кажется неправильным. Ей пора стать молодой женой, повзрослеть, войти в новую семью. Служитель?

— Одобряю.

Даже не сеньора на правах опекуна решает?! Как жрец скажет, так и будет?! У сеньоры при взгляде на поедающего мёд жреца выражение лица становится туповато-восторженным. Что бы жрец ни потребовал, возражать она не будет, а жрец, уверена, говорит то, о чём его попросил Бирон. Плохо-плохо-плохо, как же дело плохо. А времени разбираться и искать мирный выход из брачной ловушки мне точно не дадут, я уже поняла настрой Бирона.

И он не заставляет себя ждать:

— Для меня Майла как родная сестра, я буду счастлив породниться и принять в семью Лейсан.

А кто такая Майла? Видимо, Бирон называет сеньору Таэну по-свойски.

— Одобряю, — кивает жрец. — Лейсан нужна твёрдая рука. Войти в семью главы общины для любой девушки большое счастье, Лейсан очень повезло. Майла, согласна?

— Всё, что советует служитель — правильно! — кивает сеньора, аж тюрбан от усердия трясётся, того гляди на нос съедет.

— В таком случае не станем затягивать и отнимать у служителя драгоценное время. Сеньора Майла Таэна, я, Бирон Грушич, прошу руки вашей подопечной племянницы Лейсан Далис для моего младшего сына Фирса Грушича.

Как-как?!

Но это же имя из романа... Нет, таких совпадений не бывает. Получается, мой жених не только лицемер но и превосходный лицедей? Чтобы прятать страсть к азартным играм под маской благочестия нужен особый талант. Он и отца ухитряется держать в неведении? Или Бирон в курсе и поэтому выбрал сыну жену-сиротку. Настоящей Лейсан бежать за помощью не к кому. Не к жрецам же.

Но разве можно попасть в мир авторского романа? Значит, можно. И это отличные новости на самом деле! Теперь я хоть немного представляю, в каком мире очутилась. И да, здесь есть настоящая магия.

— Я, Майла Таэна, согласна передать руку моей подопечной племянницы Лейсан Далис Фирсу Грушечу, сыну Бирона Грушеча.

Жрец опускает недоеденный хлебец в розетку с мёдом, воздевает ладони к потолку:

— Нексин Всеблагая, благослови!

В ответ раздаётся мелодичный перезвон, и сеньора промакивает очередную слезу. Жених мимолётно морщится, но я успеваю заметить его гримасу.

— Я настаиваю на свадьбе послезавтра, — объявляет Бирон. — К чему откладывать?

— Согласна. Служитель, вы давно знаете о моём горячем желании стать монахиней. Сразу после свадьбы детей я со спокойным сердцем смогу отправиться в монастырь.

— Одобряю, Майла.

— Спасибо, служитель. Всё моё скромное имущество я передаю храму. Что касается наследства Лейсан, то оно станет её приданым и будет передано Бирону Грушичу, как главе её новой семьи.

Жрец степенно кивает и знаком показывает мне убрать со стола. При себе у него писчие принадлежности и несколько листов бумаги. Макнув перьевую ручку в чернильницу, он начинает быстро писать. Я собираю посуду. Унести её или остаться в комнате? Сомнения разрешает жрец точно также знаком подзывающий меня к себе. Как собаку, на которую даже слово потратить жалко.

Я сдерживаю кипящее негодование, подхожу.

Жрец делает хватательное движение. Можно подумать, что он ловит в воздухе видимую ему одну блоху. Между его сжатых в щепоть пальцев вспыхивает искра, и жрец тотчас стряхивает её на бумагу. Хорошая новость — читать я тоже умею. Искра падает на документ рядом с моим именем и превращается в радужную кляксу. В романе описывалось, что таким образом на документах сохраняют отгиск ауры.

— Фирс.

Мой жених послушно протягивает руку, теперь радужный оттиск добавляется и напротив его имени. Но если в моём преобладают бледно-золотистые оттенки, то в его — насыщенные синие.

Жрец ставит на документ печать — прикладывает кольцо. Я мрачно наблюдаю, как, закончив, жрец передаёт документ Бирону. Я прочитала далеко не всё, но и прочитанного хватает, чтобы понять — только что было оформлено не брачное соглашение, а передача прав на меня и моё имущество.

— Нексин Всеблагая, благослови! Бирон, я верю, что ты поможешь Лейсан встать на путь исправления. Майла, ты исполнила свой долг. Я лично приду проводить тебя в монастырь. Я буду молиться, — жрец поднимается.

За ним поднимаются остальные жрецы, за всё время не проронившие ни слова и старательно изображавшие истуканчиков.

Сеньора буквально вскакивает:

— Служитель, не откажите, примите скромное подношение.

— Служа душой, не следует осквернять себя стяжательством.

— Не откажите, служитель, — подхватывает Бирон. — Примите простой мёд.

— И зерновые хлебцы, — добавляет сеньора.

Жрец склоняет голову:

— Скромную пищу мы примем.

Сеньора достаёт из шкафа накрытое платком блюдо. В овальной тарелке и вправду лежат самые простые да ещё и подсохшие хлебцы, еда даже не бедняков, а последних нищих. Младший жрец без колебаний забирает хлебцы вместе с батистовым платком, вместе с тяжёлым блюдом, если не ошибаюсь, из чистого серебра.

Бирон передаёт в дар небольшой бочонок, инкрустированный драгоценными камнями. Я не особо разбираюсь в ювелирке, но логика подсказывает, что россыпь синих и красных кристаллов отнюдь не стекляшки.

Я сдерживаюсь, отступаю к стене.

Сеньора и Бирон вместе уходят провожать жрецов. Я мысленно выдыхаю — ещё немного, и я бы взорвалась, а этого делать не стоит. Наказание в одиночной келье меня к свободе не приблизит, так что спокойнее... Надо собраться, вспомнить всё, что я читала об этом

мире, тщательно продумать план спасения себя любимой и действовать.

Фирс не последовал за всеми. Прикрыв дверь, он остаётся в комнате со мной наедине.

Глава 5

Не зря я вспоминала модные журналы. Фирс взмахом руки проводит по пушистым кудрям, жест будто в лучших модельных школах отработан. Фирс улыбается. В изгибе пухлых губ чудится что-то порочное.

— Приличные девочки наедине с мужчинами не остаются.

А если бы я убежала, он бы сказал, что приличные девочки гостей не бросают? Копившаяся злость поднимается жаркой волной. Страха нет. Не думаю, что Фирс нападёт, когда жрецы через стенку от нас. Гораздо большую уверенность в меня вселяет ваза под рукой.

Я склоняю голову к плечу:

— А приличные мальчики не проигрывают в карты пальцы.

Блондин вмиг вылинял.

— Тебе никто не поверит!

— М? Между прочим ставкой в нашем маленьком споре станет репутация семьи Грушич. Ты готов рискнуть?

Он оскаливается:

— Чего ты хочешь?

— Нам не по пути. Жена с таким характером как у меня это вечная головная боль для мужа.

— Ха, неделя послушания при монастыре лучшее лекарство от характера! Старая дымилка тебя за порог не выпускает. Про карты ты от неё слышала? Или швабра языком молотит? Взашей уволю. Говоришь, в городе вот-вот пойдут слухи? Спасибо за предупреждение. Моя дорогая невеста, зачем ждать? Почему бы нам не отправиться в храм прямо сейчас? Служители не могли уйти далеко. Отец!

Не на такой эффект я рассчитывала.

— Майла, прости моего порывистого сына.

— Ничего-ничего, накануне свадьбы волноваться естественно. Уверена, ты научишь детей сдержанности.

Фирс так и оставил дверь приоткрытой, я прекрасно слышу их разговор, но раздаются шаги и наступает тишина. Я выглядываю в

щёлку. Сеньора отошла в сторону и разжигает курительницу. Сын с отцом шепчутся. Фирс жестикулирует, Бирон озадаченно гладит подбородок.

Я разубаюсь. После деревянных колодок оказаться босиком блаженство.

— Майла, мой несдержанный сын только что признался, что задержался рядом с Лейсан.

Сеньора оборачивается и грозно сводит брови:

— Оставаться наедине с невестой недопустимо.

Бирон кивает:

— Это так. Фирс виноват и дома будет строго наказан, но он не хотел нарушать приличия, он заметил, что Лейсан злиться. Она... против брака.

— Бирон, к сожалению, Лейсан глупа и не осознаёт своего счастья.

Сеньора быстро теряет боевой настрой, зато Бирон переходит в наступление:

— Вот именно! Фирс задержался, потому что боится, что Лейсан сделает какую-нибудь глупость. Майла, помнишь скандал с дочерью бакалейщика? Дурочка тоже не смогла оценить, какое благо для неё сделали.

— Она, кажется... утопилась? Ох, Лейсан!

— Майла, я очень беспокоюсь. Чтобы Лейсан точно ничего не успела сделать, я предлагаю отправиться в храм незамедлительно.

— Но я собиралась подготовить Лейсан, дать ей последнее напутствие...

— Майла, важнее провести вместе лишний вечер или жизнь девочки?

— Жизнь, разумеется, жизнь!

Бирон кивает:

— Фирс, беги к жрецам, предупреди, что мы идём.

— Слушаюсь, отец!

— Ох, Лейсан! Лейсан, скорее, иди сюда! Лейсан!

Бирон крупный мужчина в расцвете сил. Ему меня скрутить всё равно что муху прихлопнуть. Я не сомневаюсь, свяжут и потащат с кляпом в зубах, а то и без. Мои протесты никому не интересны.

Из комнаты выход только в холл. И если сеньора дрожит и плачет, то Бирон неотвратно приближается. Сыграть на ловкости? Я просто не успею мимо него проскочить. А если и успею, то куда бежать? Догонит. Разве что на второй этаж рвануть, но там я окажусь в ловушке.

Я, не скрываясь, с грохотом закрываю дверь, заклиниваю ручки ножкой стула. Надолго преграда Бирона не сдержит. Я хватаю облюбованную вазу, бросаюсь с ней к окну, бью по стеклу.

Двери дёргаются с надсадным треском.

Стекло разлетается. Из рамы хищными зубьями торчат застрявшие треугольные осколки. Не пролезть — острые грани на лоскуточки порежут.

Я остатками вазы сбиваю самые крупные.

Оглушительный треск. Сдаются дверные ручки.

Бирон распахивает створки, стул от удара отлетает. Бирон бросается к окну выглядывает и с руганью перебирается через подоконник. До угла дома всего несколько шагов. Я вполне могла бы успеть скрыться. Бирон это понимает, поэтому не теряет ни секунды. За углом он меня не видит, но это значит лишь одно — я нырнула в укрытие и нужно меня найти как можно скорее, пока семейный скандал не стал горячей новостью всего города. Уважаемому главе общины превращаться в шута противопоказано.

Ищи, Бирон, ищи. Я осторожно выбираюсь из-за шторы, за которую юркнула в последний момент.

И опускаю взгляд на свои босые ноги. Я уже примерно представляю, что нужно делать.

Я крадучись выхожу в холл, замираю. Курительница чадит. Сеньора размазывает по щекам слёзы, бубнит молитву. Её лицо потеряло остатки привлекательности, распухло, пошло красными пятнами.

От перца засвербело в носу:

— А-апчихи!

Сеньора вскидывается:

— Жестокая девочка, так ты мне отплатила?

Я смотрю на неё, и злость пропадает. Образ самоуверенной дамы разметался как тот самый дым. Передо мной глубоко несчастная одинокая женщина.

— Мне жаль. Возможно, вы выдаёте меня замуж за Фирса из самых лучших побуждений, но это именно мне с ним жить. Я не могу позволить вам разрушить моё будущее. Но я желаю вам прийти к миру с самой собой.

Я взбегаю на второй этаж.

На вершине лестницы меня настигает крик Бирона. Быстро он сообразил...

Я вламываюсь в свою комнату, сую ноги в первые попавшиеся ботинки, ужасно расшлёпанне, зато удобные как тапочки — с непривычки босиком далеко не убежать, так что проблема обуви была на первом месте. Мимоходом я срываю с вешалки пару платьев, скручиваю комком. Со стороны лестницы топот. Бирон хоть и крепкий мужчина, но не молод, форму вряд ли поддерживал, да и забег для него даром не прошёл. Бирон поднимается медленно, с одышкой.

— Вер-нись и попро-си прощения, Лейсан, — грозный тон ему не удаётся.

Сеньора стоит внизу и беспомощно ждёт развязки.

Одним платьем жертвую — набрасываю Бирону на голову. Сеньора вскрикивает, решительно встаёт на нижнюю ступень, раскидывает руки.

Уверена, я смогла бы проскочить, но толкать женщину в мои планы не входит, да и на втором этаже дела не закончены. Снизу сеньоре не видно. Пока Бирон стягивает с головы подол, я скрываюсь в библиотеке — продолжаю игру в прятки. Надеюсь, он не сразу поймёт, которой из дверей я хлопнула.

Я бросаю оставшееся платье на пол, загибаю лиф с рукавами, завязываю края узлами, и у меня получается сомнительный мешок. В ящиках бюро я нахожу лишь канцелярские принадлежности. Надежда на конверт с деньгами не оправдалась.

В коридоре тяжёлые шаги.

Я хватаю с этажерки пару бронзовых подсвечников, бросаю их в свой импровизированный мешок. Дверь распаивается, в библиотеку врывается Бирон. Я вжимаюсь в стену и перестаю дышать. От его взгляда меня прикрывает лишь створка.

— Ты поймал её? — окликает сеньора. Похоже, она поднялась следом.

Бирон не отвечает. Его не могла не привлечь сбитая со столика курительница. Я специально толкнула её так, будто она упала, когда я пряталась за диван. Бирон медленно проходит вперёд. Он подозревает подвох? Тянуть нельзя, и я решаюсь, бросаюсь прочь. Шею обдаёт ветерком — если бы я заранее не наклонилась, Бирон бы меня поймал.

— Стой, дура! Запорю! — орёт он.

Я подныриваю под руку сеньоры:

— И ведь правда забьёт насмерть, — бросаю я ей. Вдруг прозреет?

Едва не ломая ноги, я скатываюсь по лестнице. Я не рискую проверять, открыта входная дверь или заперта, да и Фирс вернётся в любой момент. Уйти через разбитое окно надёжнее.

— Лейсан! — кричит сеньора.

Я спрыгиваю с подоконника. Приземление выходит неудачно жёстким, правая нога отзывается болью. Тело мне досталось хоть и юное, но весьма слабое.

— Лейсан!

А это уже Фирс — плохо!

Бегу прихрамывая.

На улицу точно нельзя — поймают. В саду — ещё хуже.

— Лейсан!

Глава 6

Штакетник металлический, между вертикальными планками протиснется кошка.

Подпрыгнув, я цепляюсь за верхний край, упираюсь мыском в поперечную перекладину и подтягиваюсь. Воров таким забором только смешить. Наверное, город тихий, забор лишь показывает границы приусадебных участков, но по-настоящему не защищает.

Спуститься труднее, чем забираться. Я повисаю, спрыгиваю. Нога вновь отзывается болью, но я бегу. Оборачиваюсь — сеньора и Бирон маячат в оконном проёме, Фирс остановился у штакетника.

— Лейсан, вернись! Давай поговорим?

Конечно!

То, что Фирс меня больше не преследует хорошо и плохо одновременно. Хорошо, потому что я получила фору, и плохо, потому что я не знаю, чем закончится, если хозяева сдадут меня страже. Тюрьма? Но пока ни хозяев, ни слуг...

По спине пробегает озноб, и вспыхивает острое чувство ужаса — я совершенно одна в чужом незнакомом мире делаю что-то очень похожее на преступление. Ужас гаснет быстрее, чем вспыхнул, и мысли возвращаются в практичное русло. Чем быстрее я выберусь, тем лучше. Только куда? На улицу выходить боязно. Открытое пространство, по обе стороны дороги частные дома. Я могу ошибаться, но первое впечатление — меня окружает тихий жилой квартал, где схватить меня легче лёгкого.

В кустах у изгиба садовой дорожки шорох сменяется шипением. С пронзительным писком вспархивает серая пичуга. Ветки куста раздвигаются, и на дорожку выступает упитанный кот. Смерив меня взглядом, кот переходит мне дорогу и исчезает за клумбой. Я провожаю его тихим ругательством, осматриваюсь.

Я выбираю заднюю калитку — надеюсь уйти дворами. Ни Фирс, ни Бирон, по идее, не должны ориентироваться в проходах, которыми пользуется прислуга.

Чужую территорию удаётся покинуть беспрепятственно, но я не расслабляюсь. Уверена, меня ищут, а значит, надо хромать между дворами, петлять, запоминать ориентиры и не думать о том, что мой спонтанный побег чистое безумие. Невольно вспоминаю, как после школы я хотела продолжить учёбу, мама была против, и я сорвалась под вечер. Тогда я несла сумку со сменным бельём, немного денег, документы и билет на поезд, никто меня не ловил. Сейчас я тащу два бронзовых подсвечника, завёрнутых в платье, на хвосте погоня, в перспективе туман, а в лицо точно также дует холодный ветер, небо хмурится, собираются серые кучевые облака..

Выбравшись на оживлённый проспект, я наугад выбираю направление. После пустых улочек, пёстрая суeta оглушает, и я, засмотревшись на яркие платья, цветастые вывески, сошедшие с исторических гравюр экипажи, едва не врезаюсь.

— Эй, серая, смотри куда прёшь, — долговязый детина сплёвывает на мостовую и демонстрирует мне дырку на месте переднего зуба.

— Извините, — я пытаюсь обогнуть его. Ссора с незнакомцем в мои планы точно не входит.

— И в обморок не упадёшь? — поражается он.

— Ради тебя, так и быть, упаду, если чистый плащ на грязный тротуар постелишь и для мягкости добавишь подушек, — дай мне уже пройти, а?

Мой ответ парню настолько понравился, что он расхохотался:

— А ты точно серая?

— Дружище, подскажи мне ближайший более-менее надёжный ломбард?

Я не уверена, что в ломбарде примут подсвечники, но к старьёвщикам я пойду в последнюю очередь.

Детина озадачивается, скребёт в ухе:

— Все ломбарды дрянь. Вон, через дорогу оценщику свои серёжки покажи. Только где ты их прячешь, гы? — верзила почему-то пытается найти их у меня в районе груди, и я впервые радуюсь мешковатому платью.

— Спасибо, — хмыкаю я.

У меня, конечно, не серёжки, но почему бы и не спросить? Не даёт мне покоя гвоздик на стене в библиотеке...

Перейти дорогу то ещё приключение. Ни про зебр, ни про светофоры здесь не слышали. Приходится перебегать, молясь избежать лошадиных копыт.

— Эй, серая!

Возвращаться к детине я точно не собираюсь.

— Я не “эй”, — машу я на прощание и прибавляю шаг.

Вывеску я заметила почти сразу.

Оценщик принимает в небольшой пристройке с торца двухэтажного здания, домов выше я пока не замечала. Тесное помещение встречает меня свистом флейты. За конторкой грузный мужчина, оплывший настолько, что похож на недожаренный блин. Раздувая бульдожьё щёки, он со всей силы дует, но звуки, которые у него при этом получаются, ничего общего с музыкой не имеют, однако господин Круглый Блин увлечённо продолжает и ни капли не смущается.

Я подхожу ближе и молча выставляю на конторку подсвечники.

Мужчина прерывает игру, откладывает флейту:

— Синьорина, скажите на милость, зачем вы пачкаете мой прилавок хламом?

Я ошиблась? Неужели шляпка гвоздя в стене библиотеки подарила мне ложную надежду?

— Сеньор, разве вы не оценщик? Даже у хлама есть цена.

— Вздор какой! — вопреки своим же словам господин Круглый Блин придвигает подсвечники ближе и осматривает, сперва бегло, затем внимательнее, через лупу. — Что же вы сразу не представились, синьорина Лейсан?

Желудок сводит. Я сглатываю ставшую вязкой слюну. Господин Круглый Блин опускает лупу и поднимает на меня взгляд. Я с трудом выдавливаю улыбку и пожимаю плечами. Ни к чему не обязывающий жест, который может нести в себе глубокий смысл или не значить ровным счётом ничего.

Господин Круглый Блин укоризненно вздыхает и возвращается к изучению подсвечников. Вроде бы он ничего не заподозрил. Я переступаю с ноги на ногу, жду. Время словно нарочно замедлило свой бег, стрелки на круглом циферблате едва ползут.

Я отхожу к окну, опираюсь на нагретый солнцем подоконник. Городская суэта за стеклом действует успокаивающе. Я присматриваюсь к прохожим — мне интересно всё: одежда, причёски, манера двигаться, много ли девушек без сопровождения и насколько уверенно они держатся.

— А?! — вырывается у меня.

Через дорогу мелькнул кудрявый блондин. Фирс это или кто-то другой, я не рассмотрела, отпрянула. А если сеньора заметила пропажу подсвечников и догадалась, что я их продам?!

— Синьорина? Что-то случилось? Вы бледны.

— Женщину чуть не сбил экипаж, — вру я.

— К сожалению, часто случается. Синьорина, я готов забрать подсвечники по той же цене, что и предыдущую пару. Как я уже объяснял сеньоре Таэне, если бы она сразу отдала весь набор из шести предметов, я бы заплатил больше, но она предпочла приносить по частям...

— Понимаю.

Это получается, что, получив опекунство, сеньора принялась распродавать “начинку” чужого дома? Сомневаюсь, что деньги от продажи наследства Лейсан ложились на банковский счёт, скорее,

жертвовались храму. Я не настоящая Лейсан, но чувствую себя обкраденной.

Пока я размышляю, господин Круглый Блин запирает подсвечники в шкаф, а затем отсчитывает триста двадцать шесть глиотов, из них триста двадцать в банкнотах. Я пытаюсь сообразить, много это или мало. В романе “Имя ведьмы из Старого Му” глиоты упоминались. Но разве я запоминала такие мелочи? Хм, помню, что в основном героиня расплачивалась монетами, купюра ей понадобилась, когда она покупала котёл.

Я хочу забрать деньги.

— Синьорина Лейсан, с сеньорой Таэной всё в порядке? Она приходила всегда без вас и повторяла, что деньги развращают неокрепшую духовно молодёжь.

Я касаюсь купюр подушечками пальцев, но забрать не могу. Господин Круглый Блин слишком крепко сжимает. Попробую вырвать — только порву.

— Я передам тётушке, что вы беспокоились о ней, сеньор. Тётушка будет тронута! — от приторности меня внутренне передёргивает, но я продолжаю лить сироп. — У нас произошло счастливое событие. Тётушка одобрила мой брак с сыном сеньора Бирона Грушича. Хотя искус и соблазн суть денег, как будущая молодая жена, я должна научиться справляться, поэтому тётушка отправила меня к вам.

Лишь бы не заметил очевидный ляп. Если бы меня действительно отправила сеньора, она бы сказала, как оценщика зовут, а я ни разу не обратилась к нему полностью по фамилии.

— Вот как.

Понимаю, что он что-то подозревает. Я спокойно киваю, смотрю ему в глаза.

Наконец господин Круглый Блин ослабляет хватку. Старательно скрывая облегчение, я забираю купюры и монеты.

— Поздравляю с надвигающейся свадьбой, синьорина.

Поблагодарив, я покидаю тесное помещение — раунд за мной. Мне бы радоваться, что я на первое время решила денежную проблему, но я чувствую лишь беспокойство. Тот блондин Фирс или не Фирс? Среди прохожих слишком много светловолосых, чтоб им всем облысеть.

Пока я была в лавке, погода подпортилась. С неба сыпет морось, похолодало. Распахиваются первые зонтики. Я зябко передёргиваю плечами, оглядываюсь. Может, уйти во дворы? Впереди мужчина, фигурой похожий на Бирона. Он удаляется, и со спины не разобрать.

Я подхожу к замешкавшейся женщине:

— Доброго дня, сеньора. Простите за беспокойство.

— Чего тебе?

— Я заблудилась. Пожалуйста, скажите, как пройти к вокзалу.

— Тебе туда, — неопределённо отмахивается она.

Подсказанное направление — вслед за похожим на Бирона мужчину

Пройдя пару зданий, я задаю тот же вопрос другой женщине.

— Прямо иди. Круглую башню же отсюда видно. Как ты заблудилась?

— Спасибо.

Вокзал ближе, чем я ожидала. Так бы и припустила, тем более дождь начинается всерьёз, укрыться бы от воды под крышей. Но я продолжаю осторожничать, снова высматриваю непонравившегося мужчину. Он как раз поворачивает к башне, оказывается ко мне не затылком, а боком. Бирон, чтоб его. Я не ошиблась — это он.

Сомневаюсь, что он внезапно сорвался в поездку, а значит, на вокзал он пришёл по мою душу.

И мне не скрыться. Я примерно представляю, как может выглядеть вокзал изнутри, в здании разминуться с Бироном точно не получится. Роман “Имя ведьмы из Старого Му” начинался приездом главной героини в город. На вокзале с ней случается первая неприятность — воришка убегает с её дорожной сумкой, и героиня остаётся без вещей и документов. Да-да, лишнее напоминание, что документы в этом мире важны и что у меня их тоже нет, правда, по другой причине.

С неба падают первые крупные капли.

По внутренним ощущениям проходит около четверти часа. Бирон покидает вокзал. Он поднимает лицо навстречу дождю. Не похоже, что ему нравится погода. Зонта при нём нет. Решит всё-таки пересидеть под крышей? Бирон утирает лицо платком, поднимает воротник и

поворачивает обратно — он ещё меня не замечает, но идёт он прямо на меня.

Глава 7

Нырнув за угол кондитерской, я огибаю здание и выхожу у Бирона за спиной. Я не тороплюсь, выжидаю, когда он уйдёт достаточно далеко, чтобы не попасться. Удачно, что вокзал на “моей” стороне.

Высоченная дверь, словно рассчитанная на великана, поддаётся с натугой. Я вхожу, оглядываюсь. Зал, как я и представляла, разделён надвое железной решёткой. По ту сторону перроны, пропускают на них строго по билетам. Для грузов есть ворота, для пассажиров вроде меня — калитка. Но сейчас проходы заперто наглухо, охраны нет.

На вокзале вообще никого, лишь за кассовой стойкой моя ровесница развлекает себя вышивкой. Я не спешу к ней подходить, продолжаю осматриваться. Я была права — спрятаться негде, зал как на ладони. Вдоль стены тянутся лакированные лавки. Из интересного — статуя. Каменный старик горбится на возвышении. Одной рукой он цепляется за сучковатый посох, другой рукой придерживает ляжку съехавшего набок дорожного мешка. У ног старика лежит буханка хлеба, не каменного, а ржаного и очень даже свежего. Кто-то сделал покровителю странников подношение.

Осматривать больше нечего, и я подхожу к кассе, каждый шаг гулким эхом отражается от стен.

— Доброго дня, синьорина, — приветствует меня девушка, но пальцы не откладывает, и из-за этого возникает сходство с Блином-флейтистом.

— Доброго. Я так и не нашла расписания.

— Расписания? — переспрашивает она, будто я требую у неё учебник по ядерной физике.

— Именно так, — киваю я.

Девушка на секунду задумывается:

— Но его все и так знают... В монастырь Скорби легче всего добираться из Карта, приходите завтра к полудню.

— Я тороплюсь и, возможно, поеду с пересадками. Какой рейс ближайший? В любую сторону.

— Через, — девушка нехотя поднимает взгляд на часы, — четыре с половиной часа. Но это до столицы, в обратную сторону. Синьорина, в конечном счёте вы напрасно потеряете время.

Хах, мне совершенно не нужен монастырь! Виновата недалёкость девушки или серость моего платья?

— До столицы какие-то остановки будут?

— Синьорина, да зачем вам это? Просто подождите, так будет быстрее всего. Остановки будут в Гебсе, в Ойохо, в Старом Му...

Названия я пропускаю мимо ушей.

— Один билет до столицы.

В романе говорилось, что междугородние поездки недороги, стоят примерно как два-три найма извоза, и лучше я переплачу за билет, чем оставлю подсказку, где меня искать.

— С вас три четверти глиота, синьорина.

Я выкладываю на стойку монету, взамен получаю билет и сдачу, отхожу в сторону.

На месте Бирона я бы обязательно наведалась на вокзал второй раз. Встреча неизбежна, а значит, пора принять меры. Я выхожу обратно под дождь. В успевших образоваться лужах лопаются пузыри. По примете, непогода затянется. Я взмахом руки подзываю хмурого извозчика, кое-как прикрывающегося фанеркой. Дождь разогнал людей по домам, извозчик остался без клиентов, вымок, радоваться ему нечему.

В двух словах объяснив, куда мне нужно, я спешу забраться в коляску. Вода заливает сквозь прорехи в тенте, но хоть какая-то защита. Самое скверное, что в промокшем платье теперь особенно холодно. Я обнимаю себя за плечи и стараюсь не стучать зубами.

Поездка не занимает много времени. Длинный проспект виляет, пока не упирается в рыночную площадь, за которой извозчик делает поворот. В качестве ориентира я запоминаю бревенчатый трактир, на всю округу распространяющий соблазнительные ароматы.

Извозчик останавливается через три дома:

— Прибыли, синьорина.

Я спрыгиваю на мостовую. Извозчик кивком указывает на лавку поношенного платья, и мне хватает одного взгляда на облупленную, сто лет не крашенную дверь, чтобы понять — я не хочу заходить. До бегства в столицу мне порой приходилось донашивать мамины вещи, а один раз мама достала для меня из недр шкафа бабушкино коричневое пальто, превратившее меня в замызганную бочку. Начав самостоятельную жизнь, вещи себе я покупала исключительно новые,

пусть и дешёвые рыночные. Однако в этом мире станок и конвейер ещё не изобрели, на рынке продают ткани, а за готовой одеждой либо в ателье иди, либо сам руки иголками коли. Сегодня я подчинюсь обстоятельствам и оденусь с чужого плеча, но я обещаю, клянусь, я поднимусь на вершину.

Я благодарю извозчика, предупреждаю, что ждать меня не нужно, и расстаюсь с четвертью глиота.

— Всего доброго, синьорина! — извозчик трогает.

Мне кажется, или дождь стал тише?

Я вхожу в полумрак забитой товаром лавки. Звякает потревоженный колокольчик, но никто не спешит мне навстречу. У дальних полок огненно-рыжая девочка лет десяти копается в плетёных корзинах с обувью, собирает разрозненные ботинки и сапоги в пары. На звук колокольчика девочка даже голову не поворачивает, сосредоточенно вяжет узел на шнурках. За узким прилавком не менее рыжая женщина щёлкает счётами и делает записи в пухлую тетрадь.

— Хей, для тебя здесь ничего нет, — заявляет она, не прерывая своего занятия

С — сервис.

Если бы не нужда, я бы пошла выгуливать кошелёк в другое место.

— То есть? — строго спрашиваю я.

Рыжая закатывает глаза:

— У меня нет ничего серого.

Вообще-то тёмная одежда на полках лежит, но я поняла, что женщина подразумевала — у неё нет традиционной одежды последователей Всеблагой Нексин.

Какой цвет мне будет к лицу? Ни освещения, ни зеркала...

— Сеньора, у вас есть что-нибудь благородное? И... может быть, яркое? Брусничные оттенки, глубокий розовый или насыщенный, но приглушённый изумруд? — я вспоминаю описания нарядов из романа.

Минимум одно платье должно быть настолько кричащим, чтобы на лице взгляды не задерживались.

— О?

— Я хочу одеться, как благополучная горожанка вольных взглядов, но держащаяся приличий.

— Однако.

Женщина откладывает счёты и выходит из-за прилавка.

— Два платья, туфли, зонтик, сумочка, — перечисляю я. — Хм, лёгкий плащ?

Я не хочу лишних трат, но хозяйку лавки надо заинтересовать, потому что сама я могу рыться в вещах до скончания века. Она же свой товар знает.

— Есть платье, его шили для одной столичной леди, но оно ветхое и линялое. Впрочем, вы легко исправите его краской и, допустим, свежей вышивкой.

— Не годится. Я переоденусь здесь.

— Ага..., — женщина прищуривается.

С минуту она размышляет и устремляется в угол, где одна на другой стоят громадные корзины. Выдернув вторую снизу и при этом ухитрившись не развалить “башню”, женщина достаёт свёрток плотной сочно-розовой ткани, и в её руках он превращается в платье с великолепным отложным воротником.

Я бы купила, но:

— И модницы за него не передрались?

— Платье в полном порядке.

— Я верю, — улыбаюсь я.

— Девушку бросил жених, и бедняжка с горя повесилась. Это было её помолвочное платье. История в нашем городе нашумевшая. Вы не местная, да? Я бы сама это платье не взяла. Зачем мне тряпка с мертвячки? Но сестра бедняжки принесла одежду в мешках... Оно чистое.

Какое совпадение, тоже помолвка...

— Она хоть не в нём повесилась?

— Н-нет.

Точно? Точно-точно?

Платье действительно чистое, ни пятен, ни дурного запаха.

— Вы правы, сеньора, вам эта тряпка ни к чему. В цене сделайте шаг навстречу, и я с радостью вас от неё избавлю.

— Хитрая какая.

В итоге я набираю полный саквояж вещей, и не только одежду, но и аксессуары, обувь. И становлюсь беднее на целых четыре глиота. Неоправданно дорого, с одной стороны, ведь я рассчитывала уложиться в полтора-два, но с другой стороны, я приобрела добротные

вещи, в которых не стыдно выйти. Дешёвые тряпки женщина мне показала — лохмотья.

Я переодеваюсь прямо в лавке, стоптанные “родные” ботинки меняю на аккуратные полусапожки на железных подковках, затягиваю широкий атласный пояс, и от прежней Лейсан остаётся только причёска и неухоженное лицо. Ненадолго. Я беру карандаш и туго обматываю стержень розовой лентой, на конце завязываю пышный бант, больше подходящий первоклашке, чем леди, фиксирую бант ниткой и тоже самое проделываю со вторым карандашом, а затем избавляюсь от сеточки. Собрать рыхлый пучок — минута, заколоть импровизированными палочками для волос — пара секунд. Девочка, выбравшаяся из своего угла, ошеломлённо моргает, глядя на моё чудесное преобразование.

Эх, мне бы палетку декоративной косметики... Тогда преобразование было бы полным.

Подмигнув малышке, я прощаюсь с её мамой, похоже, очень довольной нашей сделкой, и выхожу в сырую прохладу улицы. Дождь всё ещё лупит по мостовой. С палантином на плечах я больше не мёрзну. Я раскрываю над головой купол зонтика, крепче сжимаю ручку саквояжа. Цок-цок — надо же как подковки по брусчатке щёлкают. Я чувствую, как на моём лице расцветает улыбка.

Я иду в сторону рыночной площади. Сколько я провозилась в лавке? Думаю, значительно больше часа. Опоздать на рейс ни в коем случае нельзя, но пока немного времени в запасе ещё есть, и перед рынком я останавливаюсь в раздумьях. Взять в дорогу что-то перекусить будет весьма кстати, но откровенно говоря, я боюсь щипачей, хоть и спрятала купюры в разных интересных местах — в полусапожках, в кармашке панталон, под лифом. В розовом среди рыбных рядов я буду смотреться очень странно. Рынок небольшой, но незнакомый, обязательно забреду, куда не следует. Я обхожу рынок по дуге, с прихода покупаю у одной лоточницы кулёк пирожков с мясом, а у другой стакан сочной малины.

Опаздываю или во мне говорит паника?

Самое отвратительное, что спрашивать у прохожих, который час, бесполезно, ведь я не знаю, во сколько рейс, на билете проверила, не указано.

Когда я, задыхаясь от быстрой ходьбы, вхожу в здание вокзала, ворота и калитка всё ещё закрыты, но у калитки появился мужчина в военной форме. Некоторые скамейки заняты, желающих уехать на удивление мало. Я игнорирую обрушившееся на меня внимание и присаживаюсь на свободный край. Всё таки я слишком поторопилась. Но не уходить же...

К счастью, надолго ожидание не затягивается. Раздаётся гулкий удар, словно зазвонил невидимый колокол. Страж лениво тянется за связкой ключей на поясе.

В здание влетают Бирон с Фирсом.

Оглядев собравшихся, ни один, ни второй не задерживает на мне взгляд. Они ищут серую дурнушку, а тут розовая красotka с гигантскими бантами. Конечно, издали меня не узнать. Но они подходят к стражнику, что-то быстро объясняют, и стражник энергично кивает. Бирон и Фирс встают рядом с ним.

Стражник отпирает калитку.

Люди начинают подниматься. Проходить следует по одному. Исключение — путешествующие вместе.

Очередь тает как сосулька на майском солнцепёке. Я понимаю, что вот-вот окажусь с Бироном и Фирсом лицом к лицу, и хоть один из них меня точно опознает. Эх, следовало переодеться в мужчиной и раздобыть накладные усы. Но куда бы я прятала грудь?! Поздно, всё поздно...

Сердце проваливается куда-то в желудок, я делаю шаг вперёд — моя очередь, мы с Фирсом встречаемся взглядами точь-в-точь как несколько часов назад. Миг узнавания, и его глаза широко открываются.

Глава 8

Ха!

Невозмутимо улыбнувшись, я протягиваю стражу билет. Фирс хватает воздух, силится издать хоть звук. Бирон, вероятно, решив, что сын поперхнулся, от души хлопает его по спине. В это время страж возвращает мне надорванные билет, и я прохожу через калитку. В спину бьёт крик:

— Это она! — Фирс опомнился.

Я прибавляю шаг, бросаю взгляд через плечо.

— Держи её, пусти!

Но страж блокирует рванувшего за мной Фирса:

— Без билета не положено, сеньор, никак нельзя.

Весь мой расчёт строится на наглости и упомянутых в романе жёстких запретах. Выход на перрон только для тех, у кого билет. Пропустив Фирса, страж рисковал бы лишиться работы. Конечно, страж мог пойти на поводу у эмоций и мужской солидарности. К счастью, мне повезло.

Фирс и Бирон бегут к кассе.

Успеют ли они, как говорится, запрыгнуть в последний вагон?

Конечно, никаких вагонов нет. То, что стоит у перрона, больше всего похоже на драккар викингов, только крытый. Венчающая нос чудовищная морда сжимает в пасти полупрозрачный тёмно-синий шар с фиолетовыми прожилками внутри. Я не увижу, но в романе описывалось, что из шара выходит яркий сапфировый луч, который буквально вспарывает пространство, и корабль проваливается в астрал.

Я бросаю последний тревожный взгляд назад. Не пойму, Бирон и Фирс замешкались?

— Синьорина, поторопитесь.

— Благодарю.

Оперевшись на руку стюарта в безупречной белоснежной перчатке, я спускаюсь в нутро корабля.

— Налево, синьорина, — подсказывает стюарт.

Тесный как гроб коридор, и по обе стороны двери кают. Вместо привычных номеров названия цветов. Я отыскиваю изображение фиалки. Картинки для безграмотных? Впрочем, неважно. Важно, что крики снаружи. Бирон с Фирсом купили билеты, выбежали на перрон, но люк закрылся у них перед носом — опоздали!

Хочется кружиться, петь, танцевать — праздновать свою первую победу.

Но я спокойно вхожу в каюту. Ни узкая койка, ни крошечный откидной столик не испортят моего настроения. Я опускаю саквояж в ящик для багажа, сажусь — вовремя. Раздаётся предупредительный колокольный гул, и пол уходит из-под ног, как бывает в скоростном лифте. Свободное падение длится с минуту, аж дух захватывает, а затем ощущение исчезает. Корабль словно замедляется, пока не

замирает — это значит, что корабль погрузился в астрал, и ход настолько плавный, что заметить невозможно.

Победа!

Я купила билет до столицы. Чтобы меня найти Бирону и Фирсу придётся проверить каждый город на пути следования. Их ждёт чертовски трудный поиск, если, конечно, они не откажутся от гиблой затеи. Я собираюсь выйти в Старом Му. Возможно, это не лучшая идея в том плане, что именно в этом городе Фирс посещает казино, но плюсы перевешивают. Старый Му единственный город, о котором я знаю хоть что-то. Город большой, затеряться в нём также просто как затеряться иголке в стоге сена.

Постепенно эйфория спадает, на смену воодушевлению приходит опустошение. Я откидываюсь на жёсткую койку, как марионетка, которой разом подрезали удерживавшие её нити. Я закрываю глаза. Я действительно попала в другой мир, не шутка? Вот бы моё приключение оказалось затянувшимся сном, я так хочу проснуться дома... Я не замечаю, как по-настоящему проваливаюсь в вязкую черноту без видений. Ещё не кошмар, но что-то очень близкое к нему. Я скорее лишаюсь сил, чем отдыхаю. Сквозь тяжёлый невнятный сон я слышу колокол. За дверью стюарт объявляет остановку. Гебс, кажется? Я снова соскальзываю в черноту.

Будит меня до боли привычная вибрация. Настолько привычная, что я, не задумываясь, нащупываю под пальцами телефон, подношу к лицу, и только тут до меня доходит, что я всё ещё в каюте на астральном корабле. Я пропустила Старый Му?! Я приподнимаюсь на локте, кручу головой в тщетной надежде, что вот-вот вернётся привычный интерьер съёмной квартиры.

— Нет же!

Моё восклицание остаётся без ответа.

Телефон упрямо вибрирует. Разве вызов автоматически не сбрасывается через минуту? Погодите, откуда здесь взялся мой мобильник?! Телефон точно мой — сама модель и уголок защитной плёнки отходит. Тело мне досталось чужое, а техника родная?

Ничего не понимаю.

Вызов продолжается. Я в ступоре смотрю на экран.

“Звонок оператора Системы”.

А-а-а...?!

— С-слушаю? — кто бы ни жаждал со мной пообщаться, он безмерно настойчив.

Чтобы проснуться, мне срочно нужен кофе, потому что после сна котелок не варит.

— Душа, доброго времени суток! Вас приветствует оператор Системы.

— Какой у вас отвратительно бодрый голос, оператор, — баритон, если быть точной.

По ту сторону закашлялись, и я усмехаюсь.

— Должен признать, что впервые получаю столь неоднозначный комплимент.

Обиды в тоне не слышно, но я извиняюсь:

— Кажется, я сказала лишнего.

— Всё в порядке, душа. Мало кому после первого перерождения удаётся сохранить уравновешенность и избежать эмоциональной нестабильности. Через пару дней эффект от Системной ментальной коррекции полностью сойдёт.

— Значит, это вы меня втравили в историю, — я не спрашиваю, а утверждаю. Мрачное предчувствие подсказывает, что разговор окончательно уничтожит надежду на возвращение.

Хочу домой.

— Душа? Вы добровольно согласились на перерождение. Вы настаиваете, что имело место принуждение?

Пфф!

Хоть я и не юрист, в кресле помощника руководителя фармацевтической компании я сидела не за красивые глаза и пухлые губы, в столь убогую ловушку я точно не попадусь. А вообще, интересно получается: жульничать Система может, а грубо нарушать правила — нет? Знать бы правила...

Но с ловушкой всё просто. Если не сам, то заставили — казалось бы, железная логика. Но нет. Оператор ловко отсекает любые другие варианты, ведь доказать принуждение мне точно не удастся.

— В моём мире клик по баннеру означает согласие на открытие рекламной ссылки, а следовательно, поскольку дополнительных предупреждений не было, мои действия нельзя трактовать, как согласие на перерождение.

Вот так.

Судя по наступившему молчанию, я создала оператору серьёзную проблему. Я довольна.

Надолго молчание не затягивается.

— Душа, вы желаете подать жалобу? — голос оператора звучит по-прежнему бодро. — Давайте уточним. Изначально нами был зафиксирован всплеск в тонком ментальном поле, у вас отсутствуют крепкие связи с исходным миром и присутствует острое желание радикальных перемен. Безусловно, ваша жалоба будет тщательно изучена специалистами из юридического отдела, но, говоря откровенно, я сомневаюсь в успехе.

— То есть?

Предчувствия оправдываются.

— Практика показывает, что, отвечая согласием на вопрос “Действительно ли вы хотите вернуться”, в девяносто девяти случаях из ста души лгут, причём неосознанно. За желание вернуться часто принимают страхи, привычки.

Оператор попал в яблочко. Моё желание вернуться идёт от ума, а не от сердца, а в глубине души мне любопытно, хочется приключений, свободы. Я с нетерпением жду прибытие корабля в Старый Му.

Получается, мою жалобу отклонят? Как хитро устроились!

Я выкладываю козырь:

— Мои родители, — несмотря ни на что, за них я беспокоюсь искренне.

— Душа, разве ваши родители не считают опорой и надеждой семьи вашего брата Николая? Ментально-эмоциональная коррекция поможет вашим близким справиться с потерей, а в качестве компенсации ваших родителей посетят наши квалифицированные целители и проведут полный курс магического восстановления и омоложения. Без преувеличения, ваши родители сбросят лет тридцать и, возможно, через год у вас появится маленькая сестрёнка.

Звучит шикарно.

Чёрт, этот оператор умеет уговаривать.

— Зачем я вам? — между прочим, это самый главный вопрос.

— Душа, поздравляю с первым перерождением! На вашем телефоне установлено приложение “Система 2.05”. Уверен, вы легко разберётесь, приложение интуитивно понятное. Основная вкладка —

это каталог товаров и услуг, которые вы можете приобрести за особую Системную валюту — караты.

— Как много слов. Ближе к делу, пожалуйста.

— Душа, боюсь, без капли теории не обойтись. Маг напитывает чары энергией, которую черпает в окружающем мире и пропускает через себя. Мы заинтересованы в очищенной энергии. Каждый раз, когда вы обратитесь к магии, Система будет потреблять два-три процента очищенной энергии, и вам будут начисляться караты.

— А если я откажусь становиться магом?

При том, что у меня в ближайших планах стать самой настоящей ведьмой...

— Вы вольны поступать, как считаете нужным, душа.

Враньё. Может, напрямую и не заставят, но меня обстоятельства уже подталкивают. В новом мире крепко встать на ноги мне позволит только магия.

— Допустим, я всё же хочу вернуться.

— Возвращение вас в естественный круг перерождения — это одна из услуг в нашем каталоге. Её стоимость составит двести миллионов карат.

И-ик.

Двести-ик-миллионов-ик-карат.

Я попала...

— Прекрасно, — зло выдыхаю я.

Оператор ни капли не смущается:

— Душа, я рад, что вы согласились. Отчёт целителей будет загружен в приложение в течение недели. Душа, обратите внимание, в приложении вам доступен выбор приветственного бонуса. Надеюсь, консультация оказалась полезной.

— За неделю телефон разрядится.

— Душа, не беспокойтесь. Достаточно мысленно приказать носителю исчезнуть и также мысленно призвать, когда носитель понадобится. Заряд батареи восполняется.

— Прекрасно.

— Душа, спасибо, что выбрали Систему. Желаю вам приятных перерождений!

Оператор отключается.

Я раздражённо швыряю телефон в стену, но за миг до удара приказываю:

— Исчезни.

Телефон послушно пропадает, а я ударяю кулаком по койке. Ударяю, вымещая злость, страх. Наверное, ментальная коррекция срабатывает, эмоции постепенно гаснут, и я трезво взвешиваю положение, в котором оказалась. Другой мир? Зато родители получают курс полного магического восстановления. По факту, полноценную вторую жизнь за вычетом детства. Уже за одно это стоило согласиться, тем более я не в накладе, у меня теперь тоже жизнь. Своя, отдельная. И ведь в этом плане ничего не поменялось, после бегства из дома я все трудности я преодолевала в одиночку, так что можно считать перерождение вторым бегством. Или настоящим, а то, первое, в столицу — репетицией.

Мои размышления прерывает гулкий удар колокола, поезд выходит из астрала.

Глава 9

— Старый Му — объявляет стюарт.

Уже?! Стоянки же меньше минуты! Я хватаю саквояж, выскакиваю в коридор. Люк открыт, стюарт снаружи. Мне навстречу спускается новый пассажир, весьма крупный мужчина. В тесноте коридора я не без труда протискиваюсь мимо, избегаю по ступенькам.

— Синьорина? — стюарт уже тянется к ручке люка, на меня смотрит с вежливым недоумением.

— Я сойду раньше, — объясняю я. — Благодарю.

Стюарт уступает дорогу, и я оказываюсь на перроне.

— Всего доброго, синьорина, — стюарт захлопывает люк, а я тороплюсь отойти в сторону, потому что сейчас...

Шар в пасти резной морды вспыхивает, фиолетовый луч ударяет во что-то невидимое. Со стороны выглядит будто картину протыкает гигантский нож. Лоскуты холста расходятся, и в прореху просачивается золотистое свечение астрального плана. На языке появляется сладковатый привкус.

Дракар проваливается, и ткань пространства смыкается, от прорехи следа не остаётся. Я сглатываю вязкую слюну, желудок отзывается тянущей пустотой. Обед я пропустила. Лейсан не завтракала?

На перроне делать нечего, я киваю стоящему у калитки стражу и выхожу в зал ожидания, к кассам. Время к вечеру или уже вечер, неудачно. Должна ли я ночевать на вокзале? Помнится, героиню романа ограбили именно вечером. В тёмное время суток одинокой девушке в городе опасно, хотя терять драгоценное время жаль.

Дождаться утра всё же разумнее...

Я пристраиваюсь на угловую скамейку, разворачиваюсь к окну полубоком и с унынием думаю, что просидеть на жёсткой доске придётся семь-восемь часов. Да у меня всё отвалится! Может, всё же стоило отправиться в столицу и провести ночь в каюте? Но поезд ушёл. В моём случае — корабль.

Вместо ужина перекус всухомятку. Пока я расправлюсь с пирожками лоточицы, за окном успевают окончательно стемнеть, вспыхивают магические светильники. Прибывает ещё один корабль, и на перроне становится шумно — вышла мамочка с тремя детьми. Её встречает высоченный, под два метра, тощий бородач. Муж, наверное. Прибыла пожилая пара, багаж за ними несёт слуга. Последней показалась девушка в ярко-зелёном пальто с изумрудной брошью на лацкане, такая же одиночка как я, но в отличии от меня девушка уверенно направляется к выходу. Наверное, она может позволить себе и наёмный экипаж, и гостиницу.

У самых дверей девушка вдруг приседает и шарит по полу рукой. Я вскакиваю. Глаза могут подводить, между нами расстояние, и я не всё вижу ясно. Девушка встаёт. В её пальцах что-то небольшое зелёное. Она прячет находку в карман и выходит.

Не может быть! Неужели?!

В романе главная героиня точно также обронила брошь — от постоянного ношения замочек ослаб. Сейчас Ользу ограбят, и ей придётся сдать брошь в ломбард. Учитывая, что брошь для Ользы бесценна — память о матери — ей будет очень больно. Мало того, Ольза не успеет собрать нужную сумму для выкупа... Конечно, финал у романа счастливый: про брошь от брата Ользы узнает главный герой, он отыщет брошь, выкупит и вернёт, а до глубины души тронутая Ольза согласится стать его женой.

— Синьорина! — окликаю я.

Когда я успела выйти на улицу?!

Ольза никак не реагирует, а от здания вокзала отделяется тень. Кажется, я не успеваю... Зато я знаю, что вор уйдёт за угол и дальше свернёт в неосвещаемый проулок. Ольза погонится, но почти сразу будет вынуждена остановиться.

Раздаётся крик. Я на месте, и вор с саквояжем Ользы бежит прямо на меня. А вдруг у него нож?! Поздно!

— Стоять! — рявкаю я.

Вор то ли тщедушный, то ли подросток.

Ольза зовёт стражу, а я поудобнее перехватываю свой саквояж — сейчас ударю.

— Да провались! — рычит тщедушный без капли раскаяния, швыряет саквояж на землю.

— Шуруй отсюда, — внутри всё обмирает от страха, но внешне я спокойна и полна презрения.

Услышав приближение стражи, воруа грубо отталкивает меня и неспешной рысцей уходит в темноту. Я смотрю ему вслед, а затем опускаю взгляд. Саквояж и кошелёк в нём спасены, Ользе не придётся продавать бесценную брошку. Только что, поддавшись эмоциям, я разрушила сюжет романа... Частично разрушила — на встречу Ользы с главным героем моя помощь не должна повлиять.

— Синьорина, добрый вечер, — к Ользе подходит патруль.

— На меня напали и вырвали из рук всё, что у меня было, — всхлипывает она.

Стражи поворачиваются ко мне, и это я стою над чужим багажом. Ольза, проклятье!

— Синьорина, — стражи делают шаг ко мне.

Не делай добра — не получишь зла.

Ольза спохватывается:

— Нет-нет, тот, кто на меня напал, уже убежал. Великодушная и храбрая синьорина остановила вора.

— Синьорине просто повезло, что я шла мимо и оказалась на его пути.

— Рад, что всё обошлось, — главный в паре принимает объяснение.

Я отвечаю улыбкой. Чем быстрее я уйду, тем лучше, но торопиться нельзя — заподозрят невесть в чём. Стражи и так косятся на меня с недоверием. Или у меня воображение разыгралось? Я очень

боюсь, что меня попросят предъявить документы. Мне вообще не следовало лезть. Куда подевался мой здравый смысл?!

Патрульные осматривают поворот в переулок, но в темноту не суются.

Ольза подбирает саквояж, выпрямляется.

— Синьорина, вы меня спасли!

— Просто повезло, — повторяю я.

Ольза не успокаивается:

— И всё же, синьорина, я настаиваю, примите мою сердечную благодарность. Меня зовут Ольза.

— Очень приятно, Ольза. Рада знакомству.

Патруль уже ушёл, поэтому нет нужды вести себя естественно и представляться в ответ.

— Вероятно, я вас задерживаю... синьорина.

Мою заминку с именем Ольза понимает не совсем верно. Я же пытаюсь сообразить, как поступить. Знакомство с главной героиней романа в мои планы не входило. Не потому что я против, а потому что я не собиралась её искать преднамеренно. Но теперь мы встретились. И знакомство следует поддержать, а я сомневаюсь, что о себе рассказать.

— Ни в коем случае, Ольза. Я прибыла в Старый Му, чтобы впервые посетить Круг Введьм.

— Ах, вот как. Какой совпадение! Я тоже намеревалась посетить Круг. Но сегодня уже поздно...

— Разве? Я слышала, что Круг открыт и днём, и ночью.

Ольза на секунду задумывается:

— Как насчёт того, чтобы отправиться вместе?

— С удовольствием!

Я отвожу взгляд. Я странно себя чувствую. Как будто попала на сцену в разгар спектакля, и актёрам приходится подстраиваться, импровизировать, а я, вместо того, чтобы слиться с массовкой, выбралась на передний план. Вдвойне странно от того, что я знаю об Ользе почти всё: её прошлое, настоящее, ближайшее будущее, знаю, кого она полюбит, какой будет их свадьба. Я даже знаю, что у неё родится двойня.

Только вокруг не спектакль, а Ольза не актриса. Она самая настоящая девушка из плоти и крови. Красивая, кстати. Чуть выше

меня, стройная, фигуристая. Волосы вьются мелкими кудряшками. Лицо скульптурное. Есть в её облике что-то от задорной хохотушки и одновременно кошачье. Мурлычет и ластиться, но когти при ней. Обманываться видимым дружелюбием будет ошибкой.

Ольза увлекает меня к выстроившимся в стороне от вокзала экипажам. Я тенью следую за ней, спокойно жду, пока она договаривается с извозчиком.

— Сколько с меня? — уточняю я уже в экипаже, Ольза не стала брать коляску, выбрала более дорогой, закрытый.

— Обижаешь, — отмахивается она.

Я не настаиваю. Насколько экипажи безопасны и не завезут ли нас, двух девушек, в притон вместо Круга, тоже не спрашиваю. За окном чередуются пятна тьмы и света, город не рассмотреть. И чем больше мы удаляемся от центра, тем реже фонари.

Глава 10

Ночь по-весеннему прохладная, я кутаюсь в палантин. В воздухе чувствуется последождевая свежесть. В Старом Му тоже шёл дождь? Пока Ольза расплачивается с извозчиком, я стою задрвав голову. Здесь, в мире без электричества, в стороне от центральных улиц небо точь-в-точь такое, каким я помню его из детства, когда мы всей семьёй на лето выбирались в деревню — чёрное, бездонное. Бриллиантовой россыпью сверкают незнакомые звёзды, луны нет, а почти у самого горизонта мерцает багровая туманность.

— Идём? — окликает меня Ольза.

Подъехать к Кругу Ведьм на экипаже нельзя. Их обитель стиснута между городским парком и пешеходной набережной реки Муму, давшей городу название.

Я передёргиваю плечами. В темноте я чувствую себя слепой, а подсвечивать путь телефоном при Ользе не решаюсь. В парке ещё темнее, чем на неосвещаемой дороге, кроны почти смыкаются над тропинкой.

Мы пересекаем парк наискось, гравий сменяется брусчаткой. В тишине цоканье моих каблуков, мне кажется, слышит весь город. Впереди всё также темно. Я спотыкаюсь, и Ольза придерживает меня за локоть. Не похоже, что она из-за темноты испытывает хоть какие-то неудобства. Под ногами теперь плиты или, точнее, широкие ступени.

Дверей нет, и мы через проём, в ночи похожий на зев пещеры, входим под своды обители.

— А-апчих!

Об этом в романе не предупреждали!

На входе дымит курительница, правда пахнет приятно — не перцем, а цитрусом. Может быть, у Лейсан аллергия?

— Здесь не лечебница, — раздаётся ледяной голос. Приветливостью ведьмы не отличаются.

— Я искала гостиницу, — усмехаюсь я, за что получаю ощутимый щипок от Ользы.

Вспыхивает магический светильник. В романе упоминался мягкий свет, но мне вспышка ударяет по глазам. Видать, ведьма что-то подшаманила.

Несколько секунд я не способна видеть, но я стою с открытыми глазами, чуть склонив голову к плечу, улыбаюсь. Зрение постепенно восстанавливается. Я смаргиваю выступившую влагу. Передо мной, облачённая в голубой шёлк, в позе королевы одна из старших ведьм Круга.

— Младшая сестра, — ведьма кивает Ользе. Они не родственницы, просто принятое в Круге обращение. Меня ведьма игнорирует, хотя взглядом промораживает.

— Старшая сестра, — в тон отвечает Ольза, косится на меня обеспокоенно.

Я продолжаю улыбаться.

— В Круг запрещено приводить посторонних, — Королевская Сосулька изящно скрещивает руки.

А вот теперь хватит молчать.

— Спросонья ведьмы особенно злы? И, кажется, слепы. Старшая сестра, присмотритесь хорошенько.

Королевская Сосулька наконец-то перестаёт притворяться, что я лишняя деталь интерьера.

— Ты не ведьма, — спокойно констатирует она, однако под коркой льда мерещится раздражение.

— Я будущая ведьма. Я пришла получить второе имя, — и документы.

— Хм? Занятно... Младшая сестра, ты можешь идти, — Сосулька отсылает Ользу небрежным взмахом кончиков пальцев.

Ольза медлит.

— Я в порядке, — заверяю я. — Увидимся позже, мне не терпится, наконец, представиться. Половинчатое знакомство — это неправильно, подруга.

Хмыкнув, Ольза обходит Сосульку, но, прежде чем скрыться окончательно, оглядывается из-за её плеча и корчит забавную рожицу. Я же, пользуясь моментом, рассматриваю старшую ведьму внимательнее. Кожа без единой морщинки облегает лицо будто пластик. Глаза неподвижно-стылые. Она и правда какая-то мороженная. Шаги Ользы стихают.

Дождавшись тишины, Сосулька приглушает магический свет и командует:

— Будущая ведьма, следуй за мной.

Успеваю я или нет, её не заботит. Я сосредотачиваюсь на том, чтобы не отставать, по сторонам почти не смотрю. Усиливается запах цитрусов, в носу свербит, и я снова оглушительно чихаю. С улицы тянет свежим воздухом, к свежести примешивается лёгкий аромат цветов. Сосулька выводит меня во внутренний дворик к белеющей в ночи статуе и небрежно протягивает кинжал.

Мне стоило заранее расспросить Ользу...

Я должна его взять, да? Я осторожно провожу подушечкой пальца по режущей кромке — хищно острая.

Сосулька ничего не поясняет, и я уточняю:

— Что я должна делать?

— Если ты не знаешь столь простых вещей, может быть, не стоит становиться частью Круга? Ты осознаёшь, что бывших ведьм не бывает, пути назад нет? Что ты вообще о нас знаешь?

Ледяная спесь с ведьмы слетает, взгляд становится умным и полным беспокойства, а она сама — живее, человечнее. Её раздражение исчезло без следа, и никакая она не Сосулька.

Сначала я не собиралась делиться своими проблемами, но сейчас мне хочется объясниться. Ведьма на меня как-то воздействовала?! Я прислушиваюсь к себе — вроде бы нет. Меня зацепило, что ей не всё равно, что она предостерегает меня от ошибки, но в то же время окончательное решение оставляет за мной.

— Я ищу защиты от общины Нексин Всеблагой.

Может быть, и я правда слишком спешу?

— Серая мерзость? Понимаю... Девочка, я не хочу тебя отговаривать. Больше скажу, между серыми и ведьмами, я бы без малейших сомнений выбрала ведьм. Однако вступать в Круг по принципу “больше некуда деваться” тоже неверно. Что ты о нас знаешь?

Я глажу шероховатую рукоять кинжала. Знаю я недостаточно, это очевидно. Я знаю даже меньше, чем местные. Но в принятом решении я уверена.

— Ведьмы нашли гармонию между личной свободой, личной выгодой и сестринской взаимопомощью.

— Хорошо, — кивает ведьма. Похоже, мой ответ её полностью устроил, но объяснить, что делать, она не спешит. — Ты чувствительна к магии?

— Не знаю...

— Если у тебя нет способностей к магии, ты навсегда застрянешь в статусе ученицы.

Из того, что говорил оператор, следует, что способности у меня есть.

— Я рискну.

— Это твоя жизнь. Мы верим, что однажды на землю спустилась богиня. Она представлялась просто Колдуньей и обучала женщин зельеварению и чароплетению. Её ученицы стали первыми ведьмами. Чтобы войти в Круг, тебе нужно благословение Колдуньи. Пожертвуй своей кровью и поклонись.

Будто я знаю, как совершать подношения, хах.

Я подхожу вплотную к статуе. В камне высечена миловидная особа. Приветливо улыбаясь, она держит перед собой сложенные калачиком руки — очень похоже на одно из принятых в Азии приветствий. Ноги особе заменяет змеиное тело, кольцами обнимающее постамент. Кончик хвоста украшен изогнутым шипом. Лично я не сомневаюсь — ядовитым.

Если отбросить проблемы с помешанной тётушкой и картёжником Фирсом, вознамерившимся наложить лапу на моё наследство, хочу ли я стать ведьмой? Да, чёрт побери!

Я вытягиваю ладонь, надрезаю кожу. В постаменте выемка. Полагаю, её надо заполнить? В пробирку в поликлинике я и то больше

сдавала.

Хвост статуи пришёл в движение...

Нет, не сам хвост. Каменное изваяние на месте. Двигается его призрачный двойник. Игла ударяет точно в выемку, разлетаются мелкие брызги. Игла наливается краснотой, а кровь из выемки исчезает.

Я наклоняюсь, интуитивно догадываюсь, что руки богини должны оказаться у меня над головой.

Плеснуло что-то невидимое. Я вскрикиваю от боли, при том что болит... воздух надо мной? Видимо, аура. Жжение довольно быстро проходит. Я выпрямляюсь.

— Добро пожаловать в Круг, младшая сестра, — ведьма, наблюдавшая со стороны, подходит ближе. — Даю тебе имя... Иветта. Остался последний шаг. Отрекись от прошлого имени, Иветта.

Я пожимаю плечами:

— Старшая сестра, нет.

Глава 11

— Что? Девочка, разве ты не сказала, что хочешь уйти от серых?

— Я сказала правду. Но разве я уже не ушла? Я открою лавку, начну учиться. Сохранить прежнее имя означает сохранить шанс стать не только ведьмой. Мир за пределами обители влечёт меня больше, чем здешнее спокойствие.

— Какая... хитрая.

Старшая усмехается. Впрочем, в её взгляде читается одобрение. Отказ она принимает спокойно и жестом приглашает следовать за ней. Мы возвращаемся в здание обители, и ведьма провожает меня в гостевой зал. Серьёзные разговоры подождут до утра, а пока в моё распоряжение попадает лежащий на полу матрас, накрытый тонким пледом. Отдельная комната мне по статусу не полагается, поэтому ночевать придётся в общей. Хуже, чем в каюте, но лучше, чем на вокзале.

— О, так я права. Я пришла в лучшую гостиницу Старого Му! — я на самом деле довольна.

— Сестра, ты слишком шумная, — старшая ведьма, успевшая покрыться коркой льда и снова притвориться сосулькой, уходит.

Но в одиночестве я не остаюсь.

— Сестра! — Ольза стискивает меня в объятиях. — Ты стала одной из нас? Поздравляю!

Она будет ночевать на соседнем матрасе. Ольза успела переодеться в домашнее, от неё пахнет мылом. Пожалуй, мне тоже не помешает умыться, а вот на что-то большее сил не осталось.

— Меня зовут Иветта, — представляюсь я.

— Красивое имя!

— Спасибо.

Ольза разжимает объятия, отстраняется. Между нами повисает неловкость. Честно говоря, не знаю, как вести себя дальше. До сих пор... у меня не было настоящих друзей. Я всю себя отдавала карьере и не чувствовала нужды в пижамных вечеринках или совместным походам по магазинам. Ольза понимает мою неловкость по-своему и показывает, где уборная.

Когда я, передевшись в сменное платье, возвращаюсь, Ольза уже полулежит, подпирая голову локтем. Я устраиваюсь на своём матрасе. В зале тепло, плед я набрасываю лишь на ноги.

— Иветта, я тут подумала... Ты ведь только приехала в город, ты абсолютно свободна, а мне не мешает компаньонка.

— Э-эм? Подружка на жалованье?

Хихикнув, Ольза кивает:

— Можно и так назвать.

— Прости, у меня грандиозные планы. Ольза, как насчёт того, чтобы сходить куда-нибудь вместе? Я совершенно не ориентируюсь в городе.

— Не завтра. У меня тоже планы.

Она обиделась? С чего бы? Я ложусь на спину:

— Спокойной ночи.

— Спокойной...

Я засыпаю не сразу. Лежу с закрытыми глазами, пытаюсь осмыслить, как круто перевернулась моя жизнь. Всю ночь мне снится какая-то чехарда. Я прыгаю по грозовым облакам и ловлю розовых карпов, которые, стоит их поймать, превращаются в грейпфруты.

Меня будят бьющие в глаза солнечные лучи. Я тихонько, чтобы не разбудить Ользу, приподнимаюсь, но её уже нет. Плед на её матрасе аккуратно сложен, вещей тоже нет, то есть она уже ушла. Хм... По

крайней мере в уборной я могу провести столько времени, сколько захочу.

Наплескавшись вдоволь и переодевшись обратно во вчерашнее платье, я выхожу из гостевого зала.

— Иветта? — окликает меня моя ровесница. — Доброе утро! Старшая сестра просила проводить тебя. Я Линда.

— Очень приятно, Линда.

До моего появления девушка читала свиток, но немедленно спрятала его в футляр, а футляр зацепила на пояс в специальную петельку.

Из романа я знаю, что многие ведьмы предпочитают жить в Круге, и Линда приводит меня в общую трапезную. За длинным столом сидят две ведьмы. Бурно жестикулируя, они спорят то ли про зелье, то ли про заклинание. На нас спорщицы не обращают ни малейшего внимания. Линда показывает мне, где взять порцию. Сами ведьмы не готовят, трижды в день еду привозят из трактира. Убедившись, что я справляюсь, Линда ныряет в свой свиток. Я же с удовольствием расправляюсь с омлетом, съедаю толстый бутерброд с мясом и выпиваю две чашки чая. Пока за стол не села, не чувствовала, насколько я голодна...

Я отношу посуду в большой чан и возвращаюсь к Линде:

— Что-то интересное, наверное.

— А? Рецепт защитного зелья. Многие маги заказывают, чтобы пропитывать одежду. И не только маги, — Линда рассказывает на ходу, увлекая меня за собой.

Обитель напоминает плетёную салфетку. Арочные проёмы и окна причудливо сплетаются в каменное кружево, а галереи только усиливают впечатление воздушной лёгкости. Куда исчезла ночная мрачность?

Нас едва не сбивают с ног две ведьмочки, вздумавшие поиграть в догонялки прямо в коридоре.

Линда приводит меня в библиотеку и тут же облюбовывает ближайший уголок. Пока я осматриваюсь, она не только достаёт свиток, но и с головой погружается в чтение. Впрочем, то, что от неё требовалось, Линда сделала.

Я миную стеллажи с книгами и подхожу к занятой письменной работой Королевской Сосульке.

— Доброе утро, — здороваюсь я. — Спасибо за заботу, я почувствовала себя дома.

— Присаживайся, Иветта. Ты оставила прежнее имя, — отвечает она не поворачивая головы.

— Да. Отказаться от него я всегда успею.

— Спорно, но я не стану тебя переубеждать, тем более ты правильно сказала, что для тебя это шанс стать не только ведьмой. Я хотела поговорить о другом. Раз ты не ушла, значит, ты собираешься оставаться некоторое время в Круге?

— Нет.

— Занятно..., — она переворачивает страницу.

Уж не знаю, читает она или делает вид.

— Я хочу учиться, — поясняю я, — хочу освоить азы. И открыть собственную лавку.

— Ого. Ещё ни одного зелья не сварила, но уже собралась их продавать.

— А зачем варить зелья, которые нельзя продать?

— Логично. Что же, — ведьма откладывает книгу и ставит передо мной плоский ларец, опоясанный примитивной резьбой.

Я жду пояснений, но она лишь кивком показывает, чтобы я открыла крышку. Я подчиняюсь. То, что лежит внутри, по моему мнению, больше всего похоже на набор игрушек. В глаза бросаются миниатюрная тренога и котёл размером с куриное яйцо. Отдельно лежит половник на длинной ручке. Сам половник с ноготь, а ручка — с палец. Мешочки с неведомым содержимым я не трогаю, а то, мало ли, опять расчихаюсь, да и неизвестно, что там.

Королевская Сосулька снисходит до подсказки — щёлкает коротко подстриженным ногтем по внутренней части крышки.

“Установите котёл и на треть заполните водой,” — на крышке выгравирован рецепт. Набор всё же не игрушечный, а учебный. С первым пунктом инструкции я легко справляюсь. Вода здесь же, приготовлена заранее, ждёт в небольшой фляжке. Мерного колпачка нет, поэтому треть я определяю на глаз. Надеюсь, погрешности допустимы.

Ведьма мои действия никак не комментирует, молча наблюдает. Спросить? Интуиция подсказывает, что у меня не урок, а сразу экзамен

на профпригодность, а значит вопросы не ко времени, да и инструкция намекает, что сейчас вольности допустимы. Каплей больше, щепоткой меньше... Я перехожу к следующему, пожалуй, самому сложному шагу. Как напитать воду силой, которой у тебя нет и никогда не было?

— Сила разлита в воздухе. Закрой глаза и постарайся её уловить, — подсказывает Сосулька. — Обычно, если задатки есть, то почувствовать выходит чуть ли не с первого раза.

Сомнительно, что это так легко, но за совет спасибо.

Я закрываю глаза, но пытаться почувствовать магию не тороплюсь. Сперва глубокий вдох, затем выдох. Я вспоминаю вчерашнюю ночь, как я склонилась перед статуей и вскрикнула от боли, вспоминаю жжение над головой. Думаю, не ошибусь, если скажу, что жгло мою ауру.

Вроде бы чувствую...

Я мысленно зачёрпываю силу и наливаю в котёл, представляю, как она перемешивается с водой.

— Стой! Сумасшедшая! Ты что творишь?!

Глава 12

Концентрация сбита, но я продолжаю чувствовать силу. Не прекращая помешивать, открываю глаза:

— Сестра?

— Иветта, между “почувствуй разлитую в воздухе магию” и “оторви кусок собственной ауры” большая разница, не находишь?

— О...

Получается, я себе навредила? Я восприняла магию недостаточно серьёзно. К счастью, отделалась царапиной, но впредь следует быть осторожнее и не превращать ауру, щит души, в решето.

Я в один глоток выпиваю воду — не выплёскивать же за окно. Старшая тяжело вздыхает, но замечаний не делает, а значит, я поступила правильно. Я наполняю игрушечный котелок заново и пробую ещё раз. Сперва я нахожу границу ауры. Пытаюсь нащупать “царапину”, но её нет. Так быстро затянулась? А заодно я привыкаю к вкусу магии. Теперь, когда я знаю, что искать, ощутить энергию в воздухе легко. Но её надо как-то втянуть и пропустить через себя. Я представляю, что магия впитывается через кожу на ладонях. А как ещё?

Старшая не намерена дать более точные указания, а?

Поначалу ничего не происходит. Магия никак не отзывается на мои фантазии, что, наверное, логично. С тем же успехом я бы могла пытаться силой мысли вызвать ветер.

А если по-другому?

Я снова сосредотачиваюсь на своей ауре. В детстве у меня была матрёшка. Принцип тот же: самую маленькую фигурку можно сравнить с душой, среднюю — с телом, а самую большую — с аурой. Верхняя граница в пяти-десяти сантиметрах над кожей. Я складываю ладони лодочкой и медленно свожу. Я словно удерживаю невидимый мяч. Что будет, когда я сведу ладони? Я не чувствую движения энергии, но она ускользает. Я развожу ладони и снова ловлю невидимый мяч. Сейчас я окружила своей аурой крошечный участок пространства. Я сосредотачиваюсь на ощущениях. Я вряд ли смогу справиться с силой в окружающем пространстве, но с несколькими “пленёнными” каплями должна.

— Нет, остановись.

— Хм? У меня же получалось.

— Иветта, энергия, которую ты бы поглотила сейчас, растворилась бы в твоей ауре. Само по себе это даже неплохо. Подпитывать ауру можно, нельзя переусердствовать, иначе переизбыток чужеродной силы порвёт ауру изнутри. Но сейчас твоя задача напитать воду.

И это все объяснения? Нет, я ценю и благодарна, но...

— Как это сделать правильно, сестра?

— Управляй энергией, заставь её течь по твоим рукам.

— Как кровь?

— Да.

Я концентрируюсь на внутренних ощущениях. Кровь бежит по венам, потому что её качает сердце. Чтобы по венам потекла магия, нужно найти магическое сердце. Та-ак... Ого! Удивительно, но я нашла. Тело пронизывает сеть магических каналов, концентрирующихся на ладонь выше пупка. Трогать сложную структуру я не рискну, это неразумно.

Экспериментировать буду с каналом в указательном пальце. Я могу им управлять? Пусть вытянется к границе ауры. Палец словно удлиняется и превращается в хоботок.

— Что я вижу...

— Опять неправильно?

— Однозначного ответа нет. Прочти “Я управляю своей энергетической структурой” Мейриты. В двух словах, при таком способе тебе будет легче плести чары, но ты станешь гораздо уязвимее. Сама посуди: нанести вред открытому каналу или защищённому аурой?

— Хм...

Почитаю обязательно, но идея отрастить энергетические щупальца мне о-очень нравится. А пока пробую...

Если хоботок не годится, то будет пылесос. Буду тянуть силу с расстояния. Королевская Сосулька одобрительно кивает. Надо перестать её так называть.

— Простите, а как к вам обращаться?

— О, а раньше тебя незнание моего имени не смущало?

Я пожимаю плечами.

— Вчера я была слишком увлечена собой и своими проблемами. От жениха сбежала.

— Повезло жениху. Меня зовут Айсан.

Серьёзно? Айс? Ледышка?

— Очень приятно.

— Не верю. Ты сдаёшься? — она кивает на котёл.

— С чего бы?

Магия повсюду, она соприкасается с аурой и в теории поглощается, просто я этого не чувствую, как не чувствую, например, кожное дыхание. Удерживая внимание на внешней среде, я представляю, как мой указательный палец превращается в пылесос. Подушечку начинает покалывать. Я тяну сильнее. По пальцу от ногтя к ладони прокатывается волна жара. От неожиданности я теряю настрой, и тепло растекается по руке.

— Ты решила сжечь себе палец? — грустно спрашивает Айсан.

— Тяни обеими ладонями. Поначалу важно заставить работать все каналы.

— Поняла... А жар — это нормально?

— Ты когда-нибудь видела холодный огонь, Иветта?

Я втягиваю магию. Жар течёт по рукам в верхнюю область живота. Я чувствую, как внутри словно маленькое солнышко вспыхивает. Ощущение лишь поначалу пугающее. Жар не жжёт, а

приятно согревает. Про ладони я забываю, перестаю тянуть силу, и солнышко медленно гаснет. Я снова набираю силу, второй раз получается лучше. Как там оператор говорил? “Пропустить магию через себя”? Я не позволяю солнышку угаснуть, представляю, что оно жидкое и направляю по энергетическим каналам обратно в руки, а из ладоней — в котелок.

— Айсан, у меня получилось?

— Неплохо, продолжай. Лучший учитель — это практика. Тренируй свои энергетические каналы и старайся держать резерв полным. Поначалу, как только ты отвлечёшься, магия будет уходить, постепенно привыкнешь удерживать магию в резерве без напряжения.

Я возвращаюсь к инструкции. Беру из первого мешочка щепотку бурого порошка. О его происхождении лучше не задумываться. Щепотку тоже следует напитать, но ещё и добавить к ней желание вызвать раздражение на коже. Весьма по-злодейски, надо признать. Я представляю ярко-красные лизуны и острый зуд.

Воображая гадости, я сыплю порошок в котёл и помешиваю ложкой, через которую продолжаю вливать энергию. Постепенно порошок растворяется, а вода приобретает лёгкий болотный оттенок.

— Очень хорошо.

Айсан забирает котелок, принимает.

Резким движением она выплёскивает зелье мне на руку.

— Что?! Ауч, больно!

— Зато сразу видно, насколько хорошо получилось, — злорадно хмыкает Айсан.

В чём-то она права. Учебное зелье должно давать быстрый видимый эффект. Но разве нельзя придумать что-то другое. Полбеда, что на запястье расцветают пятна. Чешется так, что я готова ногтями соскребать кожу до мяса.

— А противоядие?

— У Линды попроси.

Вот ведьма.

Айсан убирает котелок и ложку обратно в ларец, захлопывает крышку.

— Спасибо за урок, — говорю я. Надеюсь, Линда читает, не ушла ещё.

— Урок ещё не окончен. В Круге три библиотеки: Библиотека Учениц, Библиотека Ведьм, Библиотека Старших. Ты, как ученица, свободно можешь пользоваться только первой. Книги и свитки из двух других ты можешь читать под мою ответственность. Причина — я должна быть уверена, что ты не навредишь себе.

— Понимаю.

Не могу, как чешется...

— Твоё домашнее задание: прочитай “Наставления девам, вставшим на путь колдовства” Дьяны. Приходи, как прочитаешь, мы обсудим. Про тренировку энергетических каналов и резерва я сказала, в “Наставлениях” читаешь подробнее. При желании можешь почитать “Энергетическую гимнастику” Лейды. Выносить книги из библиотеки запрещено. Вот теперь урок окончен.

— Вопрос, Айсан.

— Да?

— Пробовать варить зелья только под вашим контролем?

— Хоть целое озеро навари, лишь бы рецепт был отсюда, из Библиотеки Учениц, здесь специально отобраны безопасные.

— А что насчёт продажи?

— Никак не уймёшься? Оформи в мэрии лицензию и торгуй, но не жди, что кто-то вступится, когда за тобой стража придёт.

— Стража?

— А ты думала, за плохое зелье тебя по головке погладят?

Я тру невыносимо зудящее запястье:

— Айсан, я такие зелья буду продавать, что ко мне за ними в очередь будут выстраиваться.

— Ну-ну. Я предполагала, что ты упрёшься, так что вот, возьми, — она протягивает мне записку. — Тебе ведь негде жить?

— Негде.

— Как ученица ты могла бы остаться в Круге, но раз учёбе ты предпочитаешь сомнительные финансовые авантюры, можешь арендовать флигель у Ирьясы. Тридцать глиотов в месяц. Дешевле ты вряд ли найдёшь. Разве что тюфяк в сарае.

— Спасибо.

— Надеюсь, я увижу что-нибудь, кроме бахвальства.

Айсан придвигает отложенную книгу и возвращается к чтению. На меня она больше не смотрит. Я тихо прощаюсь и отхожу. Айсан

молчит. Лишь повернувшись, я чувствую между лопаток пристальный неодобрительный взгляд. Ей моя самоуверенность не по вкусу? Ну, извините, я не из тех, кто стесняется успеха. Или ей кажется, что я безответственно отнеслась к домашнему заданию? Названия книг и имена авторов лучше записать... Я отворачиваюсь к стеллажу, чтобы спиной прикрыть то, что я делаю, и мысленно призываю телефон. Девайс волшебным образом из ниоткуда послушно прыгает в руку. Экран приветственно вспыхивает. Как и обещал оператор, заряд полный. Что?! Я забываю про зуд и даже тру глаза. Вместо привычного значка вайфая горит непонятная закорючка, похожая на спираль. Неужели? “Опера” открывается, интернет работает. Забыв про всё на свете, я пытаюсь открыть соцсеть, но тут меня ждёт облом. Страница загружается, но вот войти не получается — выдаёт ошибку. В почту тоже не войти, снова ошибка авторизации. Значит, мне доступно только чтение. А я уж губу раскатала. Буду радоваться тому, что есть. За доступ в сеть я бы оставшиеся галиоты отдала без колебаний, а тут бесплатный бонус — шикарно.

Вообще-то я всего лишь хотела записать имена, отвлеклась и продолжаю отвлекаться, потому что в углу висит значок нового уведомления. Я открываю. “Душа, вам доступен приветственный бонус” и бегут цифры обратного отсчёта. Время терпит, бонусом займусь потом. Я наконец добираюсь до заметок. Айсан называла три книжки — записываю.

Повинуясь мысленной команде, телефон исчезает. Я выхожу из-за стеллажа.

— Линда?

— Иветта! Фуф, думала не дождусь.

— Ты торопишься?

— Немного. Куда тебя проводить?

— Можешь помочь? — я протягиваю пятнистое запястье. Розовые лизуны, как я и загадывала, приобрели насыщенный красный оттенок.

— Ух ты, Иветта, да у тебя талант! Поздравляю.

— Линда, я сейчас кожу сниму.

Линду мои жалобы смешат, но в помощи она не отказывает. Подхихикивая, вытягивает ладонь над моим запястьем. Руку охватывает прохлада. Лизуны постепенно бледнеют, а зуд проходит.

— Готово!

— Спасибо.

— Ой, Иветта, я чуть не забыла! Сестра Ольза просила передать тебе, — Линда протягивает мне сложенный пополам лист бумаги.

— Спасибо.

Я пробегаю короткий текст. Ольза извиняется, что из-за срочных дел не дождалась меня, приглашает в гости, адрес есть.

— Иветта, куда тебя проводить?

— Никуда, Айсан нагрязила учёбой.

— Если что, не стесняйся спрашивать у сестёр. Я побежала!

— Удачи.

Просить помочь мне найти на полках “Наставления...” Дьяны я нарочно не стала. Хочу разобраться, по какому принципу расставлены книги, найти руководство по зельеварению для начинающих, сборники интересных рецептов. Забуриться в стеллажи я собираюсь основательно, наберу увесистую стопку.

А что до запрета на вынос книг — ха! — я его не нарушу, но библиотеку ограблю. И на грабёж я отвожу себе три часа.

Глава 13

Сто лет не была в библиотеке — со школы. В университетскую я ходила за рекомендованными учебниками, а это немного не то. После выпуска я окончательно перешла на электронку — статьи о последних разработках в области фармацевтики появлялись прежде всего в Сети, и если бы я ждала бумажную публикацию, я бы безнадёжно отстала. Я провожу по корешкам. В душе растёт полузабытое предвкушение. Я ходила в библиотеку, потому что мне нравилось учиться, а мама увлечение химией и биологией не одобряла, требовала, чтобы я занялась тем, что пригодится мне в жизни — варкой борща или стиркой штор. Какой муж потерпит на окне пыльные тряпки? Тьфу! Я любила бродить от стеллажа к стеллажу, вынимать книги наугад. Иногда мне попадались настоящие сокровища — настолько захватывающие, что я приходила в себя, когда рядом начинала ругаться библиотечарша, ведь её рабочий день кончился, а я задерживаю. Вот и сейчас я предвкушаю, что в руки придёт сокровище.

С принципом я разобралась быстро — тематический.

Ближе ко входу книги для начинающих. Я нашла и “Гимнастику”, и “Наставления”. На следующих полках книги по теории. Я понимаю

их важность, но азарт толкает дальше — к практическим пособиям.

“Тридцать рецептов, которые должна знать каждая ведьма, собравшаяся открыть лавку” — сокровище? Сокровище! Пособие тонкое, на сотню страниц. Я раскрываю наугад. Заголовок несказанно радуется — мне выпало зелье от клопов. Конечно, штука несомненно полезная, но как-то иначе я представляла себе свою будущую деятельность. Я перелистываю к началу, оглядываюсь, убеждаюсь, что поблизости никого. Дорогой мой телефон, твой выход. Кингу я вынесу в телефоне — сфотографирую все страницы.

Через два часа я уже не так уверена, что фотографировать лучше, чем конспектировать. Монотонное перелистывание и щёлканье камерой утомило, как не утомляла отчётность в конце квартала.

Я возвращаю очередную книгу на место и задаюсь вопросом, где насобирать клопов, чтобы проверить эффективность зелья. Что бы ни думала Айсан, продавать я буду только те, в качестве которых я уверена.

Ещё одну книгу по теории я не осилю, рецептов набрала на год вперёд. Осталось сделать кое-что для себя. Тело мне досталось крайне неухоженное. Разоряться на косметику? В романе упоминалось, что качественную везут с востока, и стоит она от двадцати галиот за флакончик размером с напёрсток. Некачественная мне даром не нужна, ею только вредить себе и провоцировать преждевременное старение. Довольствоваться маской из огурца и прочими домашними рецептами, найденными в интернете? Зачем себя ограничивать? Ольза, Айсан, Линда — все встреченные ведьмы могут похвастаться сияющей кожей, густыми волосами, розовыми, похожими на лепестки, ногтями.

Если рецепта зелья красоты нет — я его изобрету!

— Иветта, ты так усердно листала книгу... Уже усвоила или сочла предложенные зелья недостойными приготовления?

— Айсан.

Напугала. Я чуть телефон не выронила и едва вспомнила, что можно приказать ему исчезнуть. Она ведь не заметила девайс? Я оборачиваюсь к Королевской Ледышке.

Айсан закончила чтение и возвращает книгу на полку.

— Иветта, я еду за травами. Присоединишься?

Вот как она умудряется одновременно быть и чуткой наставницей, и колкой насмешницей?

— Спасибо за приглашение, я бы очень хотела, но, боюсь, не в этот раз.

Она кивает и врёт:

— Жаль.

— Айсан! — окликаю я. — Посоветуйте, пожалуйста, где можно почитать про колдовской шампунь? Сами видите, вместо волос лохмы.

— А что у тебя вместо мозгов? — тотчас цепляется она и указывает направо. — Весь шкаф битком забит. Хм... Мне в своё время вот эта книжка очень помогла, — Айсан подцепляет идеальными ногтями за тёмно-зелёный корешок, вытаскивает книжку и протягивает мне.

— Спасибо!

— Если передумаешь, то ещё сможешь догнать и поехать со мной за травами.

Какие травы? Продолжаю фоткать! Я, конечно, дожидаясь, когда Айсан уйдёт.

Шампуни, бальзамы, крема... Увлёкшись, про время я забываю, и очень удивляюсь, когда таймер срабатывает — истекли три часа, которые я выделила на разграбление библиотеки. До конца томака ещё пару десятков страниц. Кажется, я натёрла на пальце воображаемую мозоль... Я решаю “добить” рецепты красоты, благо осталось чуть-чуть. Перелистываю предпоследний, последний. Готово! С глубоким чувством удовлетворения я возвращаю книгу на полку. Пожалуй, я получила даже больше, чем рассчитывала.

Плохо, что из намеченного графика я выбилась, так что ни читать, ни фотографировать “Я управляю своей энергетической структурой” Мейриты я уже не буду. Мне давно пора заняться жильём. И вообще, хочу успеть в мэрию за лицензией.

Ой-ё-о-о... Как я могла забыть?!

Чёрт-чёрт-чёрт! Мэрия от меня никуда не сбежит, а вот главная героиня...

В романе Ольза приезжает в Старый Му вечером, а на следующий день ровно в полдень на набережной Ольза сталкивается с главным героем. Как же я хочу это видеть! Это даже круче, чем кино. Так волнующе... Заодно совесть успокою. Я ведь вмешалась в историю — я должна убедиться, что пара встретится. Я от души переживала за их отношения, пока следила за продой.

Телефон вместо времени показывает какую-то абракадабру. Двадцать семь часов и шестьдесят шесть минут — что за шутка? Ориентироваться придётся по солнцу.

— Иветта?

— Линда, прости, я убегаю.

— А-а, ага...

Я бегу, грохоча подковками по каменному полу, прохожу через тёрку недоумевающих взглядов сестёр, сбегая по ступенькам. Впереди сквозь зелень просматривается блеск водной глади. Река делает изгиб.

Направо или налево? В романе упоминался Горбатый мост. Я верчу головой. Слева вдали мост есть, но самый обычный, на толстых опорах. Справа, метрах в ста от меня через реку перекинут горбыль. Однозначно — мне туда, мимо уютных ресторанчиков, ювелирных салонов, галантерейных магазинов.

На Ользе будет вчерашнее сочно-зелёное пальто, украшенное маминой брошью. По роману в тот момент она ещё не решилась сдать брошь в ломбард, надеялась на займ у ростовщика. Моими стараниями сдавать и не потребуется...

А вдруг Ольза дома? Вдруг я сломала не одну сюжетную линию, а историю целиком? Страх напрасный — вижу! Ольза опирается на парапет, ветер треплет газовый шарф светло-салатового оттенка. Ольза выглядит как настоящая романтическая героиня. Но пришла она не на свидание, она ждёт старую мамину подругу, встреча должна была состояться ещё рано утром, но сеньора так и не появилась. Ольза решила ждать до полудня, а потом попытаться разузнать хоть что-нибудь в парфюмерном салоне, где сеньора работает и через который шла переписка, домашний адрес Ольза не знает.

Я сворачиваю к колоннаде, пристроенной к Горбтому мосту. Хорошая точка — я смогу свободно наблюдать за встречей с главным героем, а меня от Ользы скроют колонны, таким образом я не помешаю.

Вот Ольза хлопает ладонью по парапету, резко разворачивается.

Мужчина, затянутый — бывают же совпадения — в мундир болотного оттенка явно не ожидает, что синьорина, спокойно любовавшаяся течением реки, внезапно окажется у него на пути.

Остановиться он не успевает, Ольза и главный герой налетают друг на друга. Ольза отступает на шаг и врезается спиной в парапет. Герой придерживает её за локоть. Я не слышу, но знаю, что она шипит от боли в пояснице, а он, хотя вина на Ользе, галантно просит его простить. Ольза взмахивает рукой, как от назойливой мухи отмахивается, и устремляется прочь. Она не замечает, как её брошь снова падает.

Направление Ольза выбирает неудачное — в мою сторону. Я смещаюсь, чтобы избежать её взгляда и замечаю... А что здесь делает мажор со шпагой?! Согласно роману, он появится только в конце эпизода. Но он стоит в тени кипариса и, как и я, наблюдает за парой. Как же он меня бесил...

Глава 14

Тяжёлый тёмно-синий плащ подобран под цвет глаз. меховой воротник совершенно не по погоде, зато кричит о богатстве и статусе. Как по мне, воротник вылитый хвост несчастной собаки-дворняги и уж точно не сочетается с шёлковым шейным платком, заколотым крупным овалом драгоценной броши. Завершает образ шпага на бедре. Мажор небрежно похлопывает по гарде. Жест настолько показушный, что трудно поверить, что парень выдающийся фехтовальщик.

Впрочем, виртуозное владение холодным оружием его единственное достоинство. Только что моё и без того невысокое мнение о мажоре упало ещё ниже. Кто бы мог подумать, что он шпионит из-за угла? В романе его появление выглядело случайным, а оказывается, он наблюдал и подгадал момент. Пфф! О том, что я тоже шпионю, я не вспоминаю.

— Иветта?

Ну почему-у-у! Пока я глазела на мажора, Ольза поравнялась со мной и, естественно, заметила! Не просто заметила — остановилась как вкопанная. А главный герой уже подобрал брошку. Сейчас нагонит и просто отдаст, из-за меня знакомство сорвётся...

— Захотелось тишины, немного прогуляться, освежить мысли, — улыбаюсь я. В ответ на такое пояснение тактичный человек вежливо удалится. Ольза тактичная.

— Набережная одно из самых популярных мест в городе несмотря на близость Круга. Иветта, ты ещё не обедала? Я тоже. Составишь мне компанию?

О?!

Да, в романе после нескольких часов бесплотного ожидания Ольза отправилась в парфюмерный салон не сразу, она пообедала в одном из кафе здесь, на набережной. Главный герой вернёт ей брошь, когда она устроится за столиком, а сам займёт соседний. А сейчас он идёт к нам! На улице знакомство может сорваться, тем более я мешаю своим присутствием. Вряд ли я успею объяснить Ользе, почему она должна пойти обедать без меня.

— С удовольствием! — по крайней мере сохранится место действия.

— Замечательно! Иветта, ты правда не против? Ты выглядела раздражённой. Мне показалось, нам обеим нужна компания.

Столики на веранде кафе свободны, но погода не располагает. Хотя небо ясное, а солнце припекает, в воздухе чувствуется прохлада. Гости предпочитают основной зал, внутри мест нет. Ольза замирает в растерянности:

— Иветта? Мы можем поискать...

Нельзя, чтобы герой “поймал” нас на пороге!

— Здесь чудесный вид на реку, — я тяну Ользу на веранду. Не так уж и холодно, не замёрзнем во имя любви.

Из зала выходит весьма габаритный официант, и устремляется к нам с достоинством крейсера. Своим телом он перекрывает путь главному герою, и тот вынужден сесть в стороне. Официант отвечает нам поклоны с неожиданным для его комплекции изяществом и подаёт плотные картонки, тёмные с одной стороны и светло-кремовые с другой. Чёртным по белому калиграфическим почерком выведен перечень блюд и цены.

Оставив нас выбирать, официант уходит к главному герою и перекрывает обзор. Самое время выбрать блюда. Только вот одного взгляда на цены хватает, чтобы отбить всякий аппетит. Цены задраны, и это понятно, ведь в кафе на набережной ходят не живот набить, а хорошо провести время. Набор основных блюд ожидаемо скудный, зато десертов больше десяти.

Я откладываю меню. Ольза делает тоже самое, но начать разговор мы не успеваем. Официант возвращается и с угодливой улыбкой вооружается миниатюрной записной книжкой. Ольза заказывает индейку под сырной шапкой, я — мясной пирог. Второй день

подряд... Такими темпами я скоро испорчу себе желудок и превращусь в булочку. Чай мы заказываем на двоих.

— Иветта, ты похожа на взъерошенного воробья. Не стесняйся рассказать.

— Было бы что рассказывать. Примеченный червяк в клюв не помещается, думаю, как не подавиться.

Ольза фыркает.

— Прекрасные синьорины, — прерывает нас главный герой. — Прошу прощения, за вторжение. Это ваше, — он опускает на столик брошь.

Приятная улыбка, тёплый взгляд. В глазах пляшут смешинки. Лицо у главного героя немного простоватое, лишено аристократической породистости, но, пожалуй, от этого только выигрывает.

Ользе действительно повезло.

Она прижимает ладонь к груди, придушенно всхлипывает.

— Моя...

Главный герой отстраняется.

Ольза привстаёт. Забывшись в порыве чувств, она хватается его за руку. Она тянется к манжетам, но пальцы соскальзывают и касаются обнажённой кожи внутренней стороны запястья, над пульсом. Как в романе... Ольза ощутит биение его сердца.

Потрясённые остротой ощущений, Ольза и главный герой замирают на несколько долгих мгновений.

— Ларс, кто бы мог подумать, что я увижу тебя в компании двух очаровательных синьорин, — мажор-шпагоносец с силой хлопает главного героя по плечу.

Момент безвозвратно испорчен.

Вздрогнув, Ольза отдёргивает руку, до крови прикусывает губу, слова благодарности застревают у неё в горле.

— Ирвин, — главный герой здоровается, но тон полон неприязни.

До приезда Ларса мажор считался первым клинком и непревзойдённым боевым магом, этакий местный царевич-самодур. Но, надо отдать ему должное, своё самодурство он направляет исключительно на боевых магов. В романе ни разу не упоминалось, чтобы он обидел женщину, слугу или простого работягу. Мажор шагал по центральному коридору мэрии, а Ларс, только-только прибывший в

город, не стал прижиматься спиной к стене, а лишь посторонился, уступая дорогу. Ирвин оценил пропылённый плащ в заплатах, сношенные ботинки и... толкнул Ларса. На пол упало рекомендательное письмо из академии магии. Увидев, что новичок назван многообещающим талантом, уйти сопокойно Ирвин уже не мог и наступил на письмо. На бумаге появился отпечаток грязной подошвы. Ирвин добавил пару оскорблений, вперемешку с издевательскими насмешками. Ларс ответил спокойно — вызовом. Поединок состоялся там же, под окнами мэрии. Испорченный лёгкими победами, Ирвин не воспринял Ларса всерьёз, за что и поплатился. Репутация неоспоримого победителя в одночасье была разрушена. Что обиднее, Ларс масерски срезал ему самый кончик носа.

Сейчас я вижу, что стараниями целителей шрама не осталось. А жаль.

— Очаровательные синьорины, кажется, Ларс не слишком понимает, что нужно сказать, поэтому позвольте, я представлюсь сам. Ирвин Мэгг к вашим услугам.

Официант выносит заставленный блюдами поднос.

— Синьорины, сеньоры, — он ошибочно ставит на столик не только наш заказ, но и заказы обоих мужчин, ведь мы смотримся как одна компания. О том, что изначально Ларс сел отдельно, официант не задумывается.

Ларс пытается спасти ситуацию, но Ирвин опережает и нагло садится рядом с Ользой напротив меня. В романе было тоже самое.

В последнюю очередь официант выставляет две вазочки с десертом:

— Прекрасным синьоринам в знак восхищения вашей красотой от сеньора Мэгга.

— Излишне, — Ольза хочет отказаться, но тонет в потоке комплиментов.

Собственно, Ирвин на неё нацелился по единственной причине — досадить Ларсу. Впрочем, мне тоже достаётся. Соблазнять дам Ирвин умеет лучше, чем фехтовать. Помня истину, что галантный кавалер не заставит подругу избранницы скучать, Ирвин старается во всю.

Я же уделяю должное мясному пирогу.

— Из-за меня..., — виновато вздыхает Ларс.

— Ваш приятель... весьма потешен, не извиняйтесь, — хмыкаю я.

Ирвин бросает на меня острый взгляд. Согласна, кому понравится, что его шутком обозвали? Ларс давится смешком.

— Простите, я могу называть вас Ларс?

— Да, синьорина.

— Ларс Первый Клинок? Я польщена знакомством.

Ирвин оборачивается. Светский налёт с него слетел в мгновение. Взгляд пламенный, крылья носа подрагивают. Явно, что Ирвин сдерживается с трудом.

Повёлся, дурень. Им управлять — как нажимать на кнопку игрушечного зайца.

Слышать, что не он первый, ему нестерпимо. Вызвать Ларса на поединок — не может, ведь, кто бы ни победил, это будет бой равных. Единственное, что ему остаётся — это очаровать меня, затмить Ларса обаянием. Ирвин сосредотачивается на мне, а Ларс вынужден поддерживать беседу с Ользой. Чего я и добивалась, ха.

Сейчас они познакомятся, а вечером дома Ольза спохватится, что не поблагодарила Ларса за брошь. Учитывая, что Ларс ей понравился, ничего удивительного, что она захочет увидеть его ещё раз.

Я слушаю Ирвина, слизываю с ложечки политые вареньем взбитые сливки. Я отвечаю вежливо, поощряю, но при этом смотрю на Ирвина с лёгкой насмешкой, и он из кожи вон лезет, чтобы произвести на меня впечатление.

Осознав, что привычные уловки со мной не работают, он пускает в ход тяжёлую артиллерию.

Глава 15

Ирвин вскидывает руку.

Я выразительно выгибаю бровь и отправляю в рот очередную порцию лакомства. Думаю, я знаю, что сейчас будет.

Над головой раздаётся хлопанье крыльев крупной птицы, и на плечо мажора опускается сине-жёлтый попугай. Мощные когти впиваются в ткань плаща.

— Под цвет глаз выбирали, Ирвин?

Попугай, бесспорно, красавец. Гладкое оперение так и манит провести рукой, ощутить его шелковистую мягкость, но я сомневаюсь, что птицам нравится, когда их трогают, поэтому я люблюсь

переливами от тёмно-синего в хвостовом оперении до яркой зелени на макушке. Такого попугая легко представить на плече матёрого морского волка, капитана пиратского галеона, но никак не на плече боевого мага.

— Лягушка, выскочка и ведьма, — чётко проговаривая каждое слово, выдаёт попугай.

— Какая прелесть! — хотя с попугаем я не согласна. Какая из Ользы лягушка?

Ради попуга от десерта я отвлекаюсь.

— Иветта, Ольза, позвольте представить вам моего друга. Скво...

— Сквозняк, — перебивает попугай. Одну ногу он поджимает, и при этом ухитряется наклониться вперёд, будто поклон отвешивает.

Я ещё из романа, знала, как красавца зовут, поэтому на странное слово не теряюсь:

— Приятно познакомиться, сеньор Сквозняк, — произношу я абсолютно серьёзно. Попугай прекрасно понимает человеческую речь, так что относиться к нему надо, как к важному собеседнику.

Ирвину попугай достался вместе с именем и переименовываться отказался, лишь со временем снизошёл и позволил хозяину называть себя ласково Сквозей.

Попугай аккуратно перебирается ко мне на руку, заглядывает в вазочку и разочарованно вздыхает:

— Орешки?

— Простите, сеньор Сквозняк, орешков нет. Но к следующей нашей встрече я обязательно подготовлюсь.

В ответ попугай ласково прикусывает меня за ухо.

— Кажется, вы произвели на моего друга неизгладимое впечатление, синьорина.

Ага, произвела. А задумывалось-то, что это я паду жертвой Скозиного очарования, ха!

Так, всё, что я могла, я для Ользы сделала, парочка увлечённо воркует, и мажор им уже не помешает, только себя дураком выставит, пирог и десерт съела, чай выпила.

— Рада знакомству.

— Синьорина?

— Дела зовут, я вынуждена откланяться.

Я достаю кошелёк.

— Синьорина, за кого вы меня принимаете? Я угощаю. Всех, — и колкий взгляд на главного героя.

Ох, Ирвин хочет покрасоваться? Мне же лучше.

— Иветта? Ты уже уходишь?

— Увидимся. Сеньор Сквозняк, вы отправитесь со мной?

Попугай поскрёб когтями клюв, будто человек в задумчивости нос почесал. Я провожу по оперению. Хотя я и предложила, я смутно представляю, что буду делать, если попугай согласится. Но он ведь не бросит своего хозяина? Кто кроме него присмотрит за Ирвином? Издав короткий грустный клёкот, попугай перепархивает на спинку стула.

Попрощавшись, я ухожу не оглядываясь. У меня ведь планы... Были.

Я ориентируюсь на Горбатый мост и иду в противоположную от реки сторону. За узкой полосой городского парка улица, и мне везёт, я сразу замечаю свободную коляску. Вариант идти пешком я не рассматриваю, и не из-за того, что я не представляю, в каком направлении искать нужный мне адрес, это можно у горожан уточнить. Я боюсь, что идти далеко.

Извозчик называет цену ровно в один галиот. Я соглашаюсь и забираюсь на скрипучую колымагу. Сиденье продавлено. От коврика несёт чем-то кислым — именно так должна пахнуть дешевизна. Коляска трогается, и меня откидывает на жёсткую спинку.

Мне кажется, или я слышу далёкий клёкот? Я даже оборачиваюсь, но козырёк, защищающий пассажиров от дождя и солнца, закрывает небо. Я поворачиваюсь вперёд.

Следить за дорогой я не пытаюсь — извозчик сходу взял бодрый темп. Город двухэтажный, трёхэтажные дома встречаются редко, архитектурные изыски — ещё реже. Мы сворачиваем с широкого проспекта на боковую улицу, и здесь жизнерадостные вывески исчезают, как исчезают и магазины. Квартал жилой, причём, похоже, обитают здесь состоятельные господа. Дома не лепятся один к другому, а стоят особняком, разделённые приусадебными участками. Мы проезжаем квартал насквозь и останавливаемся на углу.

— Прибыли, синьорина.

Дом с флигелем последний в череде богатых домов, одной стороной он выходит на торговую улочку, и единственный украшен вывеской — схематичным изображением котла в красном круге. На

первом этаже хозяйка устроила лавку. Посетительница как раз выходит, останавливается на крыльце, достаёт из клатча флакончик, смотрит его на свет и, удовлетворённо кивнув самой себе, машет моему извозчику. Я остаюсь без колёс.

Ничего удивительного, что ведьма держит лавку, но в моём плане лавка моя. Обрадуется ли хозяйка конкурентке? Три раза... Закрадывается подлая мыслишка, что Айсан права, но я задавливаю сомнения в зародыше — на пути к успеху они главные враги. Я вхожу в лавку.

Звякает колокольчик. Я осматриваюсь. Чего я ждала от лавки ведьмы? Я думала, что она может быть похожа на аптеку — на полках в бутылочках из тёмного стекла расставлены всевозможные снадобья. Реальность удивила: вдоль дальней стены выстроены внушительные сундуки на замках, в углу конторка и больше ничего, ни витрин с зельями, ни жаб в аквариуме, ни сухих пучков трав, свисающих с потолка. Зато ничем не пахнет.

За конторкой пышнотелая блондинка, от усердия высунув кончик языка, делает записи.

— Список слева, — указывает она, не прерывая занятия.

Список?

Ага... На вколотых в стену булавах висят два листа. На первом размашистым почерком выведен перечень зелий, которые есть в наличии. Два зелья уже жирно замазаны. На втором листе зелья, которые будут приготовлены на следующий месяц, в том числе и от клопов. Не заработать мне на усатых гадах.

Я подхожу к конторке.

— Сестра Ирьяса? Добрый день.

— О? — блондинка нехотя откладывает тетрадь, ответным приветствием она себя не утруждает.

Я протягиваю записку от Айсан:

— В Круге мне сказали, что у вас можно снять флигель за тридцать галиотов в месяц.

— За пятьдесят.

Занятно.

Блондинка смотрит равнодушно. По-моему, ей больше понравится, если я уйду.

Выставить самую безумную цену её законное право, но:

— Вы заламываете почти в два раза выше, чем мне говорили. Наверное, мне стоит спросить у сестёр, почему их сведения... настолько устарели?

Отдать пятьдесят я не готова. К чему вводить в заблуждение? Я просто останусь ночевать в Круге. Придётся искать другой вариант. Снять у Ользы? Попробовать пригород?

— Не обязательно сестёр по таким мелочам отвлекать. Тридцать стоит снять флигель, ещё двадцать — полный пансион. Завтракая, обедая и ужиная в трактирах ты оставишь гораздо больше.

— Я планировала готовить сама.

До первого гонорара, разумеется.

— Во флигели кухни нет, а на свою я никого не пускаю. Готовить вне кухни запрещено.

Я выкладываю на стол деньги:

— Сейчас я заплачу тридцать, а по поводу пансиона подумаю. Так можно?

Блондинка смеряет меня нечитаемым взглядом, похоже, в её глазах я поступаю не очень-то умно. Пожав плечами, она поднимается:

— Можно. Подожди здесь, я схожу за ключом.

— Нет, минутку.

Осталось прояснить самый щекотливый момент.

— Что ещё? — кривится она.

— Дело в том, что я собираюсь зарабатывать на жизнь.

— Девочка, избавь меня от своих забавных фантазий. Почему бы тебе просто не пойти в другое место?

С клиентами она такая же недружелюбная? Даже уступая в качестве, я выиграю за счёт сервиса: красивая упаковка, уютное помещение, неизменная улыбка продавца, презенты постоянным покупателям. А, может, мне стоит перепродавать уже готовые зелья? Нет, остатков подсвечников не хватит, чтобы выкупить весь ассортимент, а лезть в долги к ростовщикам я не собираюсь.

— Мне нужно жильё.

— Девочка, я понимаю с первого раза. Месяц, так и быть, твой, но не больше. Я сдаю, чтобы подобрать себе помощницу.

— Странный метод.

— Тебя не спросила. Так ты уходишь или остаёшься?

— Вы не против, если на месяц я превращу первый этаж флигеля в свою лавку?

Блондинка заливается хохотом, рыхлая грудь в декольте колышется.

— Я только порадуюсь... ремонту, — с трудом выдавливает она и, чуть успокоившись, скрывается в глубине дома.

Я начинаю подозревать, что во флигеле меня поджидают неожиданные трудности.

Глава 16

Хозяйка пропадает минут десять и выносит ключ из тех, которые ожидаешь увидеть под толстым стеклом на выставке в музее. Излишне тонкий, вычурный, едва ли не серебряный — на вид абсолютно ненадёжный.

— Он как соломина не переломится? — я полна скепсиса.

— Иди уже. Лавку открывать.

— Займись незамедлительно.

Флигель при ближайшем рассмотрении оказывается двухэтажной пристройкой светлого песочного оттенка. Крыша и козырёк крыльца покрыты традиционной яркой черепицей. Большое окно слева от входа — несомненные плюсы, можно превратить в витрину. Вывеску пристрою над входом.

Деревянная ступенька под ногой опасно прогибается. Во что обойдётся переделка? Возможно, постелить крепкий пандус будет дешевле.

Замок поддаётся со скрежетом. Дверь надсадно скрипит. В список покупок добавляется масло для петель.

— А-апчихи!

Первый этаж встречает меня залпом многолетней пыли в нос.

Поиск помощницы в магазин? Скорее экономия на уборщице. За месяц я как раз отскребу чернозём, устилающий все без исключения поверхности, включая потолок. А-апчихи! Вот во что я ввязываюсь? Но я не отступаю — ещё чего. Я прикрываю нижнюю часть лица шарфом и прохожу вперёд. На полу в серо-чёрном слое отпечатываются мои следы.

Я распахиваю окно настежь, впускаю свежий воздух, осматриваюсь. Расходы растут на глазах. В помещении пусто, а лавку без торговой стойки я не представляю.

За межкомнатной стеной я обнаруживаю спуск в подвал и лестницу на второй этаж.

Начинаю с подвала — именно в нём мне предстоит работать. Темноту разгоняю фонариком телефона. Возможно, светильник где-то и есть, но я не представляю, как его зажечь, поэтому останавливаюсь на нижней ступеньке. Лезть дальше смысла нет.

— А-апчихи!

Снова грязь. В воздухе висит нечто, похожее на свалывшуюся паутину. Наверное, паутина и есть. В подвале уцелел стол, похожий на кухонный. Теоретически его можно приспособить под торговую стойку, но я не представляю, как его вытаскивать. И потом, стол пригодится при работе с ингредиентами.

Второй этаж жилой, есть проход в основное здание, но дверь заперта с той стороны. Неожиданно, но на втором этаже относительно чисто, явно, что кто-то убирался не больше пары месяцев назад. У окна бордовое кресло с толстыми кисточками и низкий столик создают намёк на уют. К гостиной примыкает спальня. Есть и кабинет. Если забыть про пылцу, то я сняла настоящие хоромы.

— Вот.

Я же одна!

Я вздрагиваю, отшатываюсь и, теряя равновесие, оборачиваюсь.

На пороге спальни ухмыляется Ирьяса. Я не знаю, как она появилась настолько бесшумно, чёртова ведьма. Она никак не комментирует мой испуг, протягивает комплект постельного белья.

— Швабру принесу чуть позже.

— Что насчёт воды?

— А что с водой? — Ирьяса заглядывает в уборную. — Вода есть.

Корыто, вёдра и кувшин сухие, крана нет. Она издевается? Не похоже.

— Вас не затруднит показать?

— На полке, — Ирьяса переводит на меня недоумённый взгляд.

На полке плоская тарелка с прозрачными горошинами.

— Покажите, пожалуйста, — повторяю я.

Ирьяса недоумевает ещё больше, но в просьбе не отказывает, проходит в уборную, берёт одну из горошин и прокатывает между пальцами. На стеклянной поверхности выступает влага, словно

горошина отлита изо льда и от тепла рук начала таять. Ирьяса бросает её в ведро. Секунду ничего не происходит, а затем из крошечного шарика вырывается струя, ведро стремительно наполняется.

— Ого! — на происходящее я смотрю не веря своим глазам. Магия... Хотя я знаю, как самоочищаются ночные горшки, всё равно чудо.

— Девочка, как можно не знать элементарных вещей?

— Я издалека.

— Откуда сбежала? На дремучую крестьянку ты не похожа, значит, были слуги. Принцесса со шваброй, вот умора.

Ирьяса уходит и напоследок громко хлопает дверью.

Я провожаю ведьму смешком. Хах, принцесса. Знала бы она...

Так, уборка подождёт, иначе я увязну по уши. По плану первый пункт по-прежнему мэрия. На обратном пути зайду в трактир или куплю обед на вынос. Ещё бы успеть прикинуть цены на котлы... Размышляя, я вынимаю из саквояжа домашнее платье и расстилаю на кровать. Серый жутик ни капли не жалко, я выкладываю на него стопку постельного белья и немногочисленные пожитки. Зачем таскать сменную одежду с собой, когда можно оставить?

Ирьяса возвращается, брякает об пол ведром, сбрасывает ворох тряпья и выставляет к стене обещанную швабру. Швабра, покачнувшись, падает вдоль стены, но Ирьяса и попытки не предпринимает её поймать или тем более поднять.

— Спасибо, — хмыкаю я.

— Всегда пожалуйста, развлекайся.

— Чуть позже. После мэрии.

— Когда голова дурная, добрые советы бессильны.

Я отмахиваюсь. Когда это я жила добрыми советами?

— Ну-ну, — летит мне в спину.

На улице я нанимаю закрытый экипаж. Да, он заметно дороже, но я не могу угадать, когда чиновники меня увидят — когда я войду в кабинет или намного раньше из окна, когда я спущусь на мостовую. Явиться в мэрию на разбитой колыхаге всё равно что приехать в банк за многомиллионным кредитом на ржавом “жигули”.

Мягкое сиденье, удобная спинка. Кружево на шторке чуть надорвано. Я сдвигаю шторку вбок, чтобы видеть улицу, и мысленно призываю телефон.

“Душа, вам доступен приветственный бонус, один из списка на ваш выбор”.

Ну-с...

Под первым номером на фото самая обычная кисточка. Описание обещает, что с её помощью я смогу перенести из воображения на любую гладкую поверхность картинку из своего воображения.

Занятно, но бестолково. Наёмный художник прекрасно заменит эту волшебную штучку. Ладно бы рисовать можно было сколько угодно, но всего одна картина — нет.

Вторым пунктом идёт путеводитель по Старому Му, причём путеводитель электронный. Я получу актуальную карту с геолокацией и базовую справочную информацию. Вроде бы полезно, но я ведь не планирую оседать в провинции, так что нечего забивать память девайса, она не резиновая.

Под третьим номером руководство по призыву и воплощению высшего духа. Я внимательно читаю подробное описание свитка, но яснее не становится. Про призыв понятно, это что-то из сказок: лампу потёр, и джин появился. Я вон телефон призываю. А что такое воплощение? И, главное, кто такой этот загадочный высший дух? Появится услужливый джин или зловредный бес? А может, огненный элементаль устроит адский пожар? Про укрощение призванного духа в описании ни слова. Однозначно нет.

Четвёртым пунктом беспроектная лотерея. Если выберу её, мне выпадет нечто из Системного каталога. Приз может оказаться, как бесполезным, так и ценным, но проверять своё везение я не стану — не хочу расстраиваться, если попадётся откровенный хлам.

Остаётся... кисточка. Её я точно в дело приспособлю.

Я кликаю по фото.

“Душа, поздравляем! Вы сделали прекрасный выбор”.

— Лесть излишняя, — вздыхаю я вслух.

Над экраном вырастает звёздная воронка, будто лоскут ночного неба скрутили в трубочку. Вихрь стремительно раскручивается, отчего кажется, что пространство рвётся. Нет, оно рвётся по-настоящему — только осмелюсь и через прореху коснётся другого мира. Но пальцы мне дороги, да и с детства усвоила, что не надо тянуть руки куда ни попадя. Из воронки выпадает кисточка. Я машинально ловлю её за

серебристый волосяной пучок. У кого-то кисти из белки, у кого-то — из соболя или наоборот синтетика, а у меня — из единорога.

Воронка схлопывается.

— Прибыли, синьорина!

Я торопливо прячу кисточку и телефон в саквояж. Дверца распахивается, и я спускаюсь на мостовую. Извозчик остановил перед главным входом мэрии. Трёхэтажное здание облеплено декором, как торт кремом. К небу устремлён алый шпиль. Словом, стиль “дорого-богато”, полнейшая безвкусица.

Я расплачиваюсь и избегаю по ступенькам. Стражи, несущие караул, на меня никак не реагируют, я беспрепятственно вхожу. Холл безлюдный — иди, куда хочешь, и твори, что хочешь. То ли здешние чиновники совсем не пуганные, то ли я чего-то не понимаю. Хоть имена визитёров записывать должны, нет?

Спросить, в какой мне кабинет, не у кого. Здание будто вымерло.

Я осматриваюсь, верчу головой и только благодаря этому замечаю расписание. Какой-то умник прилепил его на колонну с обратной стороны от входа, в результате расписание видят те, кто уходят. Те, кто пришли впервые, должны, наверное, обладать рентгеновским зрением.

“Лицензирование” — полагаю, мне сюда?

Нужный кабинет не первом этаже в конце коридора. Очереди нет, дверь гостеприимно распахнута. Я заглядываю, и сутулый крепыш за письменным столом жестом приглашает меня войти.

— Добрый день, сеньор. Я ведьма, хочу открыть собственную лавку, мне нужна лицензия.

— Квитанция, — перебивает крепыш.

— Простите?

— Квитанция, синьорина, — повторяет он, как будто это что-то проясняет.

— Разве оплачивать лицензию не вам, сеньор?

Крепыш широко, во всю бегемотскую пасть, зевает:

— Синьорина, мне не нужны ваши деньги, мне нужна квитанция. Заладил!

— Сеньор, вы не подскажете, в какой стороне касса? И какую сумму мне следует внести?

— Стоимость лицензий утверждена законом, синьорина. Четыреста галиотов ровно.

Сколько?! Но до всех трат я за подсвечники получила только триста двадцать шесть. Мне катастрофически не хватает.

Глава 17

Весь мой расчёт строился на “недорого”. В романе “Имя ведьмы из Старого Му” было абсолютно чётко прописано, что стоимость лицензии сопоставима со стоимостью нескольких поездок в экипаже. Автор добавила своих фантазий? Ошибка в тексте?

Как минимум следует разобраться.

Я заставляю себя успокоиться.

— Простите, сеньор. Я слышала, что расценки совсем иные.

Крепыш вскидывается:

— Синьорина, вы сейчас обвиняете меня, чиновника при исполнении, во лжи?!

— Нет-нет, ни в коем случае! — чёрт! — Я лишь надеюсь, что вы поможете мне понять, каким образом возникла путаница. Речь шла о десяти галиотах или около того.

— О десяти? — крепыш откидывается на спинку. — Может, о пяти с четвертью?

Я пожимаю плечами.

Он издевается или спрашивает серьёзно?

— Сеньор?

— Зальют в уши вместо того, чтобы закон читать. Пять с четвертью стоит базовая ведьмацкая лицензия. Приобретя её, синьорина, вы получите право на магическую практику в коммерческих целях. Лицензия включает разрешение на оказание неспециальных магических услуг, — крепыш выдёргивает из ящика стола брошюрку и бросает в мою сторону.

И без того потрёпанная книжонка разлетается, с шелестом страницы оседают будто осенняя листва, и замирают на полу. Сейчас не тот случай, чтобы качать права, да и бросал крепыш не в меня, а по высокой дуге мне. В любом случае у меня нет ни времени, ни желания что-то ему доказывать. Я приседаю на корточки и спокойно собираю листы один к одному, благо они пронумерованы.

Крепыш молча наблюдает за мной. Я поднимаюсь, отхожу к окну и, потеснив чахлую герань, присаживаюсь на широкий подоконник — я тоже умею вести себя некрасиво. Уходить я никуда не собираюсь, пока не разберусь в хитросплетениях иномирного законодательства.

Впрочем, всё оказывается довольно прямолинейно, без вывертов. Ближе по смыслу ведьмацкую лицензию назвать не базовой, а стартовой. Она даёт самый минимум — коммерческий статус, без которого вообще ничего нельзя, и право работать на заказ. Допустим, клиент просит пузырьёк пресловутого зелья от клопов, а я ошибаюсь и делаю на литр больше. Продать излишек — нарушение. Чтобы продавать уже готовые зелья, дополнительно нужна торговая лицензия, и вот она стоит заоблачно. Плюс отдельная лицензия требуется на оказание некоторых видов услуг. Целительство, менталистика для самозванок вроде меня закрыты. Но это как раз абсолютно правильно.

— Про лавку придётся забыть...

За редким исключением ведьмы не оказывают услуг. Выгоднее за раз наварить запас на месяц, чем готовить каждый день порционно. Ирьяса именно так поступает: готовит в начале месяца. Как зелье закончится — вычёркивает из списка. Клиентам, кстати, тоже удобнее: пришёл и сразу купил необходимое, никакого бессмысленного ожидания.

— Синьорина, вы уснули?

— Провалилась в дыру.

Кто же знал, что законодательство будет похоже на сыр Маасдам? Дыра на дыре и дырой погоняет.

Я два раза перечитываю правила. То, что я вижу, это даже не лазейка и не обходной путь, это широкий зелёный коридор для свободной продажи зелий без торговой лицензии. Я расплываюсь в улыбке и спрыгиваю с подоконника.

— Памятку можете оставить, — ворчливо разрешает крепыш.

— Благодарю, сеньор. Так в каком направлении касса?

Я оплачиваю три лицензии: ведьмацкую, на открытие лавки и на найм работников. Все вместе лицензии обходятся мне в сто семь галиот, и для меня это очень много, в десять раз больше, чем я рассчитывала потратить, но я не отступаю, наоборот, азарт подстёгивает.

Получив квиток, я возвращаюсь в кабинет к крепышу. В мыслях я уже мчусь в магический салон за котлом и прочими необходимыми для восхождения на карьерный Олимп приблудами, но крепыш не торопится меня отпустить. Он изучает квиток едва ли не с лупой:

— Синьорина...

— Что-то не так? — напрягаюсь я.

— Вы не оплатили торговую лицензию, но намерены не только открыть лавку, но и нанять продавца?

— Ни в коем случае. Я действительно намерена открыть лавку, но буду использовать её скорее как рабочий кабинет. Разумеется, я не стану в ней торговать. Что касается найма, то мне нужен помощник, который займётся поддержанием чистоты в лавке. Возможно, консультант, который поможет заказчикам выбрать, какую услугу заказать, — с улыбкой поясню я.

Судя по выражению лица, с которым крепыш меня выслушивает, он убеждён, что я вру, причём нагло и глупо, но к чему придраться он не находит, оснований для отказа тоже нет.

— Я пришлю проверку, синьорина.

— Разумеется, — киваю я. Раньше или позже проверки мне не изежать.

— Ваше имя, ведьма.

— Иветта.

Крепыш достаёт бумагу и принимается заполнять. Я нетерпеливо заглядываю через стол, но крепыш недовольно фыркает, и я отступаю к приглянувшейся герани, устраиваюсь на подоконнике.

— Удостоверение личности, синьорина.

— Ещё не оформлено. Я только вчера вошла в Круг.

Крепыш — я с подоконника вижу — ставит на документе кляксу.

— Синьорина? Вы вчера вошли в Круг, а сегодня, ещё ничему не научившись, открываете лавку?

— Я далеко пойду, — улыбаюсь я.

— Бахвалиться вы мастерица.

Крепыш рвёт испорченный бланк, достаёт пустой и заполняет заново. Я ёрзаю, но вслух не тороплю. Раньше или позже, я получу то, что хочу. Жаль, конечно, что произвести положительное впечатление не получилось, в мэрии ко мне теперь будут относиться с предубеждением, и в будущем это может выйти мне боком. Но нет смысла беспокоиться о том, что может быть, а может не быть.

Между тем крепыш откладывает листы, вынимает из ящика вытянутый футляр. Внутри оказываются миниатюрные щипчики на непомерно длинной рукояти.

Эм?

Я ловлю хмурый взгляд крепыша. Кажется, я догадываюсь, чего он от меня ждёт. А ещё стало понятнее, откуда растут ноги его ко мне неприязни. Уверена, дело не только в моих амбициях, которые я не считаю нужным скрывать. Я возвращаюсь к столу, протягиваю руку. Крепыш вооружается щипчиками, звучно клацает ими в паре сантиметрах над моей ладонью. Крепыш делает то же, что вчера сделал жрец, но жрец маг, а крепыш нет и полностью зависит от артефакта.

Вспыхивает искорка, и крепыш сбрасывает её на бумагу, но вместо вчерашней радужной кляксы напротив моего имени возникает антрацитовое пятно. Золотистые оттенки едва пробиваются.

Так и должно быть, да? Я взяла новое имя, но сохранила старое...

Крепыш заверяет “искорками” лицензии:

— Синьорина, прошу.

— Благодарю.

Если он мечтал о карьере мага, не преуспел и теперь до пенсии будет выдавать лицензии одарённым, то мне его искренне жаль.

Я покидаю кабинет, но не мэрию. В коридоре по прежнему безлюдно, и я устраиваюсь на банкетке под незатейливым пейзажем в бронзовой раме. Я достаю заметно отощавший кошелёк, пересчитываю наличность. У меня осталось сто восемьдесят с мелочью.

Мда, потратилась я довольно бездумно... Оставшихся денег хватит на полгода скромной жизни. Но я-то планирую тратить дальше.

— Синьорина Иветта?

Голос смутно знакомый, мягкий баритон.

Я поднимаю лицо, кошелёк выскальзывает из пальцев и с глухим ударом приземляется на пол, несколько монет выкатываются.

— Сеньор Ларс, — здороваюсь я.

Принесла нелёгкая главного героя...

— Синьорина, я должен извиниться перед вами за грубость. Из-за меня ваш обед с синьориной Ользой был испорчен.

— Сеньор Ларс, о чём вы? Вы спасли Ользу. Та брошь для Ользы память о маме, и я не представляю, как бы Ольза справилась, если бы не вы. Позвольте выразить вам свою глубокую признательность. Что касается обеда, то вольности себе позволил сеньор Ирвин, не вы.

Ларс наклоняется, чтобы помочь мне поднять кошелёк. Я тоже за ним тянусь. Наши с Ларсом пальцы соприкасаются.

Глава 18

— Простите, синьорина, — он излишне поспешно отдёргивает руку.

Разве в романе Ларс тоже был правильно-приторным? Под сахарной корочкой прячется крепкий орешек в гранитной скорлупе. Когда я читала, Ларс мне очень нравился. Сейчас... Парень симпатичный, характер подкупает. Ларс из тех, про кого говорят “сделал себя сам”.

Его отец обанкротился, когда Ларсу было семь лет и мать ходила в ожидании второго ребёнка. Отец настолько остро чувствовал вину, что его парализовало. В череде несчастий счастливым событием стало рождение брата Ларса, здорового крикливого малыша.

На остатки сбережений семья перебралась из дорогой столицы в глубинку, но всё равно деньги закончились в течение года, и семья рухнула в долговую яму. Матери пришлось тяжело работать, они едва сводили концы с концами. Ларс не просто рано повзрослел и стал матери опорой. Он сумел выучиться, поступить в престижную академию магии. Здесь, в Старом Му, он на государственной службе, отрабатывает грант на обучение, а в свободное время зачаровывает ювелирные украшения. Его родители и младший брат живут с продажи его изделий.

Я восхищаюсь Ларсом, как восхищаюсь всяким, кто смог честным путём подняться со дна на вершину. Я сама прошла через что-то подобное, хотя мне не было так тяжело, как Ларсу, ведь я отвечала только за себя. Я чувствую к нему родство.

А уж на фоне Ирвина Ларс выигрывает по всем пунктам.

— Синьорина, если Ирвин начнёт создавать трудности вам или синьорине Ользе, пожалуйста, не стесняйтесь сказать мне. Я имел в виду, он неплох, но бывает навязчив.

— Я запомню, сеньор. И передам ваши слова Ользе. Уверена, она будет тронута.

Ларс улыбается:

— Синьорина, позвольте вас проводить?

Я мешкаю, но соглашаюсь.

Ларс галантно забирает у меня саквояж, и мы вместе выходим на улицу. Я поднимаю глаза к небу. Голубой небосвод безоблачен, солнце движется к западу, но до заката ещё далеко. Мы спускаемся к проезжей части, и Ларс кивает извозчику на открытой коляске. Уединяться с посторонним мужчиной в закрытом экипаже считается не совсем приличным, а открыто ехать вместе не возбраняется. Обычно. Община почитателей Нексин Всеблагой со мной, конечно, не согласится.

— Сеньор Ларс, я ещё не ориентируюсь в городе. Я слышала, магических салонов несколько. Я не представляю, с какого начать.

Уверена, Ларс порекомендует мне качественный товар по нормальным ценам.

— Синьорина, вы хотите отправиться в салон прямо сейчас?

— Да.

Ларс называет извозчику адрес и... запрыгивает в коляску следом за мной, чем несказанно меня удивляет. Что на него нашло? Я же не Ольза. Я думала, он попросается, а он тратит на меня время, ещё и расспрашивать начал. Ларсу интересно, где я училась, каких успехов в магии достигла. Чувствуется искренний интерес. Но что мне ему ответить? Что я в самом начале пути? Ларс чужд риску. В гору он поднимался по дороге, которой прошли тысячи до него и пройдут десятки тысяч после. Я смею прокладывать собственный маршрут. Справедливости ради, я не изобретаю велосипед, я исхожу из опыта родного мира.

Коляска плавно трогается.

В лицо бьёт порыв ветра, с шумом на бортик приземляется третий пассажир.

— Сеньор Сквозняк? — не хватает только, чтобы Ирвина к нам присоединился. Уверена, наглости ему хватит. И ловкости — даже на ходу запрыгнет.

— Ведьма и выскочка! — заявляет попугай тоном прокурора, встряхивается и нахохливается с видом несправедливо обиженного. Кажется, он посчитал, что я изменяю его хозяину.

Я оглядываюсь. Ирвин стоит на верхней ступеньке и смотрит на нас.

Лошадь идёт быстрее.

— Дур-ра! — Сквозняк с клёкотом срывается вверх и уносится к Ирвину, а тот с готовностью протягивает другу руку — это последнее,

что я вижу перед поворотом. Почему-то я уверена, что, пристроившись Ирвину на плечо, Сквозняк на своём попугайском будет долго жаловаться на мою бессердечную ветреность. А ещё я начинаю подозревать, что галантность Ларса отнюдь не бескорыстна, ведь теперь всё внимание Ирвина достанется мне, а не Ользе. Впрочем, я не в обиде.

— Синьорина, простите, что говорю это, но я обязан предупредить. Ирвин... считает меня соперником. Возможно, ему интересно затмить меня, а не произвести впечатление на вас.

— О, я не обольщаюсь. Спасибо за предупреждение.

Ларс меняет тему, до конца поездки я засыпаю его вопросами о магии, стараюсь меньше говорить, больше слушать. Рассказывает Ларс захватывающе. И не стесняется смеяться над собой.

Мы отлично проводим время, несмотря на то, что я вспоминаю про график, из которого я безнадежно выбилась, мне жаль, что до салона мы доезжаем за какие-то полчаса. Коляска останавливается перед одноэтажным приземистым зданием, вход ведёт в полуподвальное помещение.

Так...

Я поворачиваюсь к Ларсу:

— Сеньор, большое спасибо за помощь, — я даже подобие книксена изображаю.

— Право, что вы, синьорина... Мне не трудно, а ваше общество очень приятно.

Хм? Он не собирается свалить? Слишком много внимания... А как же Ольза? И потом, после салона я планирую поужинать и купить себе что-нибудь на завтрак. Если Ларс останется со мной, то получится, что я раскручиваю его на траты...

Он проводит меня до флигеля или рассчитывает на нечто большее? В романе Ларс не позволял себе случайных связей, но это в романе. А здесь?

Нет, не стоит увлекаться:

— Вы мне льстите, сеньор. Совесть не позволяет отнимать у вас время дальше. Ещё раз спасибо.

Ларс принимает отказ, прощается.

— Синьорина, если вам понадобится помощь, не стесняйтесь обращаться.

Да что на него нашло?!

Тряхнув головой, я сбегая в полуподвал салона не оборачиваясь, не хочу оглянуться и узнать, что Ларс провожает меня взглядом, не хочу видеть выражение его глаз... Отношения не моя сильная сторона.

Шагнув в салон, я переключаюсь на рабочий лад и приветливо киваю поспешившей мне навстречу миловидной продавщице, высокой, хрупкой, похожей на пшеничный колосок. Девушка растягивает губы в профессиональную улыбку. Если бы не длинное платье со стойкой-воротом и кружевной фартук, подходящий скорее горничной, чем продавцу, её было бы не отличить от консультантки из современного торгового центра.

Я прошу показать мне котлы.

Девушка приглашает меня в боковую комнату:

— Все котлы представлены здесь, синьорина. Вас интересует учебный или рабочий?

Вдоль правой стены тянутся стеллажи, и на них выставлены средние и малые котлы. Больших котлов всего пять, и они намертво закреплены в подставках-треногах по левой стороне. В дальнем углу странная колонна: котелки, навскидку двух— или трёхлитровые, составлены один в один. Почему к ним такое пренебрежение?

Я останавливаюсь у самого большого котла, заглядываю внутрь, а затем перевожу взгляд на ценник. Хах, четыреста двадцать галиот, дороже торговой лицензии. Сколько в нём литров? А какой у зельев срок годности? Ирьяся готовит раз в месяц, но с таким котлом можно и на год вперёд наварить.

С котлами-гигантами мне ловить нечего, да и не нужен мне гигант, я подошла из любопытства. Мелочь мне тоже неинтересна, но ценники я просматриваю. С гигантами ясно, но почему котелок, который у меня в ладони уместится, стоит сто шестьдесят?!

— Что есть... недорогое?

Девушка с готовностью демонстрирует мне котелок за сто сорок:

— Синьорина, учтите, стик придётся докупать отдельно. Как и подставку.

Без подставки можно обойтись, по крайней мере в начале. Стиком, насколько я помню, называют ложку на длинной ручке, и вот

на ней экономить нельзя — она нужна, чтобы направлять в зелье магию.

Сто сорок...

— А есть ещё дешевле?

— Сожалею, синьорина, нет.

Я готова рисковать, но не голодать.

Причин не верить девушке у меня нет, но:

— Зачем же вы меня обманываете?

Глава 19

— Что? — теряется она.

Я указываю на брошенные в углу котлы.

— Неужели дороже? — ценника, увы, нет.

Девушка смущённо пожимает плечами:

— Синьорина, это брак.

Брак ещё не приговор. Я категорически против экономии на качестве, но брак браку рознь:

— Они дырявые? — внешних дефектов я не вижу.

— Нет, синьорина, что вы. Строго говоря, это не совсем брак... У этих котлов многослойная кристаллическая структура.

У-у-у... Я сразу всё поняла, конечно. Я надеялась, что многозначительным молчанием смогу скрыть свою некомпетентность, увы, придётся спросить прямо:

— И в чём проблема?

— Как же..., — девушка теряет, но быстро берёт себя в руки.

— Синьорина, многослойная структура “запоминает” первое приготовленное зелье, впитывает остатки магии, и очистить котёл становится невозможно. Многослойную структуру высоко оценили целители. Ещё лет десять назад целители сертифицировали каждое зелье, но сейчас, если использован многослойный котёл, выдаётся годовой сертификат.

Про важность очищения котла от магии в “Имени ведьмы” упоминалось. Чистка — ещё одна статья расхода.

— Идеальное повторение? — уточняю я.

— Да, но выбрав многослойный котёл, вы станете ведьмой одного зелья, синьорниа.

— Сколько стоит?

— Синьорина..., — наверное, она решила, что я тоже запишу “одноразовые” котлы в мусор, — Сейчас эти котлы ждут списания.

У меня сто восемьдесят галиот с мелочью.

— Весь брак, — их там больше десяти, — заберу за сотню. Больше не дам, но ещё двадцать я готова потратить на стик.

— За сто?! — от возмущения она повышает голос. Я ожидала от неё большей сдержанности, и от того мне кажется, что она визжит.

— Но вы сами упомянули списание, — хмыкаю я. — На помойке не платят.

— Ожидайте, синьорина. Я должна посоветоваться.

— Разумеется.

Я провожу пальцем по своим котлам. В том, что они мои, я не сомневаюсь. Я понимаю, что хочу забрать их неприлично дёшево. Я бы предложила больше, но сегодня мои возможности ограничены. Я барабаню ногтями по горлышку верхнего котелка, прислушиваюсь к мелодичному отзвуку.

Девушка возвращается минут через пятнадцать:

— Синьорина, сто двадцать за котлы и стик слишком мало. Владелец салона готов пойти вам навстречу. Сто пятьдесят.

И у меня останется тридцать с хвостиком. Какой кошмар...

— Согласна. Однако доставку салон возьмёт на себя, — иначе придётся пешим челноком заделаться и на своих двоих метаться от салона до флигеля, перетаскивая по два-три котелка. Я уже оценила, какие они тяжёлые. И расстояние представляю. Учитывая, как стремительно опустошается кошелёк, про извозчиков лучше не думать. Так что, если есть шанс, пусть привезут.

— Синьорина, доставка входит в стоимость.

Девушка достаёт с нижней полки серое покрывало, накидывает на мои котелки и стряхивает с рукава пару прилипших ворсинок. Можно расслабиться — покупка спрятана от взглядов конкурентов, не убежит у меня из-под носа. Но чем раньше котелки будут у меня, тем лучше.

Мы договариваемся на завтрашнее утро и возвращаемся в главный зал.

Девушка приглашает меня к стойке, и ещё пять минут уходит на оформление бумаг. Наконец я расплачиваюсь, забираю квитанцию и покидаю салон. На улице заметно похолодало, ветер сгоняет на запад

тучи, и солнце давно скрылось за сплошной пеленой. Ночью снова прольётся дождь.

Я оглядываюсь в поисках свободной коляски — пешком до Круга я доберусь затемно, что никуда не годится — и одновременно вглядываюсь в лица, подспудно ожидая, что меня караулит Ларс.

Ощущение чужого взгляда в затылок треплет нервы. Я оборачиваюсь и с минуту всматриваюсь в зашторенные синими портьерами окна салона, но никого не замечаю, да и чужой взгляд хотя и упирается в спину, идёт откуда-то со стороны, а не от здания. Не похоже, что меня сверлит владелец салона или продавщица.

Кому я могла понадобиться? Я поворачиваю наугад и иду вдоль вереницы магазинчиков, цветастые вывески остаются в памяти яркими пятнами, едва ли я вспомню, чем тут торгуют. Разве что бабушку в нарядном чепце, у которой я приобретаю кулёк жареных кешью.

Я отдаляюсь от салона, чужое внимание ослабевает, пока полностью не пропадает. Я останавливаюсь перед лавочкой парфюмерии, привезённой с востока. Хотя какая лавочка? Больше похоже на королевскую сокровищницу.

Поколебавшись, я вхожу.

— Синьорина, дверью ошиблись? — фыркает белобрысый парнишка с толстыми как у бульдога щеками.

С-сервис...

Белобрысик верно определил, что я не его клиентка, меня одежда выдаёт с потрохами. Но зачем изображать голубя и гадить свысока?

— Я искала приличный магазин духов, а наткнулась грубияна. Я действительно ошиблась, — вопреки своим словам я иду вперёд, к позолоченному застеклённому шкафчику.

— Ха! Синьорина, боюсь, вы не можете себе позволить...

Вообще-то, если пойти на принцип, то пару на пару капель духов мне хватит. Правда, потом мне придётся подумать о карьере попрошайки. Или, раз у меня будут восточные духи, торговать правом меня понюхать. Какая чушь...

— Сегодня не могу. Но что будет завтра?

Вычурные флакончики на полках инкрустированы драгоценными камнями. Каждая скляночка сама по себе произведение искусства.

Ни ценников, ни подписей. Я опознаю духи, пудру и крем.

— Синьорина! Возвращайтесь завтра, а сегодня нас может посетить дочка градоправителя.

— Ваше самомнение, сеньор, скоро в магази не поместится.

Я разворачиваюсь и ухожу — я убедилась, что косметика в этом мире исключительная роскошь.

На улице я снова чувствую взгляд.

Меня преследуют? Ничего не понимаю... В мэрии Ларс повёл себя необычно, но в романе подглядываниями он не занимался. Может, меня увидел кто-то, знающий Лейсан? Кто-то из общины?

Кем бы невидимка ни был, планы прежние. Я нанимаю раздолбанную коляску, местный вариант тарифа “супер-эконом” и прошу отвезти меня к Горбатовому мосту. Извозчик, бородатый дедок в цветастом пальто, охотно соглашается и просит садиться осторожнее — из сиденья в любой момент может выскочить пружина.

До Круга я добираюсь в сгущающихся сумерках. Усталая, голодная. Перекусить бы и рухнуть в постель, но вместо постели матрас на полу в общем зале. Впрочем, на матрасе я буду спать так же сладко, как на родном диване, дайте только ноги вытянуть. Я прохожу в уборную, мою руки, умываюсь и ползу в столовую на ужин. Сегодня меня накормят, а дальше... К гадалке не ходи, пошлют в трактир, потому что у ведьм строго — кто не работает, тот не ест. Я ушла в свободное плаванье, а значит, должна либо вернуться под крылышко Айсан и тогда уплетать завтраки, обеды, ужины за обе щёки, либо кормить себя сама.

— Ужасно выглядишь, Иветта, — ко мне подсаживается Линда.

— Ага...

Я уныло размазываю кашу по тарелке, вылавливаю из гречи кусочки курицы. Глаза слипаются.

Наверное, организм не привык к нагрузкам...

— Девочки вечером будут призывать высших духов. Присоединишься? Будет весело.

— С радостью, но в другой раз. Линда, я никакая.

— Что-то случилось?

— Много дел, а завтра ещё больше.

— Удачи, — Линда уходит, и я ловлю себя на том, что невидящим взглядом тарашусь в тарелку.

Я доедаю, отношу грязную посуду.

И почему-то именно у чана с водой меня догоняет очевидная мысль:

— Чё-ё-ёрт!

— Разве есть сестра Чёрт?

ТЬфу!

Я поспешно поясняю:

— Извините, я о личном. Я не должна была вслух.

В салоне я договорилась, что котлы доставят утром. Конечно, можно переночевать в Круге. Но что будет, если я банально просплю и опоздаю? Такого допускать ни в коем случае нельзя, поэтому я расстаюсь с ещё одним галиотом, мысленно обещаю себе, что с завтрашнего дня я вхожу в режим жёсткой экономии и добираюсь до флигеля на экипаже.

Когда я выхожу на мостовую, вокруг темным темно. Казалось бы, улица богачей, здесь живут люди, которые могут позволить себе дом с приусадебным участком, но тратиться на фонари они не считают нужным.

У хозяйки горит окно, но жёлтый квадрат на фоне чёрной стены не даёт света. Я кое-как добираюсь до крыльца, перешагиваю подгнившую ступень. Между лопатками начинает чесаться — опять взгляд. В такой темноте? Наверное, мерещится. Я поднимаюсь на второй этаж напрямиком в спальню. Сил на уборку нет, в ушах звенит.

Как я ложилась, я не помню. Посреди ночи меня будит настойчивый стук в оконную раму. Спросонья я думаю, что стучит ветка дерева или дождь, но стук ритмичный, повторяется через паузу. Так стучать может только разумный.

Я подсказиваю. Я с ужасом понимаю, что после проветривания не заперла окно. Второй этаж довольно высоко над землёй... Да мне в голову не приходило, что ко мне кто-то вломится!

Незванный гость тоже понимает, что окно открыто — я слышу тихий скрип створки.

Глава 20

Бежать, кричать или притвориться спящей?

Кто бы ко мне ни лез, это не вор — в дрянном флигеле брать нечего. Я расслабилась, потому что слезка пропала задолго до Горбатого моста. Я думала, что пропала...

Из общины? Женишок нашёл и собирается выполнить угрозу — доставить меня в храм связанной и в мешке?

Под рукой как назло нет чугунной сковородки.

Невидимка осторожничает, перебирается через подоконник. Я вглядываюсь в темноту, силясь рассмотреть силуэт, но глаза видят кромешную тьму. Ночь безлунная, шелестит дождь. Я напрягаю слух. Как только невидимка приблизится, скачусь с кровати под ноги, собью на пол. У меня появится преимущество. Я подбираюсь, готовая к броску. Шагов нет. Неужели он затих на подоконнике? Но я вроде бы ничем не выдала, что проснулась. Может, невидимка наслал на меня волшебную глухоту? Нет, я ведь слышу дождь. Раздаётся шуршание. Не у окна, а в комнате! Там, где я оставила саквояж.

— Позакрывают на замки...

Что?

Нервы скручиваются в тугой узел. Я не выдерживаю, призываю телефон. Света экрана недостаточно, но хоть что-то рассмотреть реально.

— Кто здесь? — я вскакиваю.

Ответом мне служит усиливающееся шуршание. Угрозы я не чувствую, осторожно делаю пару шагов вперёд. На ручке саквояжа, балансируя на одной ноге, сидит подозрительно знакомый синезелёный попугай и, кося на меня круглым глазом, занимается откровенным грабежом. Лапой и клювом он исхитрился вскрыть запирающийся замочек саквояжа, отыскать кулёк жареных кешью и аккуратно разорвать бумагу.

— Сеньор Сквозняк?!

— Кря.

— Кря? Ты же попугай, а не ворона. Разве ты не должен говорить что-нибудь другое?

Зная о любви Сквозняка к жареным орешкам, конечно, я купила их для него, тем более я обещала. Но это не значит, что можно вламываться ко мне в окно, потрошить мою сумку и сорить обрывками обёртки.

Сквозняк подцепляет когтями орешек, подкидывает вверх и на лету ловит клювом.

— Ням-ням.

— Приятного аппетита, — я сажусь обратно на кровать, выключаю телефон. — Сеньор Сквозняк, где твой хозяин?

Мажор хоть в курсе, что его крылатый друг по девичьим спальням шарахается?

— Я здесь, — Сквозняк отправляет в клюв очередной орешек. Видимо, попугай убеждён, что он сам себе хозяин, а мажор в лучшем случае друг, в худшем — просто полезный человек.

Сквозняк так и собирается уничтожать кешью по одному? Видимо, не улетит, пока не догрызёт. Вздохнув, я сдаюсь. Не буду же я выгонять попугая. Я ложусь, поворачиваюсь на бок носом к стенке. Звуки раздражают, но постепенно шуршание бумаги убаюкивает, я перестаю его замечать.

С наивной надеждой проспав до утра, я проваливаюсь в сон. Не знаю, сколько времени проходит. По ощущениям не больше пары минут, но когда я открываю глаза, в комнате предрассветная мгла, очертания мебели скорее угадываются, чем просматриваются. Значит, я проспала часа три, не меньше. Вот-вот рассветёт.

Прикосновение — вот что меня разбудило! Кто-то осторожно гладит меня по плечу. Легко-легко, едва ощутимо, словно, в отличие от попугая, не хочет потревожить. Я с трудом сдерживаю порыв выругаться.

Над ухом тихо раздаётся:

— Я люблю тебя, ведьма.

Голос Ирвина! Я, конечно, могу ошибаться...

Я не представляю, как реагировать. Если бы в комнату забрался Ларс... По крайней мере он провожал, пытался выяснить, где я живу, и это после расставания с ним я чувствовала слезку. Но Ирвин?!

Может, я вижу сон о том, как я проснулась?

Я в замешательстве...

Я оборачиваюсь. И со стоном роняю голову обратно на подушку. Только я и только спросонья могла так позорно обознаться. В любви мне признаётся не Ирвин — попугай.

— Сеньор Сквозняк?

— Будь моей женой, ведьма, — попугай нежно прикусывает меня за ухо. — Ор-решки... Я провёл с тобой ночь, ведьма. Как честный мужчина, я обязан на тебе жениться!

О-о-о? Ы-ы-ы-ы!

Я пытаюсь заползти под подушку, но попугай пресекает любые попытки сбежать.

— Сквозя, тебя наша видовая разница не смущает? — может, он повторяет за людьми, но не до конца понимает, что эти фразы значит. Птица, какой бы разумной она ни была, всё же не человек, у животных иное мировосприятие. Да и мой вопрос явно не по адресу.

— Ты разбиваешь мне сердце, ведьма! — патетично восклицает попугай и топорщит перья.

Вздыхнув, я сажусь, скрещиваю ноги, смотрю с укоризной — не стыдно пернатому, что он меня разбудил, да ещё и ночью перепугал? Мой обвиняющий взгляд ему как с гуся вода. Попугай взбирается ко мне на колено словно я специально для его удобства по-турецки подставку изображаю. Я провожу кончиками пальцев по шелковистой спинке, дотягиваюсь до хвоста. Попугай благосклонно принимает ласку.

И тут мне приходит идея. На трезвую голову я бы до такого не додумалась, но в рассветных сумерках идея кажется гениальной.

— Честный мужчина, — заявляю я, — прежде, чем звать замуж, должен за ведьмой поухаживать.

— Кря?

— Да! А ты как думал? Например, тебе орешки...

— Кра, — важно соглашается попугай. Орешки он оценил и слопал все. Ошмётки кулька Сквозя бросил на пол как заправский свин.

— А мне сырьё для изготовления зелий, — продолжаю я свою мысль.

Сквозя ненадолго задумывается.

— Кра! — похоже, мои рассуждения показались ему справедливыми. Он поджимает правую лапку и кланяется. Можно не сомневаться, закрома Ирвина будут беспощадно разорены. Мысль, что, возможно, я поступаю не совсем правильно, приходит слишком поздно. Сеньор Сквозняк, шумно хлопая крыльями вылетает в распахнутое окно. Лучи взошедшего солнца подсвечивают силуэт золотом.

Я провожаю Сквозю взглядом, подставляю лицо солнечным лучам и тщетно пытаюсь вспомнить, когда я в последний раз встречала

восход. Натура у меня ни разу не романтическая, рождение дня — красивый миг, но у окна мне быстро становится скучно.

Окончательно рассвело, лучи солнца подсвечивают грязь в комнате. Вчера днём спальня не выглядела настолько ужасной. Я морщусь и на корню прихлопываю порыв вызвать клиниговую компанию. Уверена, нанять уборщицу на день вполне реально. Плохо быть нищей... До сих пор все мои траты — это вложение в будущее. Оплачивая наёмные коляски я сберегала время, тоже очень ценный ресурс. Уборщицу я себе позволить не могу. Сейчас не могу. А значит, вместо утренней зарядки, вооружаюсь шваброй.

В уборку я ныряю с головой, сама не замечаю, как увлекаюсь и в какой-то момент ловлю себя на том, что остервенело тру потолок. Не особо тщательно, но я вымываю весь второй этаж, затем лестницу. И останавливаюсь на первом этаже.

— А-апчихи!

Здесь грязь непролазная. Проветривание не помогло, хотя окно на первом этаже распахнуто неполные сутки. В носу щекочет. Я отставляю швабру.

У меня к уборке двойное отношение. С одной стороны я её терпеть не могу с детства. Не столько саму уборку, сколько связанные с ней мамины наставления, что готовить и возить грязь единственный удел женщины. Не просто единственный, но и желанный. С другой стороны, наводить красоту мне нравится. Приятно видеть, как помещение, ещё недавно вызывавшее брезгливость и желание уйти, начинает радовать.

Я окидываю взглядом будущее поле боя и плетусь вверх — ополоснуться, перекусить очередным пирожком. Я клятвенно обещаю — это последняя сухомятка, которую я себе позволю.

Я успеваю привести себя в порядок как раз вовремя. Со стороны улицы раздаётся шум. Я выглядываю. Напротив крыльца остановилась повозка. На бортике болтает ногами девушка-тростинка из магического салона, а кучер разгружает мои драгоценные котлы на обочину.

Глава 21

— Мои котелочки! — я вылетаю на улицу, бегу к дороге. Кто же так бросает магический инвентарь?! Да любой инвентарь...

Извозчик, не обращая на меня внимания, даже не здороваясь, снимает с повозки последний котёл и плюхает к остальным. Я бросаю взгляд в сторону. Я бы поняла, если бы котлы выставили ко входу основного здания, хотя я вчера несколько раз повторила, что нужен именно флигель. Но то, что сделал извозчик... Нет, я не прошу ишачить тяжесть в подвал, но мне наивно казалось, что доставка означает до крыльца минимум.

— Доброе утро, синьорина. Ваша покупка доставлена, — девушка озаряет меня сладкой улыбкой, но смотрит с откровенной насмешкой.

— Зимой вы бы в сугроб бросили? — возмущаюсь я.

Девушка равнодушно щёлкает у меня перед лицом пальцами и сажает пойманную искорку в документ. Оттиск ауры в разы надёжнее подписи, считается, что оттиск не подделать. На бумаге проступает золотисто-радужное пятно с густым антрацитовым налётом.

— Спасибо, что выбрали нас, синьорина. Всего доброго, ждём вас снова.

Извозчик трогает раньше, чем девушка успевает договорить. Я провожаю повозку взглядом, выдыхаю. Толку ругаться? Не стоит забывать, что доставка бесплатная. Салон мог и вовсе отказать, особенно если вспомнить гроши, за которые я отхватила своё волшебное богатство.

Я осталась наедине с парой десятков котелков и одним стиком. Утащить все разом я, естественно, не могу. Бросать без присмотра не хочется — мало ли любителей чужого? Невольно вспоминается детская задачка про лодочника, волка, козу и капусту. Лодочник справился, применив логику, а мне придётся поработать челноком. Но сперва...

Обернувшись в сторону дома, я пробегаю взглядом по окнам. На втором этаже дёргается штора. Ирьяса подглядывает? Вовремя! Я призывно машу. Уж не знаю, выйдет ведьма или притворится, что не заметила, ждать не буду.

Я подбираю ближайший котелок. На вид маленький, литра три или три с половиной. Но весит этот маленький котелок килограммов шесть-семь. Сейчас мне предстоит перетаскать в общей сложности больше центнера.

Ирьяса появляется быстрее, чем я ожидаю.

— Вот же ушлые...

— Хм?

— Тебя убедили купить полный брак, — любезно поясняет Ирьяса, с осуждением, но без злорадства.

— На самом деле это я убедила владельца продать мне котлы с многослойной кристаллической структурой.

Ирьяса недоверчиво прищуривается, но, поняв, что я говорю правду, качает головой:

— Стесняюсь спросить зачем. Пфф! Нет, избавь, не желаю слышать.

Я любовно провожу по боку котелка:

— Достаточно один, самый первый раз, качественно приготовить зелье, а дальше память кристаллической структуры будет делать большую часть работы за меня. Разве плохо?

Ирьяса насмешливо цокает:

— Размер, Иветта, размер. Пока ты в своём “умном” котле приготовишь пять порций, я за то же время сделаю пятьдесят пять. Чувствуешь разницу? Тебе придётся готовить с утра до ночи.

По-своему Ирьяса права, но у меня иной план.

— О, нет, я не собираюсь. Ирьяса, не откажите? Пойдите, пока я переносу котлы в подвал? Кстати, вы давно были на первом этаже?

На завуалированный упрёк Ирьяса реагирует предсказуемо:

— Уберись. Во флигеле. Или из флигеля. Как тебе больше нравится, Иветта.

— Меня всё устраивает, — улыбаюсь я, невзначай подталкивая разговор в нужное мне русло.

Следующий вопрос тоже весьма предсказуем:

— Тогда на что же ты жалуешься?

— Я не жалуюсь, Ирьяса, я прошу разрешение на ремонт. Кстати, а за какую сумму вы готовы продать мне флигель? А дом целиком?

Я перехватываю котелок поудобнее. Спрашивается, зачем я его сейчас держу? Сама не знаю.

— Ха?! Девочка без галитоа в кармане, ты окончательно сошла с ума. Ремонт делай, разрешаю, даже если он будет такой же сумасшедший, как ты. Продать... Иветта, ты веришь в свой успех?

К чему этот вопрос?

— Ирьяса, вы же знаете, что да.

— Предлагаю тебе пари, Иветта. Я согласна продать тебе дом, флигель и прилегающую территорию за семьсот галиот, при условии, что ты принесёшь деньги до праздника Пика лета. Если ты не успеешь достать нужную сумму, то три года будешь моей ученицей.

— Вы хотели сказать бесплатной чернорабочей? — хмыкаю я.

Ирьяса легко соглашается:

— Да.

И протягивает мне ладонь.

Я не девочка, чтобы вестись на слабо. Ирьяса презрительно усмехается, начинает медленно опускать ладонь. Я всё ещё взвешиваю риски. Три года — это не шутка, но я уверена в себе, а право на покупку дома по приемлемой цене приз слишком соблазнительный, чтобы от него отказываться. Азарт подстёгивает. Я решительно обхватываю её руку пальцами, крепкожимаю. Кожу тотчас обжигает огнём, по глазам ударяет вспышка золотистого сияния. Я не вижу, но отчётливо ощущаю, как на моей ауре закрепляется невидимая печать долга. Точно такая же печать должна появиться на ауре Ирьясы.

Я первойрываю рукопожатие. Ирьяса неопределённо хмыкает. Я же подхватываю второй котелок и переключаюсь на дело — котлы надо как можно скорее перетаскать во флигель. При этом девать их во флигеле некуда. Работать я, как и положено, буду в подвале, но там сейчас грязь. Как и на первом этаже. А поднимать котлы на второй этаж — это лишняя беготня. В результате я нагромождаю прямо на лестнице.

— Спасибо за помощь, — я забираю последний котелок.

— С нетерпением жду Пик лета.

— Ирьяса, ждать ещё долго, два месяца.

— Полтора, — педантично поправляет она и уходит.

Я заново котелок, на ходу прикидываю ближайшие планы. Хотя денег у меня осталось немного, кое-что ещё нужно докупить. Но в этот раз никаких извозчиков, пешком до рынка и пешком обратно.

Заодно выносливость потренирую.

Домой — поразительно, как быстро я стала считать съёмный флигель домом — я, нагруженная всякой всячиной, начиная с касторового масла и заканчивая брикетами пчелиного воска,

возвращаюсь ближе к вечеру. Ноги отламываются, голова гудит, спину ломит.

— А-апчихи!

Чернозём за время моего отсутствия никуда не исчез. Но кое-что разительно изменилось. Я понимаю, что вижу что-то не то, но прорваться сквозь пелену усталого отупения получается не сразу.

На нижних ступенях ведущей наверх лестницы громоздится колонна котелков ровно так, как я их и оставила. Но рядом почему-то гора кульков и бумажных пакетиков, которым взяться неоткуда. Ступени засыпаны настолько, что ступить некуда.

Взвивается туча пыли.

— А-а-апчихи!

Хлопая крыльями, на перила приземляется пернатый негодник, сеньор Сквозняк собственной персоной. Поймав мой взгляд, попугай указывает на кульки и гордо объясняет:

— Орешки.

Не похоже. Я с сомнением подбираю первый попавшийся кулёк. На пакет прицеплена бумажка. Аккуратным бисерным почерком выведено, что в пакете корни небесной фиалки.

— Орешки? — переспрашиваю я.

— Твои орешки, ведьма.

— Подарки-и-и..., — перевожу я. — Сквозя, ты просто чудо!

Подумать только, он действительно ограбил Ирвина. Надеюсь, мажор-шпагоносец не явится обвинять меня в краже. Сколько же здесь всего... Сквозя не скупился.

Честно говоря, гложут меня сомнения...

Сквозя перебирается ко мне на плечо:

— Ведьма, тебе орешки. А мне?

— Сквозя, ты не чудо, ты пернатый вымогатель.

— От ведьмы слышу!

На рынке я предусмотрительно закупила жареный кешью, нутром чуяла, что одним визитом Сквозя не ограничится. Я не успеваю достать пакетики, как Сквозя ловко перехватывает его у меня лапкой и, шумно хлопая крыльями, взлетает на второй этаж вместе с добычей.

Меня окутывает облако взбитой им пыли. Я бросаю корешки небесной фиалки, бросаю свою поклажу и, зажав нос рукавом, поднимаюсь следом.

— Сквозя! Сквозя, ты ведь настоящий мужчина? Ты сам говорил
— Кар!

Я шлепком ладони выбиваю из подола облачко пыли.

— Сквозя, как настоящий мужчина и претендент на мои руку и сердце ты просто обязан спасти меня от грязи внизу.

Глава 22

— Кар? Ка-ар.

— А что делать? — пожимаю я плечами.

Попугай переступает с лапы на лапу, резко отворачивается и улетает с видом несправедливо обиженной пайньки. В том, что пернатый вернётся, я не сомневаюсь — он же видел, что жареный кешью у меня рассыпан по маленьким пакетикам, и выдавать угощение я буду порциями.

Всерьёз на то, что Сквозя вычистит доставшиеся мне авгиевы конюшни, я, конечно, не рассчитываю. Бросаю взгляд в распахнутое окно — солнце ещё высоко, а значит, несмотря на общую усталость, переодеваюсь и снова вооружаюсь шваброй. Причём первый этаж подождёт, в приоритете подвал, куда я спрячу награбленные сокровища.

Подумав, я откладываю швабру. Вот не зря мне конюшни вспомнились — это же подсказка. Я поднимаюсь в спальню. Меня интересует уборная, точнее, площадка с прозрачными горошинами, заменяющими водопровод. Транжирить не стоит, горошин только на первый взгляд целая пригоршня. Умываться, купаться, руки мыть — каждый день, не говоря уже о стирке. Но пару штук, самых крупных, я забираю и возвращаюсь в подвал.

Одну горошину я убираю, вторую крепко сжимаю в руке. Горошина теплеет и подтаивает как настоящая льдинка. Я мысленно отсчитываю секунды. Из горошины вырывается мощная струя, толстая, будто тело увесистого питона. Я едва удерживаюсь на ногах и направляю струю в потолок, тщательно прохожусь по стенам, по стыкам стен и потолка. Мощный напор прекрасно справляется и с пылью, и с паутиной, но внизу стремительно набирается грязевое болото... Утекать воде некуда, и вскоре я, задрав подол чуть ли не до ушей, шлёпаю по щиколотку в чёрно-серой вязкой жиже. Но не останавливаюсь, тщательно мою потолок и стены, горошина

уменьшается больше, чем вдвое. Я уделяю внимание столу. Только вот от удара струи одна из ножек не выдерживает и подламывается.

С образовавшимся болотом я разбираюсь без затей — вычерпываю ночным горшком, артефакт великолепно справляется с задачей, вода исчезает в нём как в канализационном сливе. Я напускаю свежей воды, и так два раза.

Остаётся проветрить, дать высохнуть.

Я провожу пальцами по ближайшей стене — чистая.

Первый этаж — завтра, а сейчас отмываться самой, ужинать и спать. Поздно вечером, уже в постели, я развлекаю себя чтением сфотографированных в библиотеке книг, учу теорию зельеварения. Когда глаза начинаю закрываться, а строчки расплываться, я гашу свет, натягиваю одеяло...

Через полчаса я подсакиваю от грохота внизу.

Грохот сменяется отборной руганью, и далеко не сразу мне удаётся выцепить первую осмысленную фразу:

— Ты куда меня завёл?!

Эм?

Неужели воры?

А у меня на лестнице гора сокровищ...

Я подхожу к двери спальни, прислушиваюсь. Рядом вроде бы никого, и я осторожно выглядываю. Отсиживаться в спальне страшно — вдруг ворвутся? Неизвестно, что сделают. Бежать через переход в основной дом к Ирьясе лучшее, что я могу придумать. Но всё же я медлю, потому что странно, что к ведьме так легко залезли. Или первый этаж не защищён? Учитывая, что на первом этаже когда-то могла быть лавка, предположение имеет смысл. Крадучись, я подбираюсь к лестнице. На первом этаже горит тусклый свет, и меня в темноте не должно быть видно.

В россыпи кульков и раскатившихся котелков стоит побитый, измазанный чернозёмом Ирвин, зажимает окровавленным платком лоб и заковыристо ругается.

Пхах!

Уж не знаю, зачем Ирвин явился, возможно, кульки свои возвращать. Но напоролся он на сложенные один в один котелки, и естественно они на него рухнули.

— Какое занятное зрелище, — я зажигаю верхний яркий свет и скрещиваю руки на груди. — Сеньор, потрудитесь объяснить, что вы делаете в моём доме.

— Я?! Вы! — Ирвин явно дезориентирован и вообще шокирован. Откуда в его мажорской жизни взяться вековой пылищи?

А вот Сквозя принимает мой вопрос на свой счёт.

— Ведьма, я привёл уборщика.

О-у-у...

Попугая надо поддержать!

— Дорогой, ты великолепен! — восклицаю я. — Хм, но ты уверен, что твой уборщик осилит задачу?

— Синьорина! — Ирвин на наш безобидный обмен репликами реагирует излишне остро.

Я пожимаю плечами и неожиданно широко зеваю, накопившаяся усталость берёт своё.

— Орешки? — Сквозя перебирается ко мне требовать заслуженную награду.

— Синьорина, извольте объясниться.

Кажется, в россыпи кульков Ирвин опознал своё имущество.

— Вы бессовестно рассыпали подарки, которые мне преподнёс сеньор Сквозняк и ещё требуете объяснений? — хмыкаю я.

Пока Ирвин задыхается от возмущения, Сквозя охотно поясняет:

— Уборщик тоже тебе в подарок, ведьма.

— Какой чудесный подарок!

Я достаю пакетики с кешью, но не отдаю Сквозе, а сама вскрываю и предлагаю орешек с рук. Сквозя перелетает ко мне на плечо и охотно забирает угощение. Я даю следующий орешек. Ирвин наблюдает за нашей идиллией, стиснув кулаки.

— Синьорина, — не выдерживает он.

— Ты ещё не убрался? — интонация у Сквози правдоподобно печальная.

— Р-р-р-р!

Ирвин отбрасывает платок. Кровь не только успела свернуться, но и корочка подсохла. Явно не обошлось без целительной магии. Ирвин выхватывает шпагу.

— Оу, вы намерены воевать с грязью? — шпагу Ирвин направляет в сторону окна.

— Да! — рывкает он.

Как по мне, звучит загадочно.

Ирвин делает резкий выпад. Гарда наливается огнём. Вспыхнувшее пламя моментально охватывает весь клинок. Смотрится как минимум эффектно. Захватывающее зрелище само по себе, а уж если вспомнить, что клинок горит по-настоящему, это ни разу не компьютерная графика.

Сквозя ощутимо тюкает меня клювом по ладони. Засмотревшись на Ирвина, я так и замерла со сложенными щепотью пальцами. Кешью Сквозя забрал, съел и напомнил о себе. Я послушно достаю следующий орешек, но взгляда от Ирвина не отрываю. Сейчас он меньше всего похож на мажора. Вихри пламени слизывают чернозём. Ирвин в багряно-алых языках огня фехтует с невидимым противником, и каждое движение скупое, выверенное.

Телефон оказывается в руке практически без участия сознания. Пока Ирвин настолько занят, что не может заметить странную вещь, я навожу на него камеру, щёлкаю. Я делаю целую серию снимков.

И Сквозю тоже фоткаю.

Орешки заканчиваются, но Сквозя остаётся на моём плече.

— Хороший уборщик.

Ирвин разворачивается, шпага описывает полукруг. Пламя вспыхивает особенно ярко. На долю секунды мне кажется, что огонь затопил весь первый этаж. Пламя не столько гаснет, сколько втягивается в шпагу. Раскалённый клинок остывает.

Я оглядываю помещение и не верю своим глазам. Ирвин действительно уничтожил всю пыль и грязь.

— Хороший подарок, — оторопело соглашаюсь я со Сквозей.

Ирвин подходит.

— Синьорина, не знаю, чем вы соблазнили моего друга...

— Боюсь, это ваш друг меня соблазнил. Вы в курсе, что Сквозя позвал меня замуж? Сквозя, я согласна!

У нас будут платонические отношения. Если в Индии — я читала — девушки выходят замуж даже за дерево, то почему я не могу стать супругой сеньора попугая? По-моему, мы прекрасно поладили, и из нас получится пара всем на зависть. По крайней мере ни один человеческий мужчина так за мной не ухаживал.

Сквозя ласково кусает меня за ухо.

— Вы с ума сошли?! Ведьма ладно, но ты, Сквозняк?!

— Кря, — отвечает Сквозя и перепрыгивает с моего плеча на плечо хозяина. — Прости, ведьма, свадьбы не будет. Твой подарок на тебя запал, а я порядочный друг.

О-о-о? Не везёт мне в отношениях, от меня даже попугай отказался...

Глава 23

— Сеньор Ирвин, благодарю за помощь.

Грязь, налипшую на безупречный камзол, он тоже сжёг, очистил огнём лицо, волосы. Царапины, полностью залечившись, исчезли, осталась только аккуратная корочка на лбу, над левой бровью. Но всё равно Ирвин выглядит помятым и... более человечным.

Честно говоря, не ожидала, что он станет убираться. Или он из-за попугая? Как бы то ни было, мои потуги в наведении чистоты смотрятся жалко после его выступления.

— Что-нибудь ещё? — язвительно спрашивает Ирвин.

Уж не знаю, хочет ли он меня смутить, я хватаюсь за выпавшую возможность:

— А стены, окна и крышу снаружи также помыть сможете?

— Вы!

— Сможет, — отвечает попугай и подкрепляет свою уверенность ударом клюва.

Ирвин хватается за щёку.

— Р-р-р-р!

Конечно, снаружи он ничего не сделает, но Ирвин удивляет снова. Взмах шпагой, и с клинка срывается огонь. Пламя широкой лавиной устремляется к окну, вздымается. Ирвин замер в боевой стойке, только кончик шпаги подрагивает, выдавая дикое напряжение.

На глазах Ирвин бледнеет, в багряных отсветах его кожа кажется бумажно-белой.

Постепенно поток пламени сужается, пока пару минут спустя полностью не иссякает.

Ирвин тяжело дышит. Думать боюсь, чего ему стоил мой каприз, но в то же время особой вины за собой я не чувствую. Ирвин мог отказаться. Собственно, и я ожидала от него твёрдого нет.

— Что-нибудь ещё, синьорина?

Он серьёзно?

Ладно, побуду хорошей девочкой:

— Компот уничтожите? Я бы чай предлагаю, но я арендовала флигель, а кухня есть только в доме.

— Буду, — соглашается Ирвин, прежние раздражение и злость испаряются.

Он ногой раскидывает пакетики и садится прямо на ступеньку, локтем опирается на перевернутый котелок. Совсем не по-мажорски. Под маской спесивого щёголя оказался нормальный парень. Лучше, чем нормальный.

— Сейчас принесу, — обещаю я.

— И орешки, — вставляет веское слово попугай.

Может, наверх пригласить? Но за столик у окна сесть сможет кто-то один, и очевидно, что кресло достаётся уставшему Ирвину. А мне либо вокруг прыгать, либо с подоконника у парня чуть ли не перед носом ногами болтать. Нет, не буду приглашать.

Я приношу не только кувшин с компотом, доставшийся мне в нагрузку к остальным покупкам, но и карбонад, и хлеб, завернутые в зачарованную бумагу, заменяющую местным холодильник.

Ирвин на угощение смотрит с одобрением ровно до моего вопроса:

— Не разрубите? Ножа у меня нет.

— Синьорина, это магическая шпага!

Подробнее, пожалуйста:

— Магической шпагой нельзя нарезать хлеб?

— Нельзя! — и Ирвин рассекает карбонад надвое.

Я тихо хмыкаю, разламываю хлеб. Сквозя, вымогатель, получает вождельные жареные орешки. Сидим бок о бок, у нас получается, практически, семейный ужин... Не мой стиль, но почему-то мне хорошо, и совсем не хочется, чтобы Ирвин ушёл. Он... интересный.

Романтику ужина на ступенях разбивает грохот распахнувшейся двери. В холл вваливается группа мужчин в форменных камзолах, и во главе группы, неожиданно, Ларс. Первое, что приходит на ум — Ларс примчался защитить меня от Ирвина, но, очевидно, что мысль ошибочная.

Увидев на ступенях Ирвина, ворвавшиеся столбенеют — не ожидали. И я очень хорошо их понимаю, зрелище совершенно

невероятное. Легче поверить, что солнце вошло на севере, чем в плебейские посиделки с участием мажора Ирвина.

Ларс опомнился первым:

— Сеньор Мэгг, вы погасили пожар? Нам сообщили о сильнейшем возгорании. Якобы пламя в мгновение охватило весь квартал..., — в голосе Ларса всё больше подозрительности. Думаю, он догадывается о природе внезапно вспыхивающего и также внезапно погаснувшего пламени.

Ой-ё-о-ой...

Я лучше помолчу, тем более спрашивают не меня.

— Во-первых, не квартал, а одно здание, — лениво отзывается Ирвин, впиваясь в бутерброд зубами, он тщательно прожёвывает, сглатывает и ещё более лениво продолжает. — Во-вторых, вы видите огонь? Вы его не видите, ведь его уже нет, а следовательно, господа, вы тут лишние.

— Он погасил пожар, но сначала устроил, — радостно ябедничает Сквозняк.

— Сквозя, — шикаю я.

Ирвин не смущается:

— Магический огонь был объёмным, но угрозы ни для живых, ни для имущества не нёс. Вам пора, господа.

Ларс переводит взгляд на меня:

— Синьорина Иветта, добрый вечер. Пожалуйста, поясните ситуацию, как видите её вы.

С одной стороны Ирвин поступил безответственно, переполошив весь город, сорвав группу магов. С другой стороны, подставлять его больше, чем уже есть, не хочется.

— Сеньор Ирвин продемонстрировал мне своё великолепное владение магией. Всё происходило внутри помещения. То, что пламя вырвалось на улицу... Я затрудняюсь объяснить, как так получилось. Вреда ни мне, ни имуществу причинено не было.

Ларс отрывисто кивает:

— Сеньор Мэгг, я буду вынужден доложить мэру о ваших действиях, едва не спровоцировавших панику в нескольких кварталах.

— Докладывай, — отмахивается Ирвин и продолжает жевать. — А сейчас изволь исчезнуть.

Однако Ларс проходит вперёд:

— Синьорина, в связи с происшествием, я должен снять оттиск магического фона.

— Флигель принадлежит не мне, — тут же отрешиваюсь я.

— Я лишь информирую.

По знаку Ларса один его сопровождающих достаёт из-под полы камзола стопку листов бумаги, раздаёт, и маги разбредаются по помещению, половина группы уходит на улицу. Я наблюдаю за ближайшим. Он кладёт чистый лист на пол, проводит над ним ладонью и отступает на шаг. Минуту спустя на листе проступают красно-оранжевые разводы. Маг выжидает минуту, поднимает лист, сворачивает в трубочку и прячет.

Ларс подходит ко мне, бросает неприязненный взгляд на Ирвина:

— Синьорина Иветта, если сеньор Мэгг доставил вам хоть какие-то неприятности, прошу, не бойтесь рассказать правду.

Ирвин выжидательно прищуривается, вмешаться не пытается. А ведь мне есть, на что пожаловаться, начиная с того, что заявился Ирвин без приглашения. Что он, что Сквозняк — одного поля ягоды. Но жаловаться после того, как Ирвин привёл мне в порядок дом, я точно не буду.

— Всё в порядке. Сеньор, вы же видели, когда вы вошли, мы ужинали, — улыбаюсь я.

Ларс не настаивает, но напоследок всё же бросает:

— Если вы боитесь говорить сейчас, вы можете прийти в мэрию, синьорина.

— Учту, спасибо.

— Всего доброго, синьорина.

Маги гуськом выходят, Ларс замыкает. Уже стоя на пороге он оглядывается, но так ничего и не говорит. Он выглядит разочарованным. Во мне? Вероятно. Дверь захлопывается, оставляя тягостное чувство неправоты.

— Выскочка, — неприязненно сообщает попугай. — Тьфу!

Увы, согласиться со Сквозей я не могу.

Я поворачиваюсь к Ирвину. Он беззаботно доедает мой бутерброд, словно назревающие проблемы его вообще не заботят, и Ларс со своими угрозами не больше, чем назойливая муха. Но ведь Ирвин не дурак, не мог не осознавать последствия своей выходки. Мой флигель он использовал для своих интриг?

— И к чему вы устроили эту провокацию? — строго спрашиваю я.

— Я?! Синьорина, я лишь выполнил вашу просьбу. И, заметьте, всю вину взял на себя.

Ирвин делает честные глаза.

Я фыркаю, но продолжаю серьёзно:

— Пока маги проверяли магический фон здесь, их помощь могла быть нужна в другом месте.

— Их бы вызвали. Три года назад загорелась гостиница. Огонь был магический, кто-то случайно разбил кувшин с запрещённым взрыв-зельем. Вроде бы готовили для покушение на чиновника в столице, не довели. Чёрно-рыжее пламя пожирало деревянное здание. Многих жертв удалось бы избежать, если бы в ту ночь я был не один, но маги из ночной смены устроили попойку в честь дня рождения одного из них.

— Сожалею.

— Время от времени я устраиваю тайные проверки с разрешения мэра.

— Вы, оказывается, герой, — растерянно произношу я.

— Нет, синьорина. Был бы героем, я бы всех спас, — он говорит с искренней горечью.

Наши взгляды встречаются, наши лица близко-близко. Я сглатываю и первой протягиваю руку, касаюсь его запястья. Ирвин вдруг подаётся вперёд, и от сладкого предчувствия у меня перехватывает дыхание.

Глава 24

Он... поцелует? Мы не настолько знакомы. Почему...?

Ирвин хмыкает, отстраняется. Я заворожено смотрю на него, а он как ни в чём ни бывало поднимается. Он всё ещё бледен, и я не думаю, что он достаточно оклемался, но Ирвин скрывает слабость, притворяется бодрым, полным сил. Он прощается, желает доброй ночи. Кстати, разве Ирвин приходил не за свёртками, которые за день Сквозя перетаскал?

Я окликаю.

Ирвин корчит обиженное выражение лица:

— Синьорина, за кого вы меня принимаете? Это подарки, — Ирвин заговорщицки подмигивает и исчезает в ночи вместе с попугаем.

Я ничего не понимаю в отношениях...

А значит, нечего голову ломать, тем более темнота — время хитрых фокусов. Я вызываю телефон, запускаю приложение Системы и лезу в каталог, во вкладку истории покупок. Я ещё ничего не покупала, но бонусная кисточка всё равно в списке, только с ценой в ноль карат и выскакивающих пояснениях при нажатии на цену. Я же открываю не пояснения к цене, а описание кисточки.

Если верить инструкции, волшебной штучки хватит на одно изображение, но нет ни слова о его размере. Я могу вообразить картинку на спичечный коробок, а могу — на ватман. Опять же, про требование к поверхности ни слова. Холст? Дерево? Стекло? Изображение можно нанести только на ровную поверхность или, допустим, на ёлочный шар? Радует обещание, что изображение будет стойким.

“Коснитесь волосняным пучком поверхности и представьте, как на ней появляется желаемое изображение. Вы можете вносить коррективы в течение часа, после этого изображение фиксируется. Также изображение будет зафиксировано сразу после того, как вы отнимите кисточку от поверхности. Внимание! Не отнимайте кисточку от поверхности, пока работа не завершена”.

Ага...

Я открываю “Оперу” и палитру цветов для дизайнеров. Мне нужен жизнерадостный основной цвет, тёплый, но не кричащий. Синезелёная гамма отпадает. Бежевый скорее строгий оттенок, чем праздничный. Жёлтый и его вариации мне не нравится, потому что с желтухой ассоциируется.

Пожалуй, девчачий розовый самое то. А сочетать его буду с жемчужно-серым. Ну и ярко-красный пойдёт для акцентов. Насколько я знаю, больше трёх тонов в дизайне лучше не использовать, чтобы не перегрузить. Конечно, это не правило, а скорее рекомендация, но я не буду рисковать, я ведь не профи, ориентируюсь на фото из Сети.

Я достаю кисточку и настраиваю на телефоне таймер — первое оповещение пройдёт через сорок пять минут, второе — через пятьдесят пять, и третье — через пятьдесят девять. Телефон

перестроился, таймер будет работать по системному времени, так что ошибиться из-за разницы величин я не боюсь.

Я ещё раз мысленно представляю, что хочу увидеть. У меня заготовлено три варианта: посложнее, если кисточка позволит, средний по сложности и простой, если желаемую задумку кисточка на потянет.

Основной цвет станет фоном, серым добавлю широкие диагональные полосы, а красным редкие штрихи. Что-то не понравится — исправлю.

Хах, кисточка, способная вытянуть из воображения любую картину будет использоваться для малярных работ. Я, как и сказано в инструкции, прижимаю волосяной пучок к стене.

По-хорошему нужен настоящий ремонт, но платить за выравнивание стен я не готова.

Стена послушно окрашивается в приглушённый розовый. Я мысленно приказываю краске идти дальше. Помешает угол или нет?

Есть! Остальные стены тоже розовеют. Потолок и пол я делаю серыми, но добавляю розовых полос. На стены — серых полос.

Наверное, я могла бы выкрасить всю планету. А что, шарик же.

Больше отвлекаться я себе не позволяю и пробую тот самый фокус: я крашу подоконник, дверь и мысленно направляю краску на внешнюю сторону здания. Жаль, не могу проконтролировать, как оно там снаружи получается. Мысленно прохожусь по всем сторонам от линии фундамента до крыши. Черепице тоже достаётся. После основного цвета я добавляю серые полосы.

Как получаются красные штрихи, мне не нравится, и я заменяю их на геометрический узор.

Второй сигнал таймера раздаётся, когда я заканчиваю узор снаружи. За оставшиеся пять минут я наскоро раскрашиваю лестницу, украшаю ступеньки ромбиками. Звучит третий сигнал — обратный отсчёт пошёл на секунды. Я мысленно представляю, как розовеют стены, пол и потолок в подвале.

Кисточка с треском разламывается. В пальцах остаётся деревянный обломок черенка. Волосяной пучок падает, малярные работы останавливаются по техническим причинам.

То, что я вижу в холле, мне нравится, значит, на улице вряд ли хуже. На результат посмотрю уже завтра. Я гашу свет, широко зеваю и возвращаюсь в спальню с мыслью, что, пусть из-за непредвиденных

обстоятельств я ложусь поздно, уж в эту ночь я нормально высплусь, а встану, как получится.

Кто бы мне позволил...

— Иветта! Ты!

— А?

Опять?!

Над кроватью склонилась Ирьяса, и с первого взгляда ясно, что ведьма в бешенстве. Я хлопаю глазами. Она бросает мне на одеяло вчерашний обломок кисточки, который я поленилась подобрать.

— Это твоя работа, — она не спрашивает, утверждает.

Наверное, по следу ауры определила.

— Что-то не так? — наивно спрашиваю я. — Я после уборки немного оживила интерьер.

— Немного?! Ты во что мой дом превратила, чудовище! Вставай сейчас же. Я не знаю, как ты будешь исправлять...

Да что там такое? Я поднимаюсь, накидываю первое попавшееся платье.

— И чего вам в такую рань не спится, — вздыхаю я, затягивая пояс. — Солнце ещё не взошло.

— Три часа назад взошло, — Ирьяса пальцем указывает на окно.

В комнате сумрачно, как рано утром. Я с недоумением оборачиваюсь.

— Оу-у-у...

— Оу, — передразнивает меня Ирьяса.

С внешней стороны стекло замазано краской, и свет едва проникает.

— Зато флигель будто новенький, — оптимистично предполагаю я.

— Девочка, ты мне не флигель, ты мне весь дом изуродовала. Смой то, что ты натворила, особенно рожи. Немедленно!

Но я ведь хотела только флигель... Стоп, какие рожи?

В любом случае смывать мне нечем. Я сомневаюсь, что обычный растворитель одолеет волшебную краску другого мира.

Я неловко пожимаю плечами:

— Ну-у-у... Я выкуплю дом до праздника Пика лета. Так сказать, избавлю вас от розового чудовища радикально.

— Иветта, тебе очень не понравится, что я сделаю, если денег не будет.

Ирьяса говорит спокойно, даже доброжелательно, а у меня от её тона мурашки и живот сводит. Не тратя на меня больше времени, Ирьяса разворачивается и уходит. Кажется, наши отношения испорчены. Скверно вышло, но теперь уже действительно ничего не исправить. Зато с ремонтом проблема решена. И о вывеске думать не нужно.

Я выхожу на улицу — надо же понять, про какие рожи говорила Ирьяса.

На улице я не одна. На дороге собралась приличная толпа, люди бурно обсуждают ночное преображение дома, получившегося, как я и хотела, розовым с широкими диагональными полосами и красными ромбами, только вот кисточка вытянула из моего сознания гораздо больше, чем я планировала. В ромбах глянцевые портреты эффектных красоток, причём одну я узнаю сразу. Девушка попала мне в видео бьюти-блогера. Остальных, уверена, я тоже где-то видела. Рыжие, блондинки, брюнетки — я обхожу дом — с вечерним макияжем и естественным, юные и возрастные. Все без исключения ухоженные, стильные.

— Они ещё закрыты, да?

— Наверное цены будут..., — до меня долетают обрывки разговоров.

Я обхожу дом полностью, возвращаюсь к флигелю и замечая то, что не увидела в самом начале.

Над крыльцом флигеля вычурным, но хорошо читаемым шрифтом крупно выведено “Модный дом Иветья”.

Я этого не рисовала!

Глава 25

Чёрт-чёрт-чёрт!

С одной стороны, толпа — это прекрасно. Сегодня обо мне будет говорить весь город. Точнее, о модном доме, но это нюансы. С другой стороны, я совершенно не готова к открытию, а каждый день промедление — это потеря внимания горожан.

Больше потери внимания я боюсь попасть в ситуацию “гора родила мышь”. От модного дома, взбаламутившего целый город будут ждать чего-то фееричного, а мои возможности ограничены.

Что же, вызов принят!

Я ненавижу авралы, но обожаю с ними справляться и чувствовать себя на высоте, вот такой вот парадокс. Поэтому меньше, чем через полчаса я уже в подвале. А вместо одноразового котла передо мной выдавшая виды, но чистая кастрюлька. Крышки нет. Кастрюлька надёжно закреплена на горелке, заправленной сухим топливом. И топливо, и горелка достались мне в подарок от... Сквози. Как только дотащил пернатый?

— Проба первая, — сообщаю я телефонному диктофону.

Рецепт моя будущая гордость, я разработала его сама, соединив домашнюю косметологию и магию. В основе пчелиный воск и полезные для кожи масла.

Я ведь не зря в лавку восточной парфюмерии заглядывала. Их помада, например — это масляные прямоугольные бумажки, покрытые чем-то розовато-охряным. Бумажку нужно как бы укусить — зажать губами, и часть красителя перейдёт. Я задумала сварить привычную помаду. Выкручивающийся тюбик я закажу у ювелиров позже, пока достаточно расфасовать по миниатюрным баночкам, которых, впрочем, у меня тоже пока нет.

Стараясь не отвлекаться на посторонние мысли и соблазнительные фантазии, я помешиваю варево стиком и старательно вливаю магию. Первая моя помада будет гигиенической и она же станет основой декоративных помад. В стартовой палитре ограничусь тремя цветами: нежно-розовым, выразительным красным и бежево-коричневым. Только названия надо придумать как в лучших каталогах. Что-то вроде “поцелуя солнца”.

— Первая попытка полностью провалилась. После остывания застывшая масса не мажется, а трескается и крошится. Вторая попытка.

— Третья попытка.

— Четвёртая.

— Семнадцатая попытка полностью успешна. Наносу себе получившуюся помаду, надо определить, насколько комфортно она ощущается на губах и как долго сохранит свои свойства. Перехожу на декоративку. Красная помада, первая попытка.

— Вторая...

— Двадцатая...

Неделя пролетает как один очень длинный день.

Рано утром я встаю, напех завтракаю и сбегаю в подвал химичить, магичить, экспериментировать, словом, добиваться идеального результата. Я работаю до позднего вечера, прерываюсь лишь на еду и редкие вылазки до рынка, чтобы закупиться необходимым. Наверное, я бы забывалась и работала ночь напролёт, но каждый раз вечером в подвал, истошно вопя, врывается Сквозя и со скандалом требует жареный кешью, причём братть из саквояжа он отказывается, ест только с рук. Я ужинаю в компании пернатого, умываюсь и засыпаю под его уютное воркование.

Ирвин с того дня больше не появлялся... А я ведь ждала, хотя это не в моих привычках.

К чёрту Ирвина — на восьмой день я выставляю на стол три котелка с декоративной помадой, один с чёрной подводкой для глаз, один с пудрой и один с румянами. Отдельно котелок с тонирующим зельем красоты для всех типов кожи. Итого, минус семь.

На восьмой же день срабатывает телефон. Я привыкла к уведомлениям от Системы. Пусть за основу взята домашняя косметология, но я активно использовала магию, и за неделю у меня накопилось больше сотни карат. Но сейчас-то каратам взяться неоткуда.

Я открываю выскочившее уведомление и едва не хлопаю себя по лбу — чуть не забыла. Мир ведь не ограничивается арендованным подвалом. Я собиралась навестить Ользу и убедиться, что, во-первых, моё вмешательство ей не навредило и, во-вторых, что события идут своим чередом. Я планирую ещё одно вмешательство, но на сей раз грандиозное.

Для косметики я припасла миниатюрные глиняные баночки, мой путь снова лежит в мэрию — оформлять патент.

Пешком идти чуть больше часа.

Я делаю крюк к набережной. Согласно роману, в полдень Ольза и Ларс будут прогуливаться вдоль реки в районе Горбатого моста, там же, где и познакомились. Надо ли говорить, что в романе они столкнутся с Ирвином, и он испортит им всю романтику?

Учтя прошлую ошибку, место для наблюдения я выбираю под кипарисом. Я хочу лишь убедиться... Долго ждать не приходится — изумрудную пару видно издали. Ларс в строгом тёмно-болотном

камзоле, Ольза в своём ярко-зелёном пальто, они неизбежно притягивают взгляды. В солнечных лучах играет драгоценная брошь.

Ларс бережно поддерживает Ользу на крутых ступеньках, она естественным, очень гармоничным жестом опирается на его руку..

Место удачное, меня пара не замечает.

Ларс приглашает Ользу в кафе. Ирвина нет. Значит, пара пока “живёт по сценарию”, а про линию Ирвина можно забыть.

— П-приветствую, ведьма!

Я уже собираюсь тихонько уйти, как Сквозя приземляется мне на плечо.

— Привет, — хмыкаю я.

Ирвин всё же здесь? То есть с выводами я поспешила, события разивются ближе к оригиналу, чем мне показалось? Хорошо...

— Невеста моего друга, я приглашаю тебя на чашечку чая!

— Спасибо, дорогой, но сегодня я несколько занята.

Я получаю ощутимый укол клювом.

— Ты всегда занята, — резонно возражает попугай. — Чашечку чая или я подарю твой подвал своему другу, ведьма.

— Шантажист!

— Я полетел? — приободряется Сквозя.

— Вот уж нет. Чашечку чая, и чтоб тебя ветром сдуло.

— Жестокая ведьма! — восклицает попугай без грамма обиды, скорее с восторгом.

— Синьорина Иветта, приветствую, — в наш диалог вклинивается Ирвин.

Я бросаю на него хмурый взгляд.

— Сеньор.

Ирвин расплывается в широкой улыбке и галантно предлагает мне локоть. На его месте вежливый джентельмен, заметив, что дама в дурном расположении духа, наоборот бы оставил в покое и поспешил откланяться. Но это же Ирвин.

Он цепко держит меня и увлекает вперёд.

— Разве кондитерская не слева? — уточняю я.

— Разве я могу пригласить столь очаровательную особу в первую попавшуюся кондитерскую?

Так я и поверила...

Очевидно, что Ирвина снова перемкнуло. Он с неотвратимостью самонаводящейся ракеты устремляется в кафе, где устроились Ольза с Ларсом. А меня тащит за собой.

— Мы помешаем, — твёрдо произношу я, в тщетной попытке достучаться.

— Синьорина, не беспокойтесь, мы разместимся за отдельным столиком, — Ирвин чуть ли не мурлыкает.

Тьфу!

— Вы..., — вздыхаю я.

— Какая встреча! — громко восклицает Ирвин.

По лицам Ларса и Ользы сразу видно, какая это встреча, но они берут себя в руки и вежливо отвечают на приветствие. Мы раскланиваемся. Приглашения присоединиться, естественно, не получаем.

Ирвин сдерживает обещание, он желает паре приятно провести время и усаживает меня за соседний столик, выбирает с таким расчётом, чтобы мы оказались на виду у Ользы.

Поскольку мы рядом, я прекрасно слышу разговор с официантом...

Ларс, уточнив у Ользы пожелания, заказывает чайник обычного чёрного чая. Ирвин спрашивает, хочу я чёрный, зелёный, красный или белый чай, заказывает, как я и прошу, красный, особый сорт. Судя по расширившимся глазам официанта — дорогущий.

Ларс заказывает для Ользы пирожное. Ирвин, чёртов мажор, небрежно заказывает для меня весь ассортимент десертов, и что они на столе не поместятся, его не волнует, как и то, что от такого количества я либо лопну, либо слипнусь.

Красивый жест? Щедрость? Хах! Мне становится неприятно до отвращения.

— В ваших глазах, сеньор, я не девушка? Кажется, для вас я не больше, чем инструмент, чтобы выпендриться перед избранницей соперника?

Глава 26

— Иветта? — Ирвин слишком медленно фокусирует взгляд на мне, а значит, я права, что в мыслях он распускает хвост перед Ользой, меня в его грёзах нет.

В романе было также, и точно также вместо восхищения Ирвин вызывал у окружающих недоумение. Позже Ольза назовёт его богатым недоумком.

— Дур-рак, — вздыхает Сквозя.

— Вы настолько низкого о себе мнения, сеньор?

Мне бы помолчать, и, честно, я бы промолчала, если не тот вечер, когда Ирвин не погнушался вычистить флигель. Меня покорили отнюдь не подарки, меня подкупило его отношение. Мог задрать нос, обозвать грязнулей и уйти, а он помог, ничего не требуя взамен, хотя и воспользовался ситуацией, но опять же во благо.

И в общении показал себя нормальным парнем, не мажором в худшем смысле этого слова.

— В смысле? — Ирвин оглядывается, но Ольза не обращает на него ни малейшего внимания, она полностью увлечена Ларсом.

Пара что-то обсуждает. Ирвин сжимает кулак, его злость чётко направлена на Ларса.

Я вздыхаю.

Неужели Ирвин сам не понимает?

— Сеньор, вы считаете, что вам нечем заинтересовать девушку, кроме как жёлтым металлом? Но деньги, это не вы. Обманом, воровством, как угодно, однажды вы можете их лишиться. И что тогда? Сдать вас в утиль, как ни на что не годного? В любом случае, как по мне, быть довеском к кошельку... унижительно.

— Я...

— Меня вы тоже определили на роль довеска. На роль инструмента или декорации. Скажете, нет? Молчите... Сеньор, сожалею, что рушу ваши планы. Я вспомнила о делах. Простите, я вынуждена откланяться. Если вы считаете, что я в чём-либо неправа, пришлите, пожалуйста, счёт.

Я поднимаюсь, разворачиваюсь и ухожу.

В спину мне летят окрики, но я не реагирую. Уходя, я испытываю смутное облегчение. Личные отношения не моё. Я задаюсь вопросом, была ли я неоправданно резка и правильно ли поступила, что ушла. Я поступила так, как чувствовала.

Я оглядываюсь лишь раз — убедиться, что Ирвин меня не преследует. Нет, вышел из кафе и стоит, а Сквозя топчется по его плечу. Могу лишь предположить, что Сквозя ему что-то втолковывает.

Может, Ирвин меня поймёт? Поймёт, что ведёт себя глупо и получается наоборот, не Ларс проигрывает, а он, Ирвин? Хороший же парень...

Я перехожу Горбатый мост.

— Коляску, синьорина? — вклинивается в мои размышления простуженный голос.

Извозчик, кутаясь в облезлый клетчатый шарф, предлагает подвезти, но я отказываюсь и прибавляю шаг. В такт шагам я продумываю, что и в какой последовательности буду делать после оформления патента, который “скушает” остатки денег.

В теории можно обойтись без патента, никто не возразит. Но без патента идея не твоя, а ничейная, и очень скоро на неё найдётся ушлый претендент, так что патент, и никак иначе.

Сегодня город не слишком приветлив. На проспекте меня захлёстывает толпа. Люди спешат по своим делам, ныряют в лавки или неспешно прогуливаются. Центр города суетлив и успокаивается разве что в тёмное время суток. Я иду, присматриваясь к вывескам. Кто-то всей стопой наступает мне на ногу, кто-то случайно толкает, кто-то преднамеренно.

Я поворачиваю обратно к реке, на набережной поспокойнее, суета остаётся в торговых кварталах. У реки тянет сыростью и запахом тухлый рыбы.

Вскоре я выхожу к мэрии, и главным вопросом для меня становится — хватит ли мне на оплату патента?

Холл, как и в прошлый раз, пустует. Мои шаги гулко разносятся. Я обхожу колонну, выискиваю в прилепленном с обратной стороны листке объяснение, в каком кабинете оформлять бумаги и, помня о квитанции, направляюсь к кассе.

— Добрый день, — здороваюсь я.

— Добрый, — равнодушно откликается клерк.

Впрочем, выслушивает он меня внимательно и даже задаёт пару уточняющих вопросов, перед тем как свериться с толстой книгой, занимающей отдельный стол.

— Сколько с меня?

Я очень боюсь, что мне не хватит...

— Сорок глиотов, синьорина.

Так дёшево?! Я послушно выкладываю пару двадцаткок.

Клерк, потянувшийся к стопке бланков, косится на купюры и недовольным тоном уточняет:

— Только один патент? Вы передумали, синьорина?

— Сорок за каждый?

— Ну, разумеется!

Только я обрадовалась... Хотя, надо признать, что сорок — это действительно немного. Прилично придётся выложить за продление патента через год.

Сорок умножить на четыре... Я укладываюсь впритык. В кошельке останется совсем мелочь, но я расплачиваюсь без колебаний, и через полчаса становлюсь счастливой обладательницей аккуратной папочки с документами на моё будущее богатство.

Я выхожу из мэрии, не глядя сбегая по ступенькам вниз.

И натыкаюсь на Ирвина. Стоит у подножия лестницы чуть сбоку, машинально поглаживает гарду шпаги, будто готов выхватить и пойти в атаку. Сквози почему-то нет. Разговаривать с Ирвином я не собираюсь. Поравнявшись, лишь слегка киваю, однако Ирвин делает шаг навстречу. Я могу пройти мимо, но вместо этого останавливаюсь, смотрю Ирвину в глаза.

Он смущённо улыбается уголком рта, и на щеке проступает очаровательная ямочка:

— Синьорина, я сожалею, что вас расстроил. Я признаю, что в отношении вас повёл себя некрасиво. Я уверяю вас, я не желал вас обидеть.

— Верю.

И восхищаюсь тем, как легко Ирвин признаёт свою ошибку и просит прощения. Похоже, он по-настоящему огорчён.

— Синьорина, позвольте мне искупить вину? Куда бы вам хотелось сходить?

— Я вас давно простила.

Не думаю, что мне нужно его приглашение.

— Если бы вы простили, Иветта, вы бы не отказывались.

Моё имя он произносит с предыханием, от которого у меня по телу разливается тепло. Я судорожно втягиваю воздух. Я... Хах, там, дома, я гадала, не окунуться ли мне в головокружительный роман. Окунуться!

Не в ущерб делу...

— Я слышала, что интересная выставка сейчас в художественном салоне.

Салон частный, работает под попечительством супруги мэра. Мне, девочке с улицы, в него не попасть. Ирвин станет моим пропуском.

В оригинальном романе салон упоминался мельком, но мне достаточно знать, что он есть.

— Вы увлекаетесь изобразительным искусством, синьорина? Коллекция салона довольно скромная.

— Мне любопытно, — от прямого ответа я ухожу, потому что искусством не увлекаюсь.

Ирвин кивает и приглашает меня в ожидающую нас коляску, хотя салон на соседней улице, быстрее пешком между домами проскользнуть. Двухэтажный дом с традиционной черепицей на крыше подмигивает витражами окон. Вход караулят мраморные статуи гривастых львов и, уже внутри, крупный мужчина с брезгливо выпяченными губами.

Охранник-билетёр?

— Синьорина, — начинает он.

Жене мэра явно не понравится столкнуться с незнакомкой в поношенной одежде, по мне видно, что к сливкам общества я не принадлежу.

— Да? — вместо меня отвечает Ирвин.

Ещё один плюстик: Ирвин не стесняется показаться в обществе в компании серой моли.

Мужчина замолкает, возражать боевому магу он не смеет, и Ирвин увлекает меня в первый зал.

— Синьорина, вы решили наказать меня и наглядно показать, что значит оказаться чьим-то инструментом? — хмыкает он.

Глупо отрицать, что я использовала Ирвина как пропуск.

Я улыбаюсь:

— Что вы, сеньор, нет.

Ирвин недоверчиво прищуривается:

— Неужели?

— О, сеньор, я рассчитываю, что вы станете моим гидом. Я клятвенно обещаю уделять вам внимания не меньше, чем произведениям.

Мы останавливаемся перед первой картиной.

Глава 27

На полотне горный пейзаж. Зубья хребта в снегу, белая пелена сливается с похожими на драную вату облаками, и чёткость линий размывается. Понизу бежит ручей. Искусствовед на моём месте отметил бы техничность работы кистью или царящую на полотне холодную атмосферу, глубину метафоры, что-нибудь в том же духе. Я же вижу просто картинку, по реалистичности несравнимо уступающую фото.

— Вам скучно, синьорина, — Ирвин ни капли не сомневается.

— Пейзаж выполнен классически? — вворачиваю я умную фразу.

— Верно. Классика возвращается в моду. Вам интересен магический стиль? Тогда прошу в следующий зал.

Пейзажи сменяются... пейзажами.

На картине бриллиантовая роса мерцает на лепестках пиона, будто холст посыпали блёстками. Другая картина гораздо интереснее, на ней осенний лес постепенно обнажается, теряя рыжую листву. В самом конце зала портрет, изображённая на нём особа лукаво щурится, иногда её губы изгибаются в намёке на улыбку.

Если бы я видела нечто подобное впервые, я бы пришла в восторг, но для меня, привыкшей к компьютерной графике, в работах нет ничего необычного. Всего лишь анимация, причём весьма посредственная.

— Уходим? — предлагает Ирвин.

Я ещё не нашла того, за чем пришла. Начинаю думать, что и не найду. Ирвин прав, коллекция скудная.

— А третий зал?

— Туда отправляют неудачные работы, с которыми салон будет прощаться.

Я устремляюсь вперёд.

И словно на стеклянную стену налетаю:

— Не может быть!

— Реалистично, правда? — улыбается Ирвин.

То, что я вижу — смесь портрета и фотографии. Я, конечно, готова допустить, что художник мастер, но мне кажется, что есть что-то ещё, кроме владения кистью.

— Магия?

— Да. Художница в основе использует иллюзии, насколько я знаю. Напоминает работу скульптора, отливающего по форме. Художница создаёт двойника человека, а затем переносит на холст.

— Потрясающе...

— Приземлённо и неприемлемо в настоящем искусстве, — раздаётся новый голос.

В зал входит расфуфыренная девица с бантом в причёски. Издали похоже на лопасти вертолёта. Девиа проходится по мне оценивающим взглядом и брезгливо поджимает губы, но при Ирвине оставляет своё мнение при себе. Точнее, укол весьма изящный — своим замечанием она выставляет меня неотёсанной деревенщиной.

— Запечатлеть мгновение для вечности, сохранить лицо таким, какое оно было в действительности, а не таким, какое примерещилось художнику. Мне кажется, в этом что-то есть.

— Синьорина, вы не в курсе? Исполнительница опозорилась, никто не закажет у неё портрет, — девица усмехается.

— Опозорилась?

Ирвин пожимает плечами. Вероятно, ему история не знакома.

Девица буквально скалится:

— Она опустилась до декораций.

— Что, простите?

— Высокое искусство не терпит мелочности, а она раскрашивала задники для новой оперы в нашем театре. Что она за художник, если может рисовать без вдохновения, а от начала и до конца рабочей смены? Ф-фи!

Эта девица хоть немного с мозгом дружит?

Я незаметно призываю телефон и, прикрывая его полкой плаща, направляю на табличку под портретом, фотографирую.

— Вы абсолютно правы, синьорина. Простите, не знаю, как к вам обращаться. Любой, осквернивший высокое искусство бездуховным прагматизмом, должен быть изгнан с позором, кем бы он ни был: художником, певцом, поваром.

Ирвин хмыкает, давась смешком.

Девица же понимает меня буквально:

— Да, именно! — горячо заверяет она.

Придётся разжевать:

— Если у повара нет вдохновения приготовить кулинарный шедевр, то завтрак следует отложить.

Выражение её лица меняется на нехорошее. Видимо, с пинка воображение заработало. Но мысль, увы, свернула куда-то не туда.

— Вы издеваетесь? — шипит она. — Вы! Вы хамка! Покиньте салон незамедлительно!

Хоть бы про Ирвина помнила... Вот уверена, что ему её визги как скрежет по стеклу. Золотая девочка слишком много о себе возомнила, а держать в уме несколько вещей сразу, видимо, не научилась. Впрочем, мне с ней за одним столом чай не пить.

— Ирвин, — оборачиваюсь я. — Кажется, нас выгоняют?

Девушка захлопала глазами.

— Ничего не поделаться, синьорина, — Ирвин легко улавливает моё намерение и включается в игру. — Нам придётся уйти.

Я нарочито огорчённо вздыхаю.

— К-как уйти? Сеньор Мэгг..., — девушка поднимает руку, будто собирается схватить за рукав, но Ирвин легко уклоняется и с тщательно скрываемой насмешкой обозначает поклон:

— С вашего позволения.

— Но...

Хм, а девочка, часом, не влюблена? Уж больно голодными глазами она на него смотрит. А на меня — со злостью, толикой ревности и невольным недоумением.

Я выкидываю девочку из головы — вряд ли мы с ней когда-нибудь встретимся, тем более снова посещать салон я не планирую.

— Позвольте угостить вас обедом, синьорина Иветта?

Хм...

Домой хочется — работать. Но я же решила попробовать романтику на вкус.

В график я укладываюсь. Согласно роману именно сегодня брат главной героини проиграет в казино Фирсу Грушичу, моему несостоявшемуся супругу.

Предупредить Ользу я не пыталась — бесполезно. Во-первых, она только вечером узнает, что её брат в городе, когда он, появится на пороге, сверкая подбитым глазом. Где ей его искать? Единственный вариант караулить у казино, но публика в том районе настолько неприятная, что соваться себе дороже. Во-вторых, брат не поверит. И,

в-третьих, в романе утверждалось, что её брат навсегда откажется от азартных игр из-за чувства вины перед сестрой. В долгосрочной перспективе проигрыш пойдёт ему на пользу, да и с деньгами я собираюсь помочь...

Так, не отвлекаться. Ирвин обед предлагает.

— Позволю, — я опускаю ресницы.

Ирвин расплывается в широкой улыбке.

Кажется, девица выходит из салона следом и смотрит, как Ирвин помогает мне сесть в коляску и мы уезжаем. Я не обращаю внимания.

По пути Ирвин развлекает меня байками со службы, я почти непрерывно смеюсь, до того забавно у него выходит. Чего только стоит история, как зимой боевые маги, опора и образец серьёзности, за ночь наморозили ледяных плит, утром выстлали лестницу фанерами, сверху закрепили замороженный лёд. И ладно бы они это делали у кого-то дома. Нет! Ледяной спуск они устроили в прямо в мэрии, рассудительно решив, что к началу рабочего дня всё растает. В тепле здания лёд начал подтаивать, отчего стал ещё более скользким. Первый весельчак сел на вершине, оттолкнулся и покатился со второго этажа на первый. Естественно, именно в этот момент внизу появился ничего не подозревающий мэр.

— Каюсь, я тоже в этом участвовал. Только опробовать горку не успел.

— Мэр...?

— Мэр прыгнул с места и очень громко сообщил, что он думает о наших забавах, грозился выпороть всех причастных, невзирая на звание и статус, а вот маг неудачно влетел в стену, два месяца потом хромотал.

Коляска останавливается, и я не сразу понимаю почему. Ирвин пригласил меня в ресторан, и я ожидаю чего-нибудь пафосного, в его неизменном мажорском стиле, но неожиданно Ирвин предлагает пойти в трактир. С виду — самый обычный. Полуподвальное помещение с массивными каменными сводами ассоциируется с жилищем кряжистого гнома. Половина столов занята, и большинство гостей трактира люди в форме.

Ни скатертей, ни других изысков. Украшением на голых стенах служат связки лука. Но несмотря на спартанский интерьер, в трактире

уютно. Наверное, потому что чисто, и нет перебравших вина рож. Я принохиваюсь, но даже намёка на спирт не улавливаю.

Приятное место, надо на будущее запомнить.

— Здравствуйте, матушка Фиренса, — вежливо здоровается Ирвин с полной, даже очень полной, но крепкой женщиной.

Она радушно улыбается, заправляет под чепец выбившуюся прядь и одёргивает белоснежный фартук:

— И тебе не хворать. Ох, ты не один. Добро пожаловать, девочка.

Панибратское обращение из уст женщины звучит настолько гармонично, что мне и в голову не приходит её поправлять, тем более для местных она матушка. В смысле, в этом мире это распространённое обращение к трактирщицам.

— Ирвин, как вы угадали, что мне понравится? — спрашиваю я, пока мы ждём. Ради Ирвина хозяйка шуганула дёрнувшуюся было подавальщицу и лично отправилась на кухню.

Больше недели я ела кое-как, часто вообще не замечала, что жую. Питалась полезным для желудка киселём, бесполезным копчёным мясом, пирожками и забивала голод фруктами, иногда воровала орешки Сквози.

Больше недели я мечтала о нормальном домашнем обеде.

Хозяйка водружает передо мной котелок с рыбным супом. На второе идёт свиная отбивная, наполовину зарытая в гречневый гарнир. Два яблока на десерт. И никакого чая, вместо него хозяйка приносит кувшин компота.

Я уплетаю за обе щёки и, когда хозяйка подходит забрать котелок, искренне благодарю:

— Восхитительно.

Хозяйка, чувствуя мою искренность, разулыбалась и пообещала подать свой фирменный пирог.

А вот Ирвин странно напрягся. В лучшем случае он впервые видит девушку со здоровым аппетитом. В свете принято не есть, а клевать, особенно если ты девушка. В худшем случае он уверился, что я не бедная, а просто нищая.

Неловко...

Глава 28

Ирвин оставался безукоризненно вежливым, улыбчивым, но после обеда больше никуда не пригласил.

С одной стороны, изначально он извинялся за глупость в кафе у Горбатого моста, так что логично, что, помогая мне забраться в коляску, он уточнил, куда меня проводить. С другой стороны, я успела навообразить, что он за мной ухаживает и уже настроилась на романтику, а её не случилось.

Обидно.

А может дело не в том, как я набросилась на еду? Достаточно посмотреться в зеркало...

Я врываюсь в уборную и замираю перед своим отражением. Так-так. Я помню, какой я увидела себя впервые — дурнушкой. За прошедшую неделю с хвостиком я не стала красавицей, но домашний уход и магия сделал своё дело. Кожа обрела упругость, стала бархатистой на ощупь, в лучшую сторону изменился цвет лица, я посвежела. Волосы всё ещё слабые и ужасно путаются, но прогресс и тут заметен. Вид портят синяки под глазами. Сегодня дам им решительный бой — рано лягу и выплусь.

Завтра будет особенный день.

Я приношу в уборную светильник, выставляю на полку все имеющиеся баночки: пудру, румяна, подводку и помады всех трёх цветов. Макияжных кистей у меня нет, зато есть обломок от кисточки, доставшейся от Системы.

Вроде бы ничего не забыла — начинаю!

Я спускаюсь на первый этаж, встаю на фоне фирменной стены и делаю несколько селфи. Это будет фото “до”.

На макияж я трачу больше часа. В целом я умею краситься, и косметика слишком непривычная. Я кладу слишком много пудры, и лицо превращается в алебастровую маску. Со второй попытки получается лучше. Я умываюсь и наношу пудру в третий раз. Неожиданно легко получается с румянами. Я берусь за подводку. И брызги стекают по лицу чёрными слезами из фильма ужасов. Приходится начинать сначала. Я тренируюсь рисовать тонкую длинную линию, придающую глазам выразительность и глубину. Жаль, теней нет. Думаю “смоки айз” мне бы пошёл. Ничего, Москва не сразу строилась. Я завершаю макияж розовой помадой.

— Тьфу! — розовый смотрится на мне как пририсованные фломастером усы на фото какой-нибудь знаменитости.

— Тьфу! — соглашается Сквозя. — Добавь шоколад.

Хм?

Где я его возьму? И, главное, зачем? Или Сквозя говорит про бежегато-коричневый оттенок? Сам по себе будущий “поцелуй солнца” неплох, но мне, уверена, не пойдёт, состарит. Как и красный. Но ведь их можно смешать!

— Сквозя, ты гений!

Я приглушаю розовый оттенок, добавляю естественности.

— Красавица, — одобряет Сквозя.

— О, да!

Косметика творит чудеса. Помнится, преобразование азиатской барышни меня поразило. Перед камерой улыбается фея неземной красоты, затем фея подмигивает, включается ускоренная перемотка кадров, фея умывается, и оказывается, что под тонной штукатурки самая обычная женщина, причём немолодая. То, что проделывала фея, вызвало у меня смешанные чувства. Красиво, безусловно, но, во-первых, наносить столько химии на кожу вредно, а, во-вторых, результат настолько далёк от первоначальной внешности, что, по моему, утрачивает смысл, да и кавалеров жалко.

Я снова спускаюсь на первый этаж и делаю селфи.

— Сквозя, ты мог бы получать орешки как гонорар.

Косметику покупают девушки и женщины, а они любят всё милое и пушистое. Сквозя мог бы стать талисманом моего модного дома.

— Работать?! — возмущённо восклицает попугай. — Тьфу!

Действительно, зачем трудиться, когда любимыми орешками угощают просто так, просто за то, что ты попугай.

Сквозя подхватывает кулёк, делает по помещению круг и вылетает в окно.

— Э-эх...

Макияж я не смываю до вечера — проверяю, насколько он стойкий и не возникнет ли на коже раздражение. Конечно, я уже проверяла, до того, как пошла оформлять патент, и осталась очень довольна. Но всё же...

Я волнуюсь! Разумом понимаю, что идёт обычный рабочий процесс, и завтра я перехожу на следующий этап, но ничего не могу с собой поделаться. Ночью я ворочаюсь с боку на бок, часто просыпаюсь, а во сне меня преследуют невнятные видения, моментально

истаивающие, стоит открыть глаза. Вспомнить, что конкретно мне снилось, я не могу.

Утром я встаю с восходом, умываюсь холодной водой — привожу себя в тонус. Завтракаю. И принимаю важное решение — не краситься. Фото — это хорошо, но показать контраст “до” и “после” живую гораздо эффективнее. Я теперь умная, первой положу подводку и все брызги аккуратно смою, и только потом буду пудриться.

Я складываю баночки в саквояж и выхожу. Адрес у меня есть, куда идти, представляю. Я собираюсь перехватить Ользу на выходе из дома. Если эта часть сюжета не изменилась, то сейчас ей очень нужны деньги, чтобы выплатить карточный долг брата, и моё предложение будет в тему.

Утренняя прохлада бодрит, как глоток утреннего кофе. Шагать через просыпающийся город даже приятно. Светит солнце, заливаются мелкие птицы, а улицы почти безлюдны, только слуги из богатых домов спешат на рынок, чтобы купить для хозяев всё свежее.

Пару раз я останавливаюсь, уточняю у прохожих дорогу.

— А, вон, синьорина, вы самую малость не дошли.

— Спасибо!

Если я ошиблась насчёт сюжета... Уверена, Ольза меня выслушает.

Надеюсь, она уже проснулась. Я поднимаюсь на крыльцо и стучусь в дверь висящим на цепочке миниатюрным молоточком.

Два удара, пауза, и ещё два удара.

— Да-да! — раздаётся из глубины дома, и меньше, чем через минуту, створка открывается.

На пороге Ольза. Впервые я вижу её без броши. На Ользе светло-голубое с кружевной отделкой лёгкое платье, вероятно, домашнее. Волосы без затей подхвачены оранжевой лентой. Сочетание совсем не в её стиле, будто брала, что под руку попадёт, не глядя.

— Доброе утро, — здороваюсь я.

— Иветта... Доброе...

Интонация намекает, что я невовремя.

— Прости, что беспокою, но это важно.

Заниматься модным домом в одиночку? Не смешите мои тапочки! Без надёжных помощников в таком деле не обойтись. А где их брать,

надёжных? Только свистни — набежит толпа жуликов. Ользе я готова довериться — в романе она честная.

Секундная заминка, и Ольга кивает, приглашает в гостиную.

— Чай? — предлагает она.

— Ольга, я с удовольствием посижу с тобой за чашечкой чая, но сегодня, мне кажется, ты не в том настроении. Я не стану отнимать время. Вот, взгляни.

Телефон я настроила заранее.

Да, я решила его показать. А почему нет? Скажу, что это артефакт, магическое зеркало, доставшееся мне по случаю, и я не представляю, где заполнить такое же.

Я показываю вчерашнее селфи “до” и перелистываю на “после”.

— Иветта?

— Называется “Найди десять отличий”.

Ольга непонимающе хмурится.

— Иветта...

— Неудачная шутка, извини. Ольга, как думаешь, сколько женщин будут готовы заплатить за подобное преобразование? — я перелистываю на третье изображение, которое я слепила в редакторе, два фото рядом.

Ольга пристально рассматривает изображение.

— До меня дошли слухи про модный дом, — наконец говорит она.

— Тогда ты понимаешь, о чём я.

— Признаться, не совсем.

— Я предлагаю тебе... Ну пусть будет, место управляющей модным домом. И партнёрство. Ты будешь не просто управляющей, ты будешь полноправно владеть частью нашего модного дома. За собой я оставляю стратегическое планирование.

Тему владения замаяли, потому что больше сорока процентов я не отдам. Я готова делиться деньгами, но не контролем.

Я выставляю на вычурный журнальный столик свои убогие глиняные баночки:

— Позволишь мне показать тебе, как это работает? За четверть часа я превращусь в красотку.

— Знаешь, это всё слишком неожиданно...

Ой, кажется, я шокировала Ользу напором. Крайне непрофессионально с моей стороны. Качнув головой, Ольга отступает на шаг.

Глава 29

Меня подвела привычка. Переговоры — территория делового общения, и, какие бы проблемы у тебя ни были, ты их оставляешь за пределами офиса. Не можешь? Возьми отгул, больничный, отпуск. Формат работы с клиентами не мой формат.

— Ольга, я нашла золотую жилу. Размышлять можно, но не долго. А пока просто посмотри, хорошо?

— Просто посмотреть?

— Ага...

Я молча описываю указательным пальцем невидимый овал вокруг своего лица, предлагая запомнить, как я выгляжу и отхожу к примеченному зеркалу в глубине холла.

— Я всё же поставлю чай, — вздыхает Ольга, смирившись, то я не отстану.

Возможно, она использует чай, как предлог, чтобы отлучиться. Я, не оборачиваясь, киваю и, аккуратно оттянув веко, рисую чёрную стрелку. Ватных палочек, увы, нет, но я заранее намочила платок, и сейчас, надавливая отросшим ногтем, легко стираю излишек краски, отрепетированно наношу пудру, добавляю румяна и завершаю преобразование помадой.

К возвращению Ользы я полностью готова. Глядя в зеркало я вижу себя, но это новая я, яркая, выразительная, совсем не похожая на себя обычную. По-моему, у меня даже осанка изменилась. И появился задорный блеск в глазах. Про самоощущение и не говорю. Блёклая моль превратилась в роскошный павлиний глаз.

Я оборачиваюсь:

— Что скажешь?

Ольга теснит на столике баночки и ставит поднос, только потом без энтузиазма поднимает взгляд. Её рот приоткрывается.

— И-иветта?

— Хочешь попробовать? — предлагаю я, подпуская в голос сладких соблазнительных ноток.

Какая девушка устоит?

— А-а-а..., — Ольга прикусывает губу. — Подожди, Иветта.

Ольза отлично владеет собой и с эмоциями справляется. А ещё нельзя забывать, что все её мысли сейчас не о красоте, а об огромной сумме, которую задолжал брат. В романе говорилось, что казино полукриминальное, за отказ расплатиться за карточный долг могут и убить, точнее, сперва серьёзно покалечат, а если денег не будет снова, то убьют. Парню вчера уже досталось, чтобы осознал, что шуток не будет.

— Жду, — улыбаюсь я.

— Я не думаю, что я готова тебе помочь. Всё это... слишком.

— Почему...? — ей же нужны деньги!

Ольза отвечает неожиданно серьёзно:

— Иветта, мы едва знакомы, и ты рассказываешь, что намерена меня озолотить. Просто так, без всякой причины.

А ведь она права, со стороны и правда странно выглядит, если не знать, что я о ней целый роман прочитала.

Объяснение может быть только одно:

— Интуиция. Я привыкла ей доверять. И интуиция говорит, что мы прекрасно сработаемся и поможем друг другу.

Ольза медлит, берёт одну из баночек и задумчиво вертит в руках, но ставит обратно и качает головой.

Я мысленно готовлюсь получить окончательный отказ. Плохо, ведь я рассчитывала...

Снаружи раздаётся грохот. Я непроизвольно вздрагиваю. Ольза испуганно шарахается от входной двери и смотрит на содрогающуюся створку круглыми глазами. С той стороны в дверь колотит медведь, не меньше. Не знаю, что за повод так долбать, но мне очень хочется надеть умнику на голову кастрюлю и постучать половником.

— Выходи! — орёт он.

— Кто там? — шёпотом спрашивает Ольза, и почему-то у меня.

Я пожимаю плечами. В романе ничего подобного не было. Точнее, было. Ольза ушла утром, а, когда вечером вернулась, обнаружила, что замок повреждён и дверь незаперта. В холле она нашла мёртвую чёрную кошку. Получается, из-за меня Ольза не успела уйти.

Игнорировать медведя не вариант — я точно знаю, что он ворвётся. Уж лучше перехватить инициативу. Я подхожу к двери, поворачиваюсь спиной и со всей силы ударяю в ответ пяткой.

Грохот прекращается.

— Кто там и что вы себе позволяете? — громко спрашиваю я.

— Открывай! Выходи сама, не то хуже будет!

— Я вызываю стражу, — отчеканиваю я.

Я надеюсь, что моё спокойствие и угроза остудят хулигана.

— Ольза, что там? — в холл, пошатываясь, выбирается парень с подбитым глазом. Явно, брат героини.

Ответить она не успевает. Створку сотрясает особенно мощный удар, замок не выдерживает, соскакивает, и дверь распахивается.

В холл врывается... Фирс собственной персоной. Женишок проклятый. Светлые волосы всклокчены, глаза налиты кровью. В нос ударяет винное амбре, и я оглушительно чихаю. Фирс мутным взглядом обводит холл.

Я стою ближе всех, он пару секунд смотрит прямо на меня. У меня внутри всё обмирает. Я сглатываю ставшую вязкой слюну и давлю панику. Да, Фирс, вот ведь удача пошутила. Посмотрела бы сейчас на его рожу сеньора Таэна... И что, что Фирс? Что он может сделать? Схватит за руку и потащит за собой? Я буду кричать, позову стражу. Он не знает, ни как меня теперь зовут, ни где я живу. Столкновение здесь, в Старом Му, не так страшно, как в родном городе, где ему на помощь встала бы вся община.

Фирс переводит взгляд с меня на брата Ользы и скалится:

— Должничок, ты приготовил деньги?

Парень не спешит выйти вперёд и встать между мной и Фирсом.

— У меня есть пять дней.

— Пять дней у тебя есть. А есть ли у тебя деньги, а?

— Для начала оплатите ремонт двери. Карточный долг не даёт никакого права крушить чужое имущество, — влезаю я.

Если Ольза будет благодарна мне за вмешательство, то есть шанс, что она согласится мне помочь.

— О, а кто это у нас такой боевой? Твоя сестрёлка? Красотка! Мама! — Фирс издаёт отвратительное громкое причмокивание. Более грязный намёк трудно представить.

Стоп.

Он принял меня за Ользу? Он меня не узнал?! Идя разобраться с должником, он точно не ожидал наткнуться на беглую невесту. Винные пары затуманивают восприятие. Опять же, в его памяти Лейсан осталась серой мышью, хотя на вокзале он видел меня в новом образе.

Сейчас он пялился на меня с похотью, но без капли эмоций — не узнал.

А значит, главное, себя не выдать...

— Уходи, — на мою удачу опровергнуть наше родство брат Ользы не торопится. Я понимаю, что он таким образом выводит из-под удара родную сестру. Я-то ему никто. Но всё же это... подло.

— Эй, должничок, за эту куколку в борделе дадут кругленькую сумму. Долг вернёшь и ещё останется. Малышка, я первый. Надо же, ты на мою жену похожа, но она курица облезлая, а ты хороша, — он протягивает руку.

Я пячусь.

— Пшёл вон, козёл облезлый. В срок деньги будут, — я окончательно вживаюсь в роль сестры.

Брат Ользы больше не может оставаться в стороне, перехватывает Фирса за запястье:

— Руки убрал.

— Я вызвала стражу, — громко сообщает Ольза.

Фирс выдёргивает руку, замахивается. Брат Ользы уворачивается от кулака, но Фирс бьёт коленом. Вроде бы мимо, но оба парня, сцепившись, валятся на пол. Фирс, не глядя, лупит. Достается полу, мебели, но и брату Ользы тоже.

С отчаянным визгом Ольза бросается вперёд. Куда, дура! Я с трудом её перехватываю:

— Не лезь, убьют.

— Арен!

— Магией! — подсказываю я.

Но Ольза теряет. Неужели она не знает ничего боевого? Ей же Ларс показывал... А, нет, ещё не показывал. Я отгалкиваю Ользу в сторону, хватаю со столика чайник и прицельно выливаю Фирсу на спину, благо он утвердился сверху. После вчерашних побоев брат Ользы отбивается с трудом.

— А-а-а! — разъярённо орёт Фирс, разворачивается.

Удобно, что он сидит на полу. Я примеряюсь, как приложить его чайником, ведь надо успокоить придурка, а не упокоить.

— Что здесь происходит?!

В холл врывается отряд стражи с Ларсом во главе. Ларс бросается к Ользе.

Я, не привлекая внимания, возвращаю чайник на поднос. Вы видели, что я хотела кого-то ударить? — Вам показалось!

Стражи растаскивают дерущихся.

Одно хорошо в утреннем происшествии — чёрная кошка, которую притащил бы Фирс, спасена.

Глава 30

Стражи забрали обоих: и Фирса, и Арена. Обоих покажут дежурному целителю. Хотя со стороны брат Ользы казался грушей для битья, оказалось, он неслабо приложил Фирса в живот. Что будет дальше? Ларс обещал посодействовать, тем более в доме напротив видели, как Фирс ломился. Даже без вмешательства Ларса, у стражи нет сомнений, кто агрессор, а кто пострадавший.

— Что же теперь..., — Ольза прижимает пальцы к губам, не моргая смотрит вслед отбывающему отряду.

— Ты обещала мне чай, — хмыкаю я.

В уме я прикидываю, насколько сильно задержание Фирса скажется на оригинальном сюжете.

— А? — для Ользы моё предложение продолжить посиделки звучит дико.

Я обнимаю её за плечи и увожу от дверного проёма:

— Из того, то я поняла, твой брат вляпался в неприятности. Карточный долг возвращают, либо умирают. И, честно говоря, я не думаю, что тот милый мальчик сможет тебе помочь. Что он сделает? Запрёт твоего брата в башне под круглосуточной охраной, как сказочную принцессу?

Дверь надо как-то закрыть...

— Но...

— Долг придётся отдать, иначе ни твой брат, ни ты сама, не будете в безопасности. Плакать бесполезно, проблему надо решать. Да и о чём ты волнуешься? Твоего брата подлечит целитель и отпустят. Интуиция мне не лгала...

Под мой речитатив Ольза постепенно успокаивается, во взгляде появляется осмысленность.

— О чём ты? — перебивает она.

— О том, что мы полезны друг другу. Тебе нужны большие деньги. Ты же не хочешь похоронить брата, верно? Я не знаю, сможешь ли ты найти нужную сумму...

Ольза может сдать в ломбард мамину брошь. В романе у неё не было выбора, я же ей этот выбор предлагаю.

— Иветта, ты так говоришь, как будто я согласилась...

— А ты по-прежнему отказываешься? Ольза, что тебя останавливает? Я понимаю, если бы я просила в долг сто глиот и обещала вернуть тысячу. Но я ведь ничего не прошу, никаких обязательств, кроме работы.

— Но пять дней...

— Сегодня завершаем организационные дела, завтра открываем модный дом. У нас будет три дня, чтобы заработать, — чёрт, я ведь не выяснила, сколько именно Арен должен. — Ольза, я не обещаю полную сумму, но, увидев доходы, ты сможешь смело взять в долг и быть уверенной, что отдашь в срок.

Ольза настолько не в себе из-за брата, что из неё как из глины можно лепить что угодно, она согласится. Мои уговоры действуют гипнотически. И, если честно, попахивают мошейничеством, но народная мудрость гласит, что надо ковать железо, пока горячо. И я беру Ользу тёпленькой.

— Иветта, хорошо, я согласна попробовать, но если ничего не будет получаться...

— Ты хочешь принести взаимные клятвы в Круге?

— Да!

— Поехали. Из дома есть чёрный ход? Швабра далеко?

— 3-зачем?

— Бросишь крыльцо нараспашку? Предлагаю изнутри заклинить рукоятью метлы, а выйти с другой стороны.

— Хорошо...

С дверью мы разбираемся довольно быстро, Ольза накидывает на плечи пушистую шаль, и мы выходим. На улице я подзываю коляску. По правилам хорошего тона, нанимать и оплачивать экипаж должна я, поскольку я приглашаю, и коляску приходится взять не самую разбитую. Вместо ужина. Монетки на дне кошелька стремительно тают. Хватит на всего на несколько поездок.

Я не знала, захочет Ольза заключить договор в храме или в мэрии. Ольза выбрала клятву. Пожалуй, это самый надёжный вариант для нас обеих, так что я полностью согласна. В коляске я протягиваю ей лист с текстом соглашения. Я старалась в равной мере учесть и свои, и её

интересы. Ольза берёт бумагу и сосредотачивается на чтении. Я не отвлекаю.

— Тебе стряпчий помогал? — внезапно спрашивает она.

— Нет. Личный опыт. Одно время я довольно плотно имела дело с документами.

— Вот как...

— Если что-то смущает, давай обсудим и подправим. Это примерный вариант, я не настаиваю.

Ольза продолжает читать и перечитывать:

— Мы дополним соглашение. Если в течение... пяти дней мы ничего не заработаем, договор теряет силу.

— Принято.

А вот Ользе стряпчий бы не помешал. Что значит “ничего не заработаем”? Чтобы этот пункт потерял смысл, достаточно всего одной продажи. Подсказывать я не собираюсь.

Извозчик останавливается у входа в парк, я расплачиваюсь, бросаю взгляд на Ользу. Я беспокоюсь, что она передумает в последний момент.

Дорога через парк проходит мимо моего сознания. С каждым шагом во мне растёт нетерпение, и я сама не замечаю, как иду всё бытсрее и быстрее. Ольза едва за мной поспевает.

— Чуть помедленнее, Иветта.

— Деньги манят, — но шаг сбавляю, подстраиваюсь под Ользу.

По холлу круга разносятся наши шаги. Я тороплюсь во внутренний дворик, где я получила имя. Полагаю, магические клятвы тоже по части статуи девушки со змеиным хвостом вместо ног. Каменная особа улыбается, держит руки перед грудью — всё так, как я запомнила. На миг мне мерещится, что статуя словно раздваивается, каменное лицо накладывается на живое призрачное. Богиня будто смотрит мне в глаза.

— Иветта? Тебя так давно не было! — магия момента разрушена.

Я оборачиваюсь:

— Линда?

— Ага! — она машет мне и внезапно, подхватив подол юбки, бросается прочь. — Иветта, я сейчас же скажу Айсан, что ты пришла!

Остановить — без шансов.

Глядя ей вслед, я только раздражённо цыкаю. Мало того, что мне не до Айсан сейчас, так и домашнее задание я толком не сделала. Стыдно...

Так, я здесь не для того, чтобы отвлекаться.

— Ольза, тебя договор устраивает? — я торопливо вписываю про пять дней в Ользиной формулировке.

Она ещё раз пробегает текст глазами:

— Да.

Отлично!

Я тоже перечитываю текст. Хотя именно я его писала, проверить лишним не будет. Я опускаю лист на подножие статуи. Из романа я знаю, что всё серьёзно — клятва отпечатывается в ауре, и если ты нарушаешь засвидетельствованное богами слово, аура начинает распадаться, что в конце концов ведёт к гибели.

Ольза достаёт откуда-то из-под широкой ленты пояса миниатюрный, размером с указательный палец, ритуальный стилет, делает надрез на ребре ладони. Капли крови падают на подножие статуи и лист.

У меня ритуального ножа до сих пор нет. Как я могла забыть... Одалживать чужой — моветон.

— Иветта, — к нам приближается Айсан.

Старшая ведьма сходу оценивает ситуацию, кривит губы в брезгливой гримасе, но нож мне подаёт.

— Спасибо.

— Пфф!

Я делаю надрез, повторяю за Ользой.

Кровь, попавшая на камень, исчезает, на листе с договором — остаётся. Я чувствую внезапный жар со спины в районе лопатки, но не на коже, а в нескольких сантиметрах над ней. Жар обжигает, но почувствовать боль я не успеваю, жар проходит, сменяется затихающим зудом. Так бы и потёрлась спиной о какое-нибудь дерево.

Я возвращаю нож Айсан.

— Учёба не для тебя, да, Иветта?

Вот не надо меня стыдить! Отчасти я даже признаю упрёки Айсан справедливыми. Она приняла меня в Круг, она дала мне имя, она чувствует себя ответственной. Но всё же мы обе взрослые. и

обращение в Круге принято старшая и младшая сестра, а не мать и дочь.

— Часть книг, которые вы рекомендовали, я уже прочла. Мне нужно больше времени.

Между прочим, я каждый день выделяла время на изучение теории. Просто учёба для меня сейчас на втором месте.

— У-у-у... угу.

Айсан разочарованно отворачивается и идёт прочь.

— Просто немного подождите и вы увидите!

— Удачи, Иветта, — безразлично откликается Айсан и скрывается за стеной.

Я вздыхаю, но вместе с тем приходит уверенность, что с Айсан я отношения налажу.

Я поворачиваюсь к Ользе:

— Едем.

— Куда?

— Разумеется, в театр.

Глава 31

Круглое здание под ступенчатым куполом стоит на одном из трёх холмов Старого Му, отчего кажется значительно выше, чем есть на самом деле. Театр... Сто лет не была на спектакле, и что-то мне подсказывает, что ещё сто лет не попаду.

Мы приехали днём, и приехали не как зрители. Ольза слабо понимает, зачем мне понадобилась художница. Я ведь не зря с Ирвином в салон пошла — я подбирала третью сотрудницу модного дома, очень важную сотрудницу, без которой вся затея затрещит по швам. И я намереваюсь не только переменить художницу, но и... в некотором смысле ограбить театр.

Чёрный ход закрыт, но на настойчивый стук нам открывают.

— Почему так долго? — сходу возмущаюсь я. — Может быть, вам не нужны наши краски?

Просто так меня не пустят и художницу вряд ли позовут.

— П-простите? — сбитый с толку моим напором мелкий служащий мнётся на пороге, не зная, должен ли он нас пропустить или прогнать, про какие-то краски он слышит впервые.

— Что “простите”? — напираяю я. — Если не нужны, то следовало заранее предупредить, а не гонять нас с образцами.

— Должно быть, какая-то ошибка. Меня не предупредили.

— Какой бардак в вашем театре! — поражаюсь я. — Проводите нас к Ланли Тиз. Это вы можете?

— Да, пожалуйста, следуйте за мной.

Действительно, бардак и мир непуганых кроликов. А если бы я бомбу принесла?

Ольза наблюдает за мной в лёгком шоке. Уж не знаю, что её потрясло больше, как я беззастенчиво навешиваю служащему на уши лапши, или как легко мы проникли туда, куда не имели права. Помоему, она начала сомневаться, что связываться со мной правильно.

Художницу мы находим за работой. Девушка наша ровесница, но безразмерный халат, в который она замоталась и платок на голове её старят. Художница увлечённо расписывает задник сцены — из-под её кисти выходит запущенный сад, скрывающийся в своей глубине полуразрушенный особняк.

— Синьорина Тиз, это к вам, — докладывает служащий и под моим обжигающим взглядом испаряется.

Я выдерживаю паузу, а заодно подхожу ближе, чтобы не кричать.

— Добрый день, синьорина. Мы к вам... с деловым предложением. Модный дом Иветья нуждается в вашем таланте.

Художница, изначально не проявившая к нам никакого интереса, замирает с кисточкой навесу. Я отмечаю, что девушка невероятно аккуратна. Несколько брызг краски забавными пятнышками застыли на платке, несколько мазков на халате, но лицо и руки без перчаток безукоризненно чистые.

— В моём таланте? — переспрашивает она, как будто её удивляет не само предложение, а моё признание её способностей.

— Я посетила салон, синьорина. Мне показали все, представленные работы, и я пришла к выводу, что только вы мне подходите.

Я не перебарщиваю с лестью? Да нет, я говорю вполне искренне. Её работы на самом деле показались мне весьма неординарными.

— Хм... Вы хотите, чтобы я расписала интерьер? Простите, но я уже подписала договор с театром, и это долгосрочное сотрудничество.

— Нет, отнюдь. Я хочу, чтобы вы, используя магию, сделали для нас модную книгу. Вот, взгляните, — я показываю ей свою фотографию, где я накрашена. — Вы сможете перенести картинку на

бумагу? У нас будет не столько книга, сколько брошюра, а точнее, сложенный пополам лист. Изображения с обеих сторон. Вы сможете это сделать?

Начнём с брошюры, а со временем и до полноценного многостраничного каталога доберёмся.

Я стану Мэри Кей этого мира!

Художница раздумывает недолго:

— Да, думаю, да. Я могу сделать.

— К завтрашнему утру, — добавляю я.

Художница кивает:

— Да.

— К завтрашнему утру не менее ста экземпляров, — добиваю я.

— А лучше тысячу.

— А...

— Приступим незамедлительно, до утра мало времени. Кстати, синьорина Ланли, вы хотите прославиться? В будущем в нашем модном доме пройдут выставки ваших работ. Ваши персональные выставки, а не как в салоне. Что касается славы, то, познакомьтесь, Ольза и вы будете лицом нашего дома. Если вы согласитесь на эту часть работы.

— А...

— Ланли, всё просто, — я демонстрирую ей изображение со склееными вместе селфи “до” и “после”. — Мы поставляем красоту. Косметика, которую привозят с востока, слишком дорогая для большей части горожанок. Даже состоятельные дамы не могут себе её позволить. Но как художница, вы же лучше всех понимаете, что каждая женщина будет красива, если умело подчеркнуть достоинства её лица и фигуры. Я хочу, чтобы даже девушки из бедных семей могли преобразиться. Не только это! Благодаря нам женщины смогут получить собственный источник финансов.

— Как? — теперь уже и Ольза смотрит на меня как на слегка сумасшедшую. Или не слегка...

— Модная книга или меню красоты. Девушки будут вступать в наш модный клуб и получать скидку на косметику. Но ведь не обязательно покупать только для себя. Можно купить для подружки, которая заплатит полную цену. А если подружек будет три? Десять?

Набежит приличная сумма. Больше того, если подруга с твоей подачи вступит в клуб, то с каждого её заказа ты будешь получать долю.

— А...

— Вы всё поняли? Тогда приступаем.

— Не-ет, — тормозит Ольза, а Ланли просто таращится на меня как на восьмое чудо света или, скорее, как на крокодила, на глазах у изумлённой публики отравившего на хвосте вторую пасть.

— Всё равно приступаем. Завтра по ходу разберётесь. Ланли, из коридора налево я видела театральное святилище. Давайте освятим наш договор и займёмся уже делом.

— У меня два вопроса, синьорина Иветта, — останавливает меня Ланли.

— Да?

— Могу ли я тоже вступить в клуб? И должна ли я называть вас босс?

Удивительно, но с художницей я нашла общий язык гораздо быстрее, чем с Ользой.

Наверное, потому что Ланли изначально была настроена на заработок. Хваткая девочка, надеюсь, она в нашей команде станет не менее ценным приобретением, чем Ольза.

Обмен клятвами проходит буднично — всё те же капли крови на святилище и листе с текстом договора, всё тот же ожог на ауре.

Мы возвращаемся на сцену.

— Ланли, ты сможешь собрать единое изображение из кусочков? — я достаю стопку весьма качественной плотной бумаги, которую я нагло позаимствовала в Круге. — Мы будем складывать лист пополам, соответственно, с внешней стороны мы должны соединить титульное изображение и обратное, а с внутренней стороны будут изображения наших товаров и ваши портреты. И нужно будет всё это красиво подписать. Давайте так, вы можете наносить изображение частями?

— Да.

— Тогда начинаем с титула и оборота, — я перещёлкиваю фото в галерее. — Это наш фирменный цвет, сделай его фоном.

— А для внутренней стороны?

— Излишне, — морщусь я. — Внутри будут портреты, изображения товара, подписи, текст. Яркий фон только отвлечёт и затруднит восприятие.

— Поняла, внутри фон белый, пока работаем с “внешкой”.

Ланли копирует надпись над крыльцом флигеля, тоже с фотографии.

— Девочки, — я окончательно перехожу на неформальное общение, — на титул лучше косметику или портрет?

Я ответ знаю — предметная обложка недостаточно “цеплючая”, однозначно, портрет, но не просто лицо, а, скорее, изображение по плечи, и в поднятую к щеке ладонь добавить баночку с алой помадой. Но я хочу, чтобы девочки включились в обсуждение. Командный дух — это тоже важно, а подтолкнуть к нужной мне мысли я всегда успею.

— Давайте попробуем оба варианта? — предлагает Ланли, и на титуле появляется мой портрет.

Глава 32

Я брыкалась! Я сопротивлялась! Я держала оборону, но Ольза и Ланли настояли, и я капитулировала. Особенно Ланли была убедительна. Много портретов на странице с ограниченной площадью означает мельчить, поэтому внутри портретов будет два, на правой и левой странице. А на титуле, чтобы всё было честно, место лицу основательницы компании. Вот редиски...

Проще всего оказалось сделать задник модной книги. Мы оставили розовый фон и по центру разместили текст с объяснением, как сделать заказ.

Благодаря совмещению художественных талантов Ланли, магии и технологии, меню красоты получилось в сотню раз эффектнее, чем я ожидала. Подводит бумага — слишком простая, не гляцевая, но с этим, увы, ничего нельзя поделать. Зато оформление на высоте.

Первый экземпляр готов.

Я возвращаю его Ланли:

— А теперь нам нужно таких же меню не менее сотни.

Про декорации Ланли благополучно забыла, хотя мы устроились прямо на сцене, и для создания образов в каталог всю использовали театральный реквизит.

— Сделаю.

— Завтра в девять утра ждём тебя в модном доме. Ланли, приходи отдохнувшей, потому что нас ждёт тяжёлый день.

— Х-хорошо.

— Ланли, один день. Послезавтра сможешь вернуться к работе в театре...

— Нет. Полагаю, послезавтра мы с Ользой устроим соревнования, кто привлечёт в наш Дом больше посланниц красоты.

Приятно, когда в тебя настолько верят...

Посланницами красоты мы рашили называть синьорин, которые будут разносить каталоги, принимать и доставлять заказы.

— Рассчитываю на тебя, Ланли.

Время около четырёх дня, когда мы с Ользой выходим из театра. Мы едем ко мне домой, попутно заглядываем в гончарную мастерскую. За спиной у мастера я наняла его проворного сынишку, чтобы он сделал партию миниатюрных баночек под косметику. Мальчишка, гордый, что я не только полностью доверяю ему заказ, но и платить буду ему, а не отцу, согласился сделать баночки едва ли не даром. Не просто так, я пообещала, что если работа мне понравится, то мальчик будет моим главным поставщиком упаковок, и гонорар я подниму. Я намерена сдержать обещание.

До вечера мы с Ользой фасуем помаду, пудру, румяна и подводку.

— Втроём мы не справимся, скоро навалится работы...

— Нам надо продержаться первые несколько дней. Как только мы получим первые деньги, мы наймём ведьму из младших. Или ты готова вложиться?

— Нет.

— Поэтому работаем своими ручками, а не чужими.

— У меня уже пальцы узлом завязались, — жалуется она, но продолжает работать.

Вечером я предлагаю Ользе остаться на ночь, но она отказывается, и это понятно. Дома её ждёт брат. Конечно, Ольга хочет убедиться, что он в порядке, насколько это возможно в его печальном положении. Я провожаю её и напоминаю, что жду к девяти утра, непременно нарядную.

Вроде бы предварительная работа завершена?

Я внимательно перечитываю план и мысленно ставлю галочки: сделано, сделано, сделано. А завтра я узнаю, чего стоят мои планы. Сейчас в ванную и спа-а-ать...

Кажется, ближе к полуночи по моей подушке топтался Сквозя и что-то нежно ворковал, но я так и не проснулась, а на утро нашла

брошенный на пол пакетик из-под орешков. Позавтракав, я бросаю взгляд на часы — я приловчилась соотносить местное время и системное в телефоне. До прихода девочек около получаса, я как раз успею причесаться, нанести макияж, одеться.

Я выбираю розовое платье и подвязываю пучок розовой лентой, делаю всё, чтобы на мне уместно смотрелась розовая помада. Сегодня моя задача не столько красоту наводить, сколько показать продукт.

— Триста семьдесят шесть! — оглашает Ланли вместо приветствия, когда я распахиваю входную дверь. — Оу...

Ланли в некотором ступоре таращится на холл модного дома, и я со вздохом поясняю:

— Мебели у нас ещё нет.

— Девочки! — следом появляется Ольза.

Я улыбаюсь:

— Как настрой? Нам нужен исключительно боевой, — и с удивлением замечаю, что от дороги за нами наблюдает Ирьяса.

Проигнорировав ведьму, я пропускаю девочек внутрь и захлопываю дверь. По моим расчётам около часа у нас уйдёт, чтобы нанести им макияж, последний раз обговорить детали, подбодрить друг друга, и к одиннадцати мы отправимся на первую нашу охоту.

Набережная в районе Горбатого моста самое популярное место для прогулок среди горожан среднего достатка. Обычно здесь можно встретить семьи с детьми, парочки влюблённых, занятые больше собой, чем речным пейзажем, но здесь же слетаются стайки сплетниц-хохотушек, и именно они наша главная цель.

Я иду, обмахиваясь каталогом будто веером. Девочки пересмеиваются, звонкими голосами привлекая к нам внимание.

Заприметив подружек, рассматривающих заколку для волос, я понимаю — модницы наши клиентки. И устремляюсь к парапету.

— Какая прелесть! — бесцеремонно восхищаюсь я, но в прямой разговор не вступаю, помахиваю каталогом.

Синьорины невольно обращают внимание на меня, и взгляд их останавливается на названии. Я особенно следила, чтобы подпись легко читалась. Их взгляды возвращаются к моему лицу. Макияж у меня довольно яркий, даже излишне яркий, в повседневной жизни в тот же офис я бы не стала так краситься, но сегодня я демонстрирую косметику.

— М-модный дом открылся? — выдыхает кудрявая блондинка.
Клюнула рыбка!

— О? Мы празднуем открытие. Торговли сегодня нет. Строго говоря, торговли вообще не будет. Модный дом работает строго на заказ. Если вам интересно..., — я небрежно отдаю каталог.

Синьорины вцепляются, раскрывают:

— Помада?!

— Румяна?

Рыженькая из стайки оказывается самой здравомыслящей:

— А почему так дешево? — подозрительно спрашивает она.

Вот это скользкий момент. С одной стороны при низкой цене нашу косметику многие смогут себе позволить, с другой стороны, дешевизна часто ассоциируется с плохим качеством.

— А почему восточная косметика дорогая? — отвечаю я вопросом на вопрос. — Факторов много, но один из ключевых — её доставляют издалека, с другого края мира. Даже если таким маршрутом доставлять самую дрянь, которая у восточного торговца половинки галиота не стоит, цена на западе взлетит до небес. Косметика модного дома производится на основе магических зелий с ухаживающим и омолаживающим эффектом. Модный дом не платит за доставку.

— Хм...

— Я, как видите, пользуюсь.

После долгих баталий селфи “до” и “после” мы всё-таки включили в каталог. Пришлось пожертвовать композицией и эстетикой, зато визуально впечатляюще.

— Я хочу сделать заказ! — перебивает блондинка.

— И я!

Покосившись на подруг, рыженькая сдаётся:

— Я тоже!

Я прищуриваюсь. Эти модницы выглядят вполне состоятельными, заработком вместе с модным домом их не привлечь. Я взглядом показываю Ользе, чтобы взяла заказ на себя. Конечно, в будущем ни Ольза, ни Ланли заказами заниматься не будут, но показ эта часть работы на них.

Ольза жестом просит перевернуть каталог:

— Модный дом работает по предоплате, — объясняет она. — Возможно, в будущем это изменится, но пока что у нас на складе ограниченное количество...

Мы с Ланли не вмешиваемся, наблюдаем. Ольза прекрасно справляется без помощи.

Бланки мы подготовили буквально в последний момент — Ланли нанесла на чистую бумагу розовую полосу.

Ольза заполняет бланк, вписывает принятую у синьорин сумму, ставит подпись и отдаёт им, а себе забирает копию бланка, но с их подписями. От “я этого не заказывал” и “где сдача?!” нужно защищаться сразу.

Наконец мы прощаемся с синьоринами.

Вторую стайку клиенток мы находим в кафе, благо первые денежки уже появились. Успех, если честно, ошеломляющий.

Набережную мы вскоре оставляем. Хотя “угодья полны дичи”, нельзя позволить понять, что мы таким образом ищем заказы. Нет, мы празднуем открытие.

— Вы можете прийти в Модный дом завтра в полдень, — улыбаюсь я. — При желании вы сможете опробовать и пудру, и помаду.

В модный дом, которого нет. В наличии лишь полосатые голые стены. Но я уверенно улыбаюсь и синьоринам, и девочкам.

Оставив кафе, мы перебираемся на противоположный берег в магазин модной одежды. Предлог — купить не менее ста шейных платков, но не любого розового, а фирменного розового оттенка. Естественно, в магазине нет, ни подходящего цвета, ни нужного количества. Мне даже напрягаться не пришлось — находившиеся в магазине синьорины сами набросились на нас и оттеснили продавца.

Принимать заказы в чужом магазине было бы неприлично, мы и так поступили некрасиво, заявившись с рекламой в магазин, поэтому перебираемся в небольшой сквер. А больше делать ничего не приходится. Сплетни разлетаются со скоростью лесного пожара. В какой-то момент подняв голову, я по-настоящему пугаюсь. Мы с девочками в кольце, сеньоры и синьорины окружили нас настолько плотно, что за ними не видно улицу. Мы будто в колодце — лишь над головой виден кругляшок неба.

Я недооценила спрос на косметику... Саквояж переполнен деньгами, а внимание мы привлекли не только покупательниц, но и криминала. Какова вероятность, что саквояж у меня вырвут до того, как я доберусь до банка? Каковы шансы, что грабители ворвутся во флигель? Эх...

— Сквозя..., — не особо надеюсь, я достаю пакетик с орешками и сминаю бумагу. Шелест слишком тихий, чтобы его услышать.

— Что вы сказали?

— М-м-м, ничего.

— Я хочу “Поцелуй солнца” и пудру.

Сквозя, спаси меня! Пожалуста-а-а-а!

— Вы сможете оформить заказы и завтра, — отбиваюсь я. Хватит, горшочек, не вари!

— А мне подводку для глаз. Запишите для меня подводку.

Я сдохну столько готовить, даже если Ольза встанет за котлы со мной.

— Пудру!

— Румяна и пудру!

— А мне всё, всё, что есть и в тройном наборе!

Ы-ы-ы...

Как я успею купить и привезти мебель, если не вырвусь?!

— Девочки, продолжайте, — шёпотом командую я. Сценарий, что я уйду раньше, мы обговаривали заранее. Ланли и Ольза коротко кивают, но я не представляю, как пробиться через стену тел.

А к ночи нас выпустят?

— Помаду, пожалуйста.

Зря я синьорин рыбками называла, они не рыбки, они натуральные пираньи.

— Синьорины, благодарю за ваш интерес. Я должна немедленно отправиться, чтобы заказать партию для вас.

— Румяна!

— Подводку и помаду!

— Только помаду!

Пираньи глухи к моим мольбам.

Я со вздохом тянусь, чтобы убрать бесполезный пакетик орешков. Приманка не сработала.

— Кра! — раздаётся возмущённое над головой, и на плечо пикирует Сквозя. — Ведьма, отдай моё.

Так он просто наблюдал и тянул до последнего, паршивец?!

Балансируя на одной лапе, Сквозя ловко клювом и второй лапой перехватывает пакетик. Я послушно разжимаю пальцы.

— Сквозя, как мужчина, ты просто обязан меня отсюда спасти.

Сквозя разрывает бумагу, выхватывает первый кешью, разгрызает:

— Ведьма, ты слишком тяжёлая.

— Нет, Сквозя, не надо меня тащить, придумай другой способ.

Сквозя выхватывает из пакетика ещё пару орешков и тоном, будто делает величайшее одолжение, обещает:

— Скажу другу, что ведьму сейчас затопчут. Ведьма, думаешь, друг прорвётся? Друга тоже затопчут. Ну да пусть, другу полезно.

Сквозя срывается с плеча и взмывает ввысь. У меня в ладони остаётся пустой пакетик из-под орешков.

— Пудру, пожалуйста.

— И мне, а ещё сестре, маме, тёте...

Как всё до этого дошло?! По-моему, нас атакует уже всё женское население города.

Сквозя, тебе лучше поторопиться, потому что ты абсолютно прав — затопчут.

Глава 33

Слева начинается неясное волнение, и через толпу протискивается Ирвин. Мы встречаемся взглядами, и он вдруг застывает, смотрит на меня недоверчиво, будто не узнаёт. Молчание длится несколько долгих мгновений. Почему-то для меня время тоже словно останавливается, а сердце начинает биться чаще. Это всё от того, что глазах Ирвина недоверие сменяется восхищением?

— И-иветта?

Звук собственного голоса словно приводит его в чувство. Ирвин, мотнув головой, оглядывается на напирających синьорин, переводит взгляд на Ланли и Ользу. Я невольно напрягаюсь, ведь сегодня девушки особенно красивы, но Ирвин не реагирует на них так, как на меня, и от этого на душе разливается тепло.

Ирвин хмурится. Сквозя, вероятно, говорил об одной ведьме и наличие двух подружек стало сюрпризом.

— Спасать нужно только меня. Пока..., — поясняю я.

— Ах, “пока”?

Ирвин не выглядит радостным, от того, что я определила его в штат модного дома охранником, но руку протягивает.

Я исправляюсь:

— Я думаю, девочки сами справятся. Не будут же их здесь до утра держать, — правда, особой уверенности я не испытываю. Хм, а девочкам бланков хватит? Ладно, не маленькие, пусть выкручиваются.

Ирвин кивает, ещё раз оглядывается на толпу.

На его лице расцветает совершенно хулиганская ухмылка:

— Синьорина, если вы хотите выбраться на свободу, то некоторое время вам придётся потерпеть меня, хорошо?

Ирвин откровенно смотрит мне в лицо, смотрит с вызовом, но я отчётливо вижу, что таким образом он пытается скрыть насколько моя новая внешность для него ошеломительна. А ещё в его глазах чисто мужской интерес, желание.

Я усмехаюсь. Ирвин ловит меня под руку и притягивает к себе:

— Хорошо, — соглашаюсь я. Его близость меня ни капли не беспокоит. Точнее, беспокоит, но в самом положительном смысле.

Ирвин довольно ловко пробивается вперёд, и в какой-то момент до меня доходит, что он использует магию. Нас окружает невидимый щит, синьорины и сеньоры под его давлением вынужденно расступаются.

Эх, если бы я занималась магией, я бы тоже так смогла.

— А помаду?

— Синьорина, примите заказ!

Я на секунду останавливаюсь:

— Сегодня заказы принимают старшие посланницы красоты. Также вы можете сделать заказ завтра в модном доме.

— Понимаю, почему на вас набросились...

— Ирвин, проводите меня до банка, пожалуйста, — прошу я. С Ирвином рядом за деньги мне будет спокойнее.

— Хм? К вашим услугам, синьорина.

Мы выбираемся из толпы, и я устало приваливаюсь к Ирвину как к единственной опоре. В конце концов в какой-то момент я просто спрятала лицо у него на груди, чтобы меня перестали узнавать. Сейчас со стороны меня принимают за конкурентку в пудровом бою.

— Ха..., — выдыхаю я.

— Иветта, вам плохо?

Страдай я клаустрофобией, мне было бы ещё как плохо.

— Нет, — улыбаюсь я, — ведь вы меня спасли.

Ирвин, не разжимая объятий, уводит меня из сквера. На дороге, на обочине, стоит закрытый экипаж. Лакированное дерево с тонкой позолотой смотрится излишне помпезно, в стиле Ирвина. Не успеваем мы приблизиться, с облучка спрыгивает затянутый в форму кучер и почтительно открывает дверь, украшенную вензелем. Без сомнения, Ирвин прибыл не на наёмном экипаже, а личном.

— Синьорина, я возьму коляску, — быстро предлагает Ирвин и слегка отстраняется.

— Нет необходимости, — я выскальзываю из объятий и первой забираюсь в обитый тёмной кожей салон. Помню, что уединяться с мужчиной неприлично, но... Надеюсь, Ирвин поймёт меня правильно.

— Ведьма, орешки? — приветствует меня Сквозя.

Хм, а с двумя мужчинами более неприлично или менее?

Улыбнувшись, я послушно достаю очередной пакетик жареных кешью, и Сквозя перебирается ко мне на колени. Ирвин присаживается рядом. Хлопает дверца, экипаж трогается.

До банка ехать каких-то пять минут, ближайшее отделение располагается на соседней улице.

Экипаж плавно тормозит, когда Сквозя как раз догрызает последний орешек.

Я провожу вдоль крыльев по спине, ссаживаю Сквозю на сиденье и встаю..

— Большое спасибо, Ирвин.

— Иветта, вы намекаете, что я могу катиться восвояси? — Ирвин берёт меня за руку.

Саквояж выскальзывает из пальцев и от удара углом об пол распаивается. Звякают монеты. На пол вываливается груды разномастных банкнот в перемешку с бланками заказов. Приличная такая куча получается...

— А?! Иветта...

— Упс. Ирвин, модный дом работает по предоплате, — я присаживаюсь на корточки и принимаюсь сортировать купюры в саквояж, а бланки стопкой складываю на сиденье.

Сковзя включается в сортировку и справляется неожиданно ловко. Ирвин тоже приседает, помогает собирать.

Я пытаюсь хотя бы в общих чертах прикинуть, на сколько за день мы продали, но всё сводится к одному ответу — много. Я убираю бланки с заказами в боковое отделение, захлопываю саквояж. Щёлкает простенький замочек.

Ирвин подаёт руку, помогая подняться.

— Спасибо, что проводили.

— Иветта, вы всё-таки настаиваете, что мне пора?

— После банка я еду заказывать мебель, и всю ночь мне предстоит варить помаду.

Шутливые нотки исчезают, Ирвин смотрит на меня очень серьёзно:

— Иветта, я осознаю, что недостаточно близко с вами, чтобы лезть с советами, но всё же я прошу вас побереечь себя.

— Я... понимаю.

— С вашего позволения, Иветта, я сопровожу вас в ваших деловых поездках.

Зачем?

— С-спасибо, — отказываться глупо.

А Ирвин начинает выполнять обещание сопроводить излишне буквально, он идёт в отделение банка вместе со мной. Я гадаю, в какой момент лучше сказать, что столь плотная опека чрезмерна, но... прикусываю язык.

При виде Ирвина банковский клерк пулей вылетает из-за конторки, низко кланяется, а я в очередной раз вспоминаю, что Ирвин богач. Впрочем, очень скоро я составлю ему конкуренцию за звание богача номер один.

— Синьорина, — Ирвин явно собирается меня представить.

Сковзя перебивает:

— Его невеста.

— Ох, неужели?! — клерк расплывается в широченной улыбке, того гляди щёки лопнут. — Какая удивительная новость! Сеньор Мэгг, позвольте поздравить вас от лица банка. Синьорина, также поздравляю!

Я молчу, предоставляю Ирвину исправить недоразумение, а он, вместо того, чтобы признать, что попугай выдумывает, приказывает

позаботиться обо мне в лучшем виде.

Клерк приглашает меня в отдельный кабинет и не позволяет и тени эмоций отразиться на лице, когда я вываливаю на стол сначала купюры, а потом и монеты. Надо ли говорить, что с подсчётом специалист справляется гораздо лучше, чем я? Большую часть суммы я вношу на счёт, лишь немного оставляю на мелкие траты.

После банка Ирвин, не слушая возражений, везёт меня обедать в тот же трактир, в котором мы были, и, только убедившись, что я поела, Ирвин сопровождает меня и в мебельный, и к мальчишке-гончару. Наверное, из-за Сквози возникает птичья ассоциация. Ирвин из галантного кавалера незаметно превращается в наседку, но должна признать, что в моих глазах такая тихая поддержка значит во сто крат больше любых красивых жестов.

Ирвин провожает меня до крыльца:

— Иветта, я помню, то вы собираетесь работать, но найдите время отдохнуть.

Я закрываю дверь, но в окно наблюдаю, как экипаж отъезжает. Увы, про отдых Ирвин зря напомнил, не светит он мне этой ночью. Экипаж скрывается, и я отхожу от окна, задумываюсь, подняться наверх за компотом или сразу в подвал? Хм... пойду работать. Вдруг всё-таки получится до на рассвете хоть часик подремать?

Экипаж скрылся, и тем неожиданнее барабанный стук в дверь.

Глава 34

Ирвин вернулся? Первая мысль именно такая. Вторая разумнее — клиентки или спасающиеся от них бегством девочки. Но на пороге Ирьяса. Кивнув мне, ведьма входит, оглядывает пустой, выкрашенный в розовый цвет холл.

— Удивила...

Я пожимаю плечами. Никакого желания говорить с хозяйкой. Я подспудно не жду от неё ничего хорошего, слишком неприятное впечатление о ней сложилось. А ещё мне очень не нравится ревнивый огонёк в её глазах.

— Да, небольшой ремонт, — соглашаюсь я, хотя очевидно, что её “удивила” относится отнюдь не к покраске стен.

— Иветта, теперь, когда ты попробовала на себе, сколь много требуется для открытия собственной лавки, ты по-прежнему не хочешь пойти ко мне в ученицы?

Пфф!

Я, конечно, сдерживаюсь, но какова наглость!

— Нет.

— Помощь нужна? Я слышала, какой ажиотаж вызвала твоя косметика. Разве ты справишься одна?

Ирьяса не та, с кем я готова сотрудничать. Но даже безотносительно нашего предыдущего общения, одной последней фразы достаточно, чтобы послать. Вежливо, разумеется. Потому что нельзя связываться с теми, кто тебя со старта принижает. “Разве ты справишься одна?” — подразумевается, что без мудрого руководства априори не справлюсь. Плавали, знаем. К чертям таких доброхотов.

— О, да, всё по плану. Спасибо за беспокойство.

— Хм... Иветта, рада за тебя. На самом деле я зашла... с просьбой.

— Вот как?

Пропади уже, а?

Ирьяса подходит ближе и достаёт из мешочка на поясе каталог. Смятый.

Я прекрасно понимала, что с дешёвой бумагой будет именно так. Да и с дорогой, если честно. Никто беречь каталоги не будет. Их уронят в грязь, порвут, выбросят с мусором. Но всё равно внутри меня передёргивает.

Если бы я пришла к продавцу с просьбой, я бы постаралась сохранить товарный вид рекламного буклета. Или, по крайней мере, не доставала бы настолько зажёванный.

Не замечая моего недовольства, Ирьяса открывает каталог и указывает на розовую помаду.

— Иветта, продай мне? Пользуясь случаем, вне очереди, — и улыбка неестественно заискивающая.

В просьбе на первый взгляд нет ничего особенного. “По знакомству” практика, с одной стороны, порочная, с другой — весьма действенная. Той же Айсан я бы без колебаний пошла навстречу. Кстати! Надо ей подарить полный набор.

Но мне не нравится, что Ирьяса говорит о покупке в самом конце, начинала она с попытки захомутать меня в ученицы. Как такового интереса к помаде я тоже почему-то не вижу. А ещё меня беспокоит, что Ирьяса не попыталась получить косметику бесплатно.

— Я выполню ваш заказ вне очереди, — улыбаюсь я и достаю бланк. — Вы хотите только помаду? Модный дом работает по предоплате. Завтра до официального открытия я лично принесу вам ваш заказ.

— Иветта, к нему такие сложности? У тебя же есть помада. Я просто куплю, вот, — она протягивает мне купюры.

Она на сон грядущий собралась краситься? Подушку пачкать?

Я качаю головой:

— Ирьяса, сожалею, но модный дом работает только на заказ.

А ведь точно! У меня нет торговой лицензии, именно поэтому я сделала ставку на каталоги и работу на заказ соответственно. Если бы я сейчас повелась и продала, Ирьяса наверняка донесла бы в мэрию или шантажировала.

— Иветта, при чём здесь модный дом? Я прошу продать.

— У меня нет торговой лицензии, Ирьяса. Я соблюдаю закон.

— Я по-соседски прошу, как ведьма ведьму, а ты...

Угу-угу.

Я достаю из саквояжа баночку с розовой помадой. На крышке легко читаемая надпись: “Пробник. Не для продажи”.

— Ирьяса, сперва просто посмотрите подходит ли вам консистенция и цвет. Возвращать не обязательно.

— Ты смеешь предлагать мне помаду после кого-то? Пользованную?!

— Нет, пробник абсолютно новый.

Но Ирьяса предпочитает не услышать.

— Возмутительно!

Она уходит, громко хлопнув дверью.

Что же, сама виновата: если в начале я думала отложить выкуп дома до праздника, то теперь распрощаться с Ирьясой в приоритете.

Я прячу пробник обратно в саквояж и спускаюсь в подвал работать. Я и так-то не представляла, как успеть к открытию, так ещё и ведьма отвлекла. Но несмотря на мелкие неурядицы настроение ползёт вверх и я предвкушаю — завтрашний день обещает быть ещё более волнующим, чем сегодняшний.

Впрочем, к полудню мне уже так не кажется.

Ночь напролёт я колдую над котелками и благодарю всех богов за то, что мне повезло с партией “бракованных”. Я варю, разливаю по

баночкам, варю... В какой момент ко мне присоединяется Ольза, я пропускаю, лишь отмечаю, что подруга не подвела, пришла и взвалила на себя половину работы. Ночью же мальчишка, сын гончара, привозит дополнительную партию упаковок, и работа закипает с новой силой.

— Мы не справимся, — Ольза озвучивает мои мысли с поразительным равнодушием. Таким тоном сообщают, что за окном дождь и советуют взять зонтик. Устала?

— Завтра же наймём, — обещаю я. — Думаю, до открытия. Ольза, твой брат надёжен? Можно его на учёт посадить?

Утром, помимо кадрового вопроса, приходится встречать мебельщиков. Грузчики, габаритами не уступающие шкафам, с приятной быстротой превращают пустой холл в выставочный зал. Ставить торговую стойку я категорически отказываюсь. Памятуя о вчерашнем, я уверилась, что прямые продажи — табу. Да и в схему торговли по каталогу не вписываются. Стойку затаскивают в подвал на радость Арену, тотчас её окупировавшему.

К полудню я урываю полчаса тревожного дрёма, встаю под гудение телефона, с трудом удерживаюсь, чтобы не швырнуть проклятый будильник в стену, умываюсь бодрящей ледяной водой, крашусь сама и помогаю девочкам.

И ровно в полдень модный дом Иветья распахивает двери.

В зал мы предусмотрительно никого не пускаем, иначе давка будет хуже, чем в столичном метро в час пик. Открытие пройдёт на свежем воздухе, благо погода радует безоблачным небом и теплом.

Два прилавка специально установлены снаружи, и мы торжественно выставляем пробники косметики.

— Доброе утро! — здороваюсь я.

Перед флигелем собралась... толпа. Их ещё больше, чем вчера и к сеньорам и синьоринам добавилась стража, и я смутно представляю, как справиться. Хотя... При таком ажиотаже клиентки согласятся ждать.

— Доброе, — на плечо приземляется Сквозя и ласково прихватывает клювом за ухо.

Я поднимаю руку, провожу по шелковистым перьям.

— Разве это не попугай сеньора Мэгга? — долетают до меня голоса. Толпа приходит в волнение.

— Сквозя, ты...

Вот же пернатый любитель устраивать переполох.

— Я умный.

Угу...

— Сеньоры, синьорины! — я повышаю голос, а Ольза помогает мне магией. — Приветствую вас на открытии Модного дома. Наш девиз — красота должна быть доступна каждой! Качественная косметика по разумным ценам, изготовленная на основе зелий с ухаживающим и омолаживающим эффектом. Приглашаю самую смелую к нам, — я указываю на выставленный вперёд пустой стул.

Ланли у нас художница, с декоративной косметикой освоилась быстро. Наносить макияж себе, особенно стрелки подводкой рисовать, у неё пока не получается, а вот мне и Ользе она лица рисует идеально.

— Я!

Вперёд вырывается сеньора лет сорока.

— Добро пожаловать. Как к вам обращаться? Пожалуйста, повернитесь к гостям, чтобы каждая могла оценить результат.

— Жаль, пудра одного оттенка, — едва слышно бормочет Ланли, снимая с прилавка набор пробников.

— Хм?

— Сочетая светлые и тёмные оттенки, я могла бы добиться большей выразительности.

— Ты гений, — улыбаюсь я. Вот что значит настоящий художник. Мне, например, в голову не приходило использовать разные тона пудры, пока не прочитала советы бьюти-гуру в журнале.

Сеньора усаживается на стул, Ланли вооружается кисточкой.

Я же поднимаю баночку с пудрой и принимаюсь рассказывать, что это такое, куда наносить и зачем. Гости внимают. Приблизительно зная, сколько у Ланли уйдёт на макияж, я подстраиваюсь и завершаю “лекцию”, когда Ланли наносит последний штрих.

Ольза приглашает сеньору подняться и предстать на суд зрительниц.

— Потрясающе!

— Она помолодела!

— Я тоже хочу-у-у-у-у!А-а-а!

Толпа в едином порыве подаётся вперёд. Я лишь усилием воли удерживаю себя на месте и радуюсь, что мы поставили прилавки. Не

ради пробников и атмосферы открытия, прежде всего я решила поставить столы в качестве барьера.

— Сеньоры, синьорины, пожалуйста, спокойнее! Наш девиз — красота должна быть доступна каждой. Мы примем заказы, сколько бы их ни было. Пожалуйста.

Напирающую толпу мы разделяем на четыре потока: заказы принимаем Ланли, я, Ольза и включается её брат, смотрящий на происходящее широко распахнутыми полными первобытного испуга глазами, но храбро остающегося за прилавком.

Дело быстро продвигается, хотя, как и вчера, конца и края толпы не видно. Ассортимент небольшой, так что даже на самые крупные заказы уходит не больше двух-трёх минут.

Я механически улыбаюсь, киваю, подписываю бланки, складываю купюры в большой мешок.

В толпе выделяется сеньора в строгом тёмном платье, поверх наброшен не менее строгий тёмный кардиган, волосы стянуты в гульку. На нашем празднике красоты сеньора смотрится откровенно неуместно. Весьма странно, что она пропускает нескольких девушек вперёд. Продолжая оформлять заказы, я наблюдаю за сеньорой. Целенаправленно она перестраивается в очередь к Арену.

— Госпожа Проблема на горизонте.

Увы, Арен меня не слышит.

— Сеньора, — здоровается он.

— Синьорина Иветья, — требует внимания моя клиентка.

Как-то надо разорваться...

Глава 35

Арен пока справляется, а сеньора, вопреки ожиданиям, не доставляет хлопот. Она подписывает бланк, передаёт деньги и уже поворачивается, чтобы уйти. Я мысленно выдыхаю. Странная дама, но мало ли...

Она вдруг наклоняется к прилавку и что-то напористо говорит. Слышать я не могу, но по мимике, языку тела вижу, что она напирает, и под её натиском Арен выглядит всё менее и менее уверенным. Неужели не догадается послать её ко мне? Я ведь дала ясные инструкции.

Чёрт!

— Сквозя, клюнь его, — будем стимулировать мозговую деятельность извне.

Арен косится на меня, ловит мой суровый взгляд, мямлит сеньоре явно что-то невразумительное.

Я перевожу взгляд на свою клиентку. Хотя заказ я оформила без задержек, то, что я кошусь в сторону, ей не нравится. Я бы тоже чувствовала пренебрежение и была недовольна.

Я подаюсь вперёд:

— Синьорина, от имени модного дома я была бы рада в дополнение к вашему заказу презентовать вам ещё одну пудру. Скажу по секрету, мы ожидаем появление ещё нескольких оттенков в линейке.

— О-о-о?

— Если вы подождёте пару минут, я оформлю вам подарок, — я подмигиваю.

Синьорина с восторгом кивает. И я оставляю её держать оборону, а сама поднимаюсь и быстро подхожу к Арену.

— Я заплачу тройную цену.

Арен нервно оглядывается.

Вовремя я. Уверена, если бы не я сейчас, Арен бы поддался.

— Добрый день, сеньора, — здороваюсь я.

— Иветья, у сеньоры завтра дочь выходит замуж. Нет времени ждать доставки, сеньора просит продать. Сеньора готова заплатить тройную цену. Мы... можем?

Конечно, нет! На мамочку счастливой невесты облачённая едва ли не траур сеньора похожа меньше всего.

— Свадьба? — уточняю я

— Да!

— Модный дом работает исключительно по предзаказу, мы не продаём. Но в честь знакового события я лично возьму доставку на контроль. Завтра утром набор косметики будет у вас.

— Но какая вам разница?!

— Сожалею, сеньора, но продажа готовой косметики невозможна.

— Но сеньор сказал...

— Я лишь сказал, что уточню, — возражает Арен.

Сеньора бросает бланк на прилавок, забирает купюры и, не утруждаясь вежливым прощанием, уходит.

— Что это было? — удивлённо спрашивает Арен. — А как же свадьба её дочери?

— Какая свадьба? Чиновница из мэрии. У нас нет торговой лицензии, и если бы ты согласился продать готовый продукт, нас бы... закрыли.

Или по-крупному оштрафовали. Лично мне ни один вариант не нравится.

Арен сглатывает.

Я же возвращаюсь к своей клиентке, изображаю лучезарную улыбку и заверяю, что презент от модного дома непременно будет. Счастливая синьорина радостно благодарит.

— Почему так долго?! — возмущается следующая в очереди.

— Сожалею. Нам пришлось уточнить некоторые нюансы, и это потребовало времени. Вы уже выбрали, что бы хотели приобрести?

Толпа редет, когда на улице начинает смеркаться. Дело не только в заказах. Многие девушки пожелали стать посланницами красоты, и я сперва провожу для них открытую лекцию, а затем приглашаю на закрытую учёбу. Девушек, которых влечёт доступ к косметике или членство в моём модном клубе я поручаю Ользе и Ланли, а сама концентрируюсь на прагматичных особах, успевших осознать главное — вместе со мной, оставаясь в жёстких рамках правил сотрудничества, можно разбогатеть. Я в красивых формулировках, но при этом откровенно объясняю, что “самое вкусное” это не работа с заказами, а процент с продаж, сделанных подопечными посланницами. И в Старом Му ловить нечего, здесь уже мы с девочками потоптались. Гораздо выгоднее прикарманить свежий город, в том числе и столицу.

Я решаюсь на сомнительную демонстрацию. Я показываю мешки с деньгами.

— Синьорины, немного усердия и упорства, и вы сможете заработать ещё больше, — между прочим, я говорю правду. По опыту компаний, работающих методом личных продаж через консультантов, те, кто стоят у истоков, снимают самые жирные сливки.

— Да!

— Да-да!

Воодушевлённые, синьорины явно готовы хоть сейчас идти на захват столицы.

Чего я и добивалась.

Вечером я падаю в постель без сил и буквально отключаюсь. В затопившем меня непроглядном мраке сна нет ни видений, ни смутных теней. Когда я с трудом открываю глаза, я чувствую себя вымотанной, хотя солнце уже высоко. Зевнув, я даю себе время просто поваляться под одеялом, наслаждаюсь поздним утром и запахом сдобы, идущим из гостиной. Хм?

Заинтересовавшись, я встаю, накидываю домашнее серое платье и выглядываю.

— Иветта? Доброе утро! Мы тебя уже больше часа ждём. Знаешь, у нас некоторые проблемы, — а тон беззаботный.

За столиком, сидя на подоконнике, расположились Ольза и Ланли. Девочки завтракают. Отдельно стоит моя порция. В трактире купили или из дома принесли? Без разницы...

Я плюхаюсь в кресло, подхватываю тост с ветчиной, сыром, овощами и, как вишенка на торте, жареным яйцом сверху, впиваюсь зубами. Желток растекается по бутерброду, пачкает губы, щёки. Я только сейчас вдруг понимаю, что зверски голодна.

— Я отправила посланниц красоты разносить заказы. Ведьмы, которых мы вчера наняли, уже работают, но скоро у них закончится сырьё.

— Ум-ум.

После еды я снова чувствую себя человеком, но даю себе зарок, что вечером непременно лягу раньше. А пока...

— Ещё тебя Ларс ждёт, — заявляет Ольза.

— Ларс? Меня? — он же должен быть с ней. При чём тут я?

— Потому что я его попросила.

— В смысле? — теперь я понимаю ещё меньше.

— Иветта, я не знаю, чем ты думала, когда вчера трясла мешками с деньгами, но это была скверная идея. Ночью в дом пытались проникнуть, и если бы не Ларс... Он проводит тебя в банк.

— Спасибо, — киваю я.

Я умалчиваю, что всю ночь деньги для меня охранял ещё и Сквозя, проспонсированный орешками и вооружённый артефактами,

прихваченными у Ирвина. Попугаю в плане охраны я доверяю безоговорочно.

Поев, я подхватываю саквояж и набрасываю на плечи палантин, специально, чтобы выглядеть бледной молью и не привлекать ненужного внимания.

— Выглядишь ужасно, — хмыкает Ланли.

— Девочки, я в банк. Ольза, дай мне твой счёт и скажи сколько перевести, чтобы Арен рассчитался за долги в казино. После банка поеду за маслами, воском... Ольза, на тебе общий контроль и работа с нашими посланницами. Ланли, от тебя жду предложения, как развивать цветовую палитру декоративной косметики и черновик следующего меню красоты. Так, всё. Я побежала, вернусь к вечеру. И... не скучайте, работайте!

Я заглядываю в соседнюю комнату, ту, где я оставила деньги.

— Ларс?! — вскрикивает Ольза.

Ларс сидит на полу, забившись в угол, а на мешках, как царь горы, восседает Сквозя, одной лапой придерживая направленный на Ларса боевой жезл.

— Кто он? Он выскочка! — сообщает Сквозя и тут же ябедничает. — Он покушался на мои орешки.

Ларс осторожно, видно, всерьёз боясь спровоцировать, поднимается по стенке:

— Синьорина, это же чудовище сеньора Мэгга. Откуда он у вас?

Я пожимаю плечами:

— Вы же слышали, сеньор Ларс, Сквозя за орешки продался. Спасибо большое за помощь. Если бы не вы...

Я протягиваю руку, и Сквозя с готовностью перебирается мне на плечо. Качнув головой, Ларс под пристальным взглядом Сквози берёт мешки. На улице мы садимся в наёмный экипаж, а Сквозя улетаёт.

Начало дня удачное. Я довольно быстро разбираюсь с делами в банке, ещё раз благодарю Ларса за помощь, и мы прощаемся. Ларс, уверившись, что больше его помощь не требуется, уезжает. Я машу ему вслед. С закупкой сырья я действительно справлюсь, но... Я вдруг очень остро ощущаю, что осталась совершенно одна. Я крепче перехватываю ручку саквояжа и кутаюсь в палантин. Да что на меня нашло? В образе серой мыши меня никто не узнаёт, нет причин для

беспокойства, но, пожалуй, имеет смысл купить себе в аптеке настойку валерианы.

Как и собиралась, после банка я отправляюсь на рынок.

Большую часть времени я брала открытые коляски, и всё было в порядке. В этот раз я тоже села в открытую. Уже не из экономии, просто коляска стояла в ожидании клиента, а свободных закрытых экипажей поблизости не было. Коляска выворачивает к рыночной площади. Я, не обращая внимания ни на что вокруг, подсчитываю на телефоне, сколько и чего купить.

— Стойте! — раздаётся крик.

Кто-то с тротуара бросается едва ли не под копыта лошади. Извозчик натягивает повод. От резкого торможения я лечу вперёд, упираюсь ладонями в сиденье напротив.

— Эй! — я вскидываю голову.

— Лейсан! — перегнувшись через бортик, меня за руку хватает Фирс. — Глазам не верю! Попалась, дорогая супруга.

Глава 36

Когда-то мне попадалось видео, в котором лысый крепыш с квадратной челюстью, представившийся бывшим спецназовцем, показывал приёмы самообороны. Не помню, досмотрела ли я ролик до конца. Тогда к советам крепыша я отнеслась скептически, потому что мало знать, как вырваться из захвата, физическая сила тоже нужна, а тело мне досталось слабое.

Пользуясь преимуществом высоты, Фирс всё ещё на мостовой, тянется ко мне через бортик, я пытаюсь вывернуть запястье из его хватки и даже свободной рукой, как показывали в ролике, пытаюсь оттянуть его большой палец. Хах, лапы у него, что железные тиски.

— Мне больно, — жёстко произношу я.

Страха как такового нет. Мы на улице большого города, в нашу сторону уже поглядывает усатый страж, притоптывает. Думаю, даже звать не придётся. Достаточно дёрнуться посильнее, и страж вмешается.

— Выкрутасы устраивать не надо было, тогда и больно не было бы.

Из категории “урод” Фирс для меня переходит в категорию “урод конченный, безнадежный”.

— Свадьбы не будет, так что отпусти по-хорошему.

Фирс сильнее стискивает моё запястье.

— Свадьба будет прямо сейчас. Эй, ты! — это уже извозчику. —
Гони в храм Нексин Всеблагой.

— Нет! — повышаю я голос.

Вырваться я не могу, а вот дёрнуть рукой вниз — запросто. Фирс ударяется о бортик, коротко вскрикивает. Но не отпускает. Наоборот, он начинает обходить коляску, чтобы подняться ко мне.

Кажется, пора звать на помощь...

— Сеньор, синьорина, что у вас происходит?

Да!

Как я и думала, страж вмешался.

— Этот человек..., — начинаю я.

— Вот, уважаемый хранитель порядка, — перебивает меня Фирс. Преображение мгновенное, будто пультом щёлкнули, и вместо перекошенной злобой рожи появляется спокойно-доброжелательное выражение лица.

Фирс не отпускает меня, достаёт из-под полы пиджака документы и протягивает стражу.

Он их с собой таскает?

Пугаться рано...

— Поясните, сеньор, — требует страж.

Фирс, не я? Впрочем, высказываться второй даже лучше, ведь я буду знать, что опровергать.

— Синьорина моя невеста. Разрешение на брак официально подтверждено как её тётушкой, под опекой которой Лейсан проживает после ухода её родителей, так и моим отцом, главой общины. Одобрение служителей Нексин Всеблагой также дано. Документы в полном порядке, пожалуйста, убедитесь. Лейсан сбежала из дома, чем нас всех очень напугала. Я нашёл её, однако Лейсан упирается. Лей, я понимаю, что всё слишком быстро происходит, но ты уже не ребёнок, ты должна понимать, какую боль причиняешь тёте. А если у неё сердце не выдержит, каково тебе будет?! Сеньора Таэна настаивает на браке именно потому что в последнее время она плохо себя чувствует.

Страж, надо отдать ему должное, очень внимательно читает каждый документ, и только после этого поворачивается ко мне:

— Лейсан Далис?

Я приняла второе имя, но первое сохранила, поэтому сказать, что я не Лейсан, я не могу.

Зато я могу нанести удар в самую больную точку:

— Я сбежала, потому что тётушка желает мне блага. Она дала согласие, не зная, что сын уважаемого главы общины заядлый картёжник, просаживающий деньги в казино. Я приехала в Старый Му за доказательствами. Но я готова разойтись миром, — предлагаю я Фирсу.

Рынок отменяется, еду к Ирвину просить помочь мне нанять телохранителя.

— Лейсан Далис, — страж достаёт пинцет, щёлкает перед моим лицом и сажает вспыхнувшую искорку на отполированную поверхность футляра пинцета.

Оттиски ауры на документе и на футляре, естественно, не совпадают, на новом оттиске проступает чёрный налёт.

— Сеньор Грушич, у вас проблемы, — констатирует страж. — Ваша невеста пыталась покинуть не только семью, но и Нексин Всеблагую. На ауре явный след благословения другой богини.

Что он несёт?!

— Лей?! — праведному возмущению Фирса нет границ.

— Послушайте! — этот цирк мне надоел.

— Синьорина, вы дитя последователей Нексин Всеблагой. Требования вашего жениха абсолютно законны.

— Я отказываюсь.

Что происходит?!

— Сеньор, я слышал, вы намерены отправиться в храм?

— Да, уважаемый хранитель порядка.

— Я сопровожу вас.

— Что?!

Фирс поднимается в коляску с левого борта, страж — с правого. И он тоже крепко берёт меня за руку, сжимает запястье. Меня силой усаживают на сиденье, стискивают с боков.

Извозчик оборачивается:

— Сеньор, вы будете должны оплатить поездку синьорины.

— Разумеется, — обещает Фирс.

Извозчик трогает.

Орать бесполезно — страж встал на сторону Фирса. Вырваться тоже бесполезно — против двух мужчин я бессильна. Если честно, я подозреваю, что страж превышает свои полномочия, но подозревать я могу хоть до посинения, толку-то.

Надо ждать подходящий момент...

Свадьба в моей ситуации не самое отвратительное, хотя позволять Фирсу захватить наследство безумно жалко. Жрец наверняка проведёт ритуал очищения, и я лишусь имени Иветта, я стану полностью зависима от Фирса.

Я затихаю.

Каковы шансы, что на улице я увижу Ларса или Ирвина? Не факт, что они смогут мне помочь. В плане... не будут же они ради меня вступать в бой со стражем, верно?

Мне тесно, душно и... страшно. Беспомощность — самое отвратительное чувство. Стараясь не паниковать, я отвлекаю себя размышлениями. Что будет после свадьбы? Не удивлюсь, если страж проводит нас до вокзала и проследит, чтобы мы уехали. Сбежать второй раз мне вряд ли удастся.

Копыта стучат по мостовой, коляска поскрипывает. Я смотрю прямо перед собой, но при этом стараюсь запоминать ориентиры. Храм располагается довольно далеко от центра, территорию окольцовывает живая изгородь, кусты пушистые, но, вроде бы, не колючие, а значит, в теории проломиться можно в любой точке. На практике я бы на это не рассчитывала.

Фирс расплачивается с извозчиком. Он так и не отпускает моей руки, и, стиснутая с двух сторон, я захожу под своды храма. Не брыкаюсь, потому что понимаю, что иначе всё равно за руки, за ноги затащат.

Зал пустует, служителей не видно. Молящихся тоже нет. Это... хорошо? А вот благовониями воняет нещадно.

— А-апчих! — я нарочно поворачиваюсь к Фирсу, и ему достаётся моего чиха по полной программе.

Фирс оскаливается, но тотчас берёт себя в руки.

— А-ап-чи-хи!

Втроём мы приближаемся к алтарю, и — о, чудо! — мужчины не просто ослабляют хватку, они отпускают мои запястья. Сложив ладони в молитвенном жесте, они низко кланяются статуе. Получается, из всех

стражей города меня угораздило нарваться на последователя Нексин?! Ха, это действительно смешная шутка судьбы.

Я себя приветствием не утруждаю, спокойно стою и растираю запястья. Свобода мнимая, стоит мне дёрнуться, меня снова схватят, убежать я не успею, поэтому я делаю то, что могу — тру запястья. На коже уже проступают пятна.

Фирс оглядывается. На шум нашего появления никто так и не вышел.

— Уважаемый хранитель порядка, я поищу служителя? — предлагает Фирс.

Неужели?!

— Да, сеньор, проверьте задние комнаты. А вы, синьорина, не делайте глупостей, — вида намечающихся синяков достаточно, чтобы страж больше не тянул ко мне свои грабасталки.

— Угу.

Я всеми силами стараюсь скрыть охватывающее меня напряжение. Это шанс! Удача всё же улыбнулась мне.

Фирс скрывается за боковой дверью. Подозреваю, у меня пара минут, не больше. Бежать я не пытаюсь, уход Фирса ничего не меняет, по-прежнему от стража мне не сбежать. Я демонстративно отворачиваюсь.

— А-апчихи!

— Муж тебя научит вежливости.

— А-апчихи!

Я не просто так отвернулась. Я призываю телефон.

Глава 37

Страж не замечает, что у меня в руках появился странный предмет. Повезло, что телефон возникает и исчезает без спецэффектов.

Я пользуюсь шансом, но одновременно пытаюсь сообразить, какие у меня ещё есть варианты. Государство признаёт религиозные браки наравне со светскими и, что хуже, в религию государство не вмешивается, разве что человеческие жертвоприношения запрещает, да и то не факт. Лейсан волей то ли родителей, то ли тёти официально является последовательницей Нексин Всеблагой и находится в полной власти жрецов. По идее, если традиции культа позволяют, а традиции культа Нексин Всеблагой по сути весьма тоталитарны, жрец имеет

право сочетать браком пару, независимо от мнения самих брачующихся.

Отречься? Кто бы мне позволил...

Пока я варила волшебную помаду и занималась экспериментами, у меня накопилось шестьдесят семь карат. Одноразовый плащ-невидимка стоит шестьдесят девять. Смешно, правда? Я торопливо листаю каталог. Я задала слишком расплывчатый поисковый запрос, и вышло больше сотни результатов. При криво настроенных фильтрах это катастрофа.

Зелье невидимости? Я кликаю на картинку.

— С-сколько?!

— Синьорина?

— Сколько вы намерены ждать, уважаемый хранитель порядка?
— придумываю я вопрос.

Сотни карат у меня нет, зато у Системы есть целая линейка аналогичных зелий. Выбрать отвод глаз? Пожалуй, единственное, что мне по карману. Но я боюсь, что простого рассеивания внимания окажется недостаточно, вряд ли оно сработает, когда искать меня будут целенаправленно. По крайней мере описание на это намекает. Да и потом, я помню, какой космический фейерверк сопровождал доставку кисточки. Вряд ли с зельем будет иначе. Успею я выпить? Скорее страж отберёт.

Безысходность?

Я повторно запускаю поиск, но теперь ставлю галку в чекбоксе “только услуги”. Ну-ка...

“Высшие чары сокрытия. На заданное время сделают владельца носителя абсолютно невидимым, защищают от любых поисковых методов кроме магии уровня астральных демонов и выше. Применимы только в к владельцу носителя”.

Так... Носитель — это телефон, а владелец — я. Мне и надо для себя, так что подходит. Про астральных демонов звучит грозно. Вероятно, мне бы подошли чары попроще и подешевле, но нет времени искать. А если во время ритуала меня свяжут? Никакая невидимость не поможет. Значит, работаю с тем, что есть.

“Тарификация: двадцать один карат в минуту”. Я делю в уме и получаю, что у меня полные три минуты. И крошечный хвостик.

Раздаются шаги.

— Вот, — узнаю я голос Фирса.

— Ох, невеста ещё невоспитаннее, чем ты говорил, — вздыхает служитель.

Ну да, лицом-то я не повернулась, не поздоровалась.

Я резко оборачиваюсь, одновременно руку завожу назад, чтобы скрыть телефон.

Страж напрягается, но не хватает, видит, что я стою на месте.

Я широко улыбаюсь, скорее оскаливаюсь:

— Я, Лейсан Далис, отметившая своё совершеннолетие, отрекаюсь от Нексин Всеблагой! — пустое заявление, но одновременно я кликаю по экрану.

— А?!

Есть! Судя по растерянности всех троих, чары сработали как надо. У Фирса глаза округляются. Жрец, похоже, просто не знает, как реагировать. Может, он поможет мне и заявит, что за плохое поведение Нексин меня уничтожила? Служитель молчит, только рот по-рыбьи разевает.

Страж крутит головой, меньше всех растерялся.

На оценку ситуации уходят доли секунды, я бросаюсь прочь.

Прыгнуть бы в окно, здесь невысоко, но буду открывать — привлеку внимание. Дверь тоже закрыта, но с ней сладить проще.

Я бегу.

— Слышите?!

Страж бросается следом. Профи, чтоб его!

Я выскакиваю из храма. Я честно пыталась считать секунды, но сбилась. Потратила приблизительно минуту. Ещё одну трачу на преодоление территории. Я не решаюсь ломиться через кусты, выбегаю в ворота.

Мне бы в какой-нибудь проулок — оторваться, скрыться и уехать на закрытом экипаже. Как назло ничего подходящего. Взять обычную коляску? Страж слишком близко. Увидит меня — прикажет остановить, и извозчик, уверена, подчинится.

Я бегу на проспект.

— Держи её!

Караты кончились? Так быстро?!

— Ведьма!

Сквозя! На плече у кучера.

На проспекте притормозил знакомый экипаж. Вензели не оставляют сомнений. Медленно, но экипаж едет. Я вскакиваю на подножку, дёргаю дверцу и вваливаюсь внутрь, растягиваюсь на полу.

— Синьорина?!

В салоне Ирвин один.

— Меня нет, Ирвин, тебе показалось, — кажется, забывшись, я по-простецки обращаюсь на “ты”.

Не вставая, я закатываюсь под сиденье, ловлю за кисточку накидку и тяну на себя, чтобы прикрыться.

— Синьорина!

Экипаж кренится, встаёт.

— Что вы...?! — возмущение кучера слышно и через стенки.

Судя по звуку дверца снова распахивается.

— Сеньор Мэгг? — не то спрашивает, не то здоровается страж.

Я замираю, боясь лишней раз вздохнуть, хотя сердце с непривычки колотится где-то в горле, и мне остро не хватает воздуха.

Если Ирвин меня сдаст... это конец.

Ирвин, спаси! Я тебя за это даже поцелую. Не дарить же в знак признательности помаду.

— Стража? Вы действительно остановили меня? Смело.

Не понятно, Ирвин на моей стороне или зол на стражника за вторжение? И снова это поганое ощущение беспомощности, когда от тебя ничего не зависит.

— Сеньор Мэгг, прошу прощения. Я здесь, чтобы защитить вас от беглянки. Я ясно видел, как она ворвалась.

Ха! Беглянка... Не поленюсь, найму адвоката и подам в суд. Мне нравится, как страж аккуратно выбирает слова. Ловить он может преступников или, на худой конец, подозреваемых. Тащить меня в храм он не имел никакого права.

— Мой покой нарушаете только вы, страж. И вы меня задерживаете.

— Сеньор Ирвин, я сожалею, однако беглянка...

— Подол! — это уже голос Фирса. — Она под сиденьем!

Конец...

— Сеньоры, — голос Ирвина звучит ещё холоднее, — у вас есть судебное постановление на задержание синьорины?

Страж молчит.

— Она моя невеста, и я требую..., — а Фирсу не хватает ума промолчать.

— Это тут ни при чём! — вскидывается страж. — Девушка одна в чужом городе, без документов. Синьорина нуждается в помощи.

— Покиньте. Мой. Экипаж.

Страх не улетучивается полностью, но отступает. Пока Ирвин рядом, мне нечего бояться. Я осмелеваю настолько, что сдвигаю накидку, чтобы видеть происходящее. Не вылезая по одной единственной причине — много чести позволить Фирсу лицезреть, как я ползком выкарабкиваюсь из щели.

Женишок всё никак не уймётся:

— Но Лейсан...

Наверное, осознание, что вот они, денежки, только руку протяни и до храма дотащи, перевешивает здравый смысл. Ничем иным я не могу объяснить, что он пытается ухватить меня за лодыжку.

— Кра! — Сквозя, мой герой, обрушивается сверху, когтями вцепляется в волосы, бьёт клювом прицельно по темечку.

Ирвин оказался на проспекте подозрительно вовремя. Вспомнить, что, куда и как ехать, кучеру командовал Сквозя, вывод напрашивается сам собой. Сквозя за мной приглядывал, и в нужный момент позвал Ирвина на помощь. С меня мешок кешью.

Фирс упрямо тянется. Ирвин без затей вытягивает ногу и наступает Фирсу на ладонь. Не настолько сильно, чтобы раздавить или сломать кости, но ощутимо. Фирс с воем пытается вырваться, зовёт на помощь стража, но тот, под шумок, убрался, будто его и не было. Ирвин пинком скидывает Фирса с подножки и захлопывает дверцу.

— Домой! — командует Сквозя снаружи.

Экипаж трогается.

— Спасибо, — так странно благодарить, глядя на собеседника из-под сиденья.

— Вам там удобно, синьорина? — усмехается Ирвин.

Фыркнув, я выбираюсь.

Ирвин подаёт мне руку, помогает сесть. Я устраиваюсь слева от него, у окна. Между нами небольшое, но расстояние. Диванная подушка поместилась бы. Ирвин прищуривается и грациозно-тягуче придвигается настолько близко, что я чувствую себя зажатой в угол. Ирвин ничего не делает, просто смотрит мне в глаза. Я уверена, стоит

мне сказать, он отодвинется и уж точно не будет к чему-либо принуждать.

Я сглатываю и подаюсь вперёд. Каждая уважающая себя принцесса целует спасшего её принца, верно?

Я зажмуриваюсь. Сейчас я коснусь его губ своими.

Ничего не происходит, Ирвин уклонился. Я разочарованно распахиваю глаза. Ирвин ухмыляется:

— Синьорина, оказывается, я многого о вас не знаю. Как же вас зовут на самом деле Иветта-Лейсан? Какие ещё секреты и имена вы скрываете?

Слишком трезвый внимательный взгляд. Промолчать не получится. Но как много я смогу скрыть?

А, к чёрту!

Обхватив Ирвина за шею, чтобы точно не вырвался, я целую.

Глава 38

У него шелковисто-мягкие тёплые губы, и пахнет от Ирвина хвоей. Его ладонь скользит по моей спине между лопаток вдоль позвоночника вниз, и из головы напрочь выветривается, что я всего лишь хотела увильнуть от расспросов. По телу разливается истома. Я глубоко вдыхаю, на миг оторвавшись и открыв глаза. Мы встречаемся взглядами. Ирвин смотрит на меня с откровенным желанием и резко перехватывает инициативу. Я цепляюсь за его плечи, чтобы удержаться в захлёстывающих меня ощущениях.

— Иветта, что ты скрываешь, м-м-м?

Не знаю, восхищена я его самоконтролем или разочарована, что продолжения не будет.

В экипаже не слишком удобно заходить дальше поцелуев...

— Скрываю? Ну..., — я подаюсь вперёд, шепчу, касаясь его уха.
— Ты вкусный, Ирвин.

— Не шали, Иветта.

— Тебе не нравится?

— Скорее, слишком нравится, а экипаж место не подходящее. Иветта, рассказывай. В конце концов, я имею право знать, почему целуюсь с чужой невестой.

— В его мечтах я его невеста!

Я отстраняюсь. Пока мы целовались, я успела забраться Ирвину на колени, и не только забраться, но и поёрзать в удовольствие.

Спрыгнуть и отсусть на сиденье напротив легко. Я скрещиваю руки на груди, но молчать больше не решаюсь. Да и почему бы не рассказать?

— Оба имени настоящие. Я сирота при неплохом наследстве. От родителей мне достался дом, но, главное, антиквариат.

Я не боюсь рассказывать Ирвину про деньги. Во-первых, он богат. Во-вторых, наследство капля в море по сравнению с тем, что стоит мой модный дом.

— Сирота с приданным лакомая добыча для всяких проходимцев.

— Если бы... После ухода родителей я оказалась под опекой своей тётки, женщины... весьма своеобразной. Благо для меня она видит в молчаливом послушании и следовании заветам Нексин Всеблагой. Тётя пожертвовала всё своё имущество храму, а затем принялась распродавать мой антиквариат. Деньги, как вы понимаете, шли в храм. Я думаю, тётя меня любит. Мне жаль, что она глуха к моим словам и слепа в своей приверженности храму. Она решила уйти в монастырь, а перед этим выдать меня замуж за сына главы общины. Мне повезло узнать, что под маской благочестивого молодого человека скрывается азартный игрок. Фирсу нужны мои деньги, а меня он хочет видеть в роли ручной прачки-поломойки. Тётя верит его отцу, а не мне, поэтому я сбежала из дома. Мне нужны были документы, и я подумала, что ведьмы мне помогут. Я приняла второе имя. Но я не уверена, что хочу связывать свою судьбу с Кругом, поэтому оставила первое имя.

— Не похоже, что ваш жених готов отступить.

— Угу. Ирвин, помоги мне нанять телохранителя? Страж ведь не имел права тащить меня в храм, правильно?

— Не имел.

Я выжидающе смотрю. Законность действий стража волнует меня меньше приобретения телохранителя, но как раз самое важное Ирвин проигнорировал словно не услышал.

— Кстати, куда мы едем? Мне нужно в... модный дом, — придётся некоторое время прятаться.

— Вы полагаете, второе имя вас спасёт, Иветта?

— То есть?

— Насколько я понял, у вашего официального жениха есть отпечаток вашей ауры.

— Да.

— Есть способы спрятать ауру, но они строжайше запрещены законом. Если же вы не скроете свою ауру, то велик шанс, что вас найдут. Поисковые чары действуют в ограниченном радиусе, но это вам не поможет.

Чёрт, я не учитывала, вариант с магией.

— Мне срочно нужен телохранитель, — твёрдо повторяю я.

Ирвин отрицательно качает головой и ухмыляется:

— Замуж вам надо, синьорина Лейсан-Иветта.

— О? И за кого же?

На долю мига мне кажется, что Ирвин предлагает себя, но это невозможно. Даже из самых благородных побуждений не будет мужчина брать на себя столь серьёзные обязательства, пусть и фиктивного брака. Для настоящего брака нет никаких предпосылок, не так ли? За Сквозю пойти и стать миссис Попугаиха?

Ирвин заразительно хохочет, запрокинув голову. Неужели моя реакция настолько забавна?

— Не обижайтесь, синьорина.

— У меня есть кандидат. Почему бы мужчине, с которым я провела ночь...

— Кто он?! — Ирвин внезапно становится похож на изголодавшегося готового к прыжку хищника.

Опешив, я просто не знаю, что сказать.

— Ирвин?

— Кто. Он. Ларс?!

Тьфу! Я чуть было не решила, что Ирвин ревнует.

— Нет, не Ларс. Сквозя.

Ирвин широко распахивает глаза и только после паузы спрашивает:

— Что?

— Кто, — любезно поправляю я. — Сеньор Сквозняк.

— Иветта, о чём вы? Какой мужчина...

— Ну, не девушка же он! Ирвин, мне нужен телохранитель.

— Считайте, что я у вас уже есть. Иветта, в Старом Му последователей Нексин не особо уважают, тем не менее члены местной общины занимают два квартала. Вы понимаете, что ваш бывший жених обратится за помощью именно к ним? От толпы телохранитель вас не спасёт.

— И что мне делать?

Бежать из города? Отказаться от первого имени и окончательно стать частью Круга? Мне не нравится ни один из вариантов. Может, и правда ненадолго выйти замуж?

— Иветта, некоторое время вы поживёте у меня... в качестве гостя. Вломиться в мой дом не так легко, как в ваш флигель. И я говорю не только о банальной магической защите. Я боевой маг, и связываться со мной чревато последствиями, в то время как за вас заступиться некому. Иветта, вы согласны?

Чёрт, почему простое предложение помощи снова звучит как брачное предложение?

Ирвин шуруется, видимо, к нему вернулось хорошее настроение.

— Я согласна.

— Вот и прекрасно! — Ирвин подхватывает мою ладонь, склоняется и целует. Меня будто током пронзает, когда он проводит по запястью подушечкой большого пальца.

Это магия, да? Скорее, химия. Страсть, гормоны...

Головокружительному роману быть, и не важно насколько короткими будут наши с Ирвином отношения...

— Ваша проблема в недостатке знаний, Иветта. Ни в коем случае, я не упрекаю, не поймите неправильно. Ваша тётя держала вас домашней затворницей, отгораживала от мира высоким забором, лишала нормального знакомства с жизнью. Удивительно, что вы стали настолько свободомыслящей. Меню красоты идея поистине гениальная. Впрочем, меня поражает не столько сама идея, сколько её блестящее воплощение. Но я отвлекся. Взяв второе имя, вы пошли кружным путём, Иветта. На самом деле всё гораздо проще. Частью общины вы стали, будучи несовершеннолетней.

— И-и-и?

Ну же!

Дразня, Ирвин выдерживает небольшую паузу. Я нетерпеливо ёрзаю на сиденье. Интересно, под угрозой “зацелую насмерть” он будет говорить быстрее?

— Поскольку вы лично не клялись богине, от вашего имени за вас это сделали либо ваши родители, либо ваша тётя, вы можете отречься от Нексин без каких бы то ни было условий.

Правда?!

— Хоть сейчас!

— Увы, прямо сейчас не получится.

— Почему же? — хмурюсь я.

Ирвин закатывает глаза:

— Действительно, почему?

Я пожимаю плечами. Честно говоря, на ум ничего не приходит. Я просто не знала, что так можно, иначе бы не стала связываться с Кругом. Хотя нет, стала бы. Где я ещё магии научусь? Без Круга мой модный дом был бы невозможен. Но почему не пойти в первый попавшийся храм и не попросить очистить мою ауру?

— А как ты себе это представляешь, Иветта? Пойти в первый попавшийся храм и просто заказать очистку ауры, как чистку обуви у уличного мальчишки?

Эм... Занятное сравнение. Ирвин словно мысли подслушал, про первый попавшийся и вовсе слово в слово повторил. Может, он менталист? В романе ничего подобного не было, но и опровержения тоже не было.

— Так и представляю, — соглашаюсь я и пару раз нарочито жалобно моргаю.

— Есть разница между очищением и заменой. Ты ведь в Круге могла избавиться от влияния Нексин Всеблагодой, если бы полностью приняла новое имя. В других храмах то же самое. Выбирай, хочешь подчиняться Пейлу Каменному или Шутнику Свергу. Может быть, Медовой Льязе?

Тьфу! Могла бы и догадаться.

— И что делать?

— Ждать. Насколько я знаю, в Старом Му нет жрецов, которые могли бы провести именно очищение. Я, конечно, поспрашиваю, но настраивайся, что ожидание может затянуться на несколько дней. Я приглашу жреца из столицы.

Разве не слишком?

— Спасибо.

— Не радуйся раньше времени, ведь теперь ты моя... пленница.

Я лишь усмехаюсь, подбираюсь ближе. Ирвин со смехом подхватывает меня на руки, целует. Я с удовольствием пробираюсь пальцами ему под воротник, а заодно пытаюсь избавиться от пуговиц. Мы целуемся всю обратную дорогу до того самозабвенно и увлечённо,

что не замечаем, как экипаж останавливается. Возможно, Ирвин и заметил, но не посчитал нужным реагировать. Для меня дверца распахивается очень неожиданно. Я замираю, прижавшись лбом к плечу Ирвина. Я представляю, как я выгляжу со стороны: раскрасневшаяся, встрёпанная, с шалыми глазами и припухшими от долгих поцелуев губами. Ещё и одежда не в порядке.

Не удивлюсь, если вскоре начнут рассказывать, что извозчик застал в экипаже оргию. Извозчик бледнеет и спешно отворачивается.

Зато Сквозя смотрит на нас с интересом и вывод делает поразительный:

— Не волнуйся, друг, я присмотрю за твоими с ведьмой цыплятами.

— Эй! — возмущаюсь я.

Но Сквозя удирает на крыльях. На подножку кареты оседает крошечное ярко-синее пёрышко.

— Сеньор, неужели вас можно поздравить?! — подаёт голос извозчик.

Ирвин, гад такой, лишь загадочно щурится. И вместо того, чтобы галантно подать мне руку, снова подхватывает и несёт в дом как принцессу. Или как невесту. Он переносит меня через порог и опускает на пол лишь в гостиной.

— Иветта, сейчас я представлю тебе слуг, а после я буду вынужден отлучиться на некоторое время по делам. Ты говорила, что тебе нужно что-то закупить для модного дома, да?

Безопасность важнее, поэтому:

— Достаточно передать привет девочкам.

— Кай, — повышает голос Ирвин, и в гостиную выходит лысый амбал.

— Сеньор.

— Иветта, позволь тебе представить Кая, моего личного помощника и секретаря. Кай лучший и, уверен, блестяще выполнит твоё самое каверзное задание. Не стесняйся распоряжаться. Кай, собери всех слуг.

— Слушаюсь, сеньор, синьорина.

А ведь сперва меня игнорировал...

Амбал склоняется с неожиданной для его габаритов лёгкостью и грацией, а вот выпрямляется и уходит с видимой неуклюжестью.

— У меня действительно дела, — пока я отвлеклась на амбала, Ирвин добрался до моего уха.

Я ни за что не признаюсь, что интимный шёпот напоминает мне воркование Сквози. Какой кавалер обрадуется, что уступает попугаю?

— Угу. Возвращайся скорее, — хмыкаю я. — Жду не дождусь.

— Ты уже заранее скучаешь, Иветта? — воодушевляется Ирвин.

— Нет.

— Врёшь, ведьма.

— Пфф!

Внутренние двери снова открываются, и в гостиную входят... слуги? Одежда намекает именно на это, особенно у двух девушек в одинаковых платьях приятного песочного оттенка. Поверх накинуты парадные передники. Ну не может быть рабочим идеально чистый передник с оборками, воланами и кружевами.

Ирвин берёт меня за руку и подводит ближе:

— Иветта, позволь представить тебе. Моя глубоко уважаемая и обожаемая экономка сеньора Флайсти. Заботами сеньоры в доме порядок, а в сырники, которые сеньора готовит лишь по праздникам, невозможно не влюбиться. С моим помощником Каем ты уже знакома. Как я говорил, нет проблемы, которую Кай не мог бы решить. Тётушка Франжес хозяйка кухни, от тётушки ещё никто не уходил голодным. Трей поддерживает порядок в доме, а Глайса и Шетти не пропускают ни одной пылинки.

Ирвин представляет слуг скорее как членов семьи, чем как подчинённых. Домашняя атмосфера расслабляет, но я не даю сбить себя с мысли. К Ирвину у меня появился один интересный вопрос, но задам я его чуть позже, а пока Ирвин с намёком подталкивает меня в спину.

— Добрый день, — улыбаюсь я. — Я рада знакомству. С первого взгляда очевидно, что дом в надёжных руках

— Иветта, вы можете распоряжаться по своему усмотрению, — Ирвин говорит это, обращаясь ко мне, но слова явно предназначены слугам.

Поклонившись, те также чинно расходятся.

— Начинай скучать. Обещаю не задерживаться, — Ирвин делает шаг от меня.

— Стоять! — я хватаю его за запястье. — Стоять, дорогой.

— Иветта?

— Сначала Сквозя сообщает всем, что скоро у нас будут цыплята, а теперь ты представляешь меня не как гостью, а как жену. Я требую объяснений, знаешь ли.

Ирвин заливается смехом, а, отсмеявшись, склоняется ко мне:

— Иветта, не надо требовать объяснений. Когда я вернусь, требуй демонстрацию.

Он легко высвобождается из моего захвата и сбегает.

Я вздыхаю.

Если Ирвин думает, что я не потребую, то напрасно. Потребую и ещё как.

— Синьорина Иветта.

В задумчивости я не замечаю, как в гостиную возвращается экономка.

— Да?

— Позвольте предложить вам комнату? — сеньора уютно улыбается и смотрит на меня с каким-то непонятным умилением, как бабушка на внучку, съевшую пирожок и попросившую добавки.

— Спасибо, но сперва мне нужно рабочее место. Стол в библиотеке вполне подойдёт, — не в коридоре же мне объяснять Каю, что я от него хочу. Раз Ирвин разрешил, больше того, настойчиво советовал, я приму помощь. К тому же я чувствую, что я в этом доме надолго, безотносительно Фирса.

Пожалуй, можно было бы и в гостиной остаться...

Я с любопытством разглядываю коридор. Стены закрыты деревянными панелями. По обеим сторонам висят пейзажи. Пол скрыт ковровой дорожкой.

Неожиданно, но меня допускают в святая святых — в рабочий кабинет Ирвина. Или, что вероятнее, у него их два, один, где он действительно работает, а другой, “фасадный”, где принимает посетителей. Да, наверное меня привели во второй, на это намекает интерьер, не слишком удобный в угоду роскоши и представительности.

Я с удовольствием откидываюсь на высокую резную спинку кресла и останавливаю взгляд на бронзовой фигурке льва, украшающей пустую столешницу.

— Синьорина Иветта, чем я могу быть вам полезен? — Кай вновь отвешивает мне поклон.

Я нахожу в ящике чистую бумагу и писчие принадлежности.

— Нужно передать записку Ользе из модного дома, а затем закупить сырьё и организовать доставку.

Кай спокойно дожидается, пока я закончу писать, конверт с запиской сразу убирает во внутренний карман, а мои инструкции внимательно прочитывает с непроницаемым выражением лица.

— Будет исполнено, синьорина, — ни одного вопроса. Убедившись, что других указаний не будет, Кай уходит, а в открытую дверь влетает Сквозя.

Попугай устраивается у меня на плече, нежно кусает за ухо...

— Дружище, ты зачем весь дом переполошил?

— Кар?

— Птенцов придумал.

— Птенцы будут, — отмахивается он крылом и чиркает кончиками перьев по моей щеке. — Хорошие птенцы. Орешки?

Сквозя развлекает меня до вечера, великодушно простив отсутствие кулёчка с жареным кешью. Как-то незаметно мы так и остались в кабинете. Сквозя воркует и топчется у меня по плечам. Я же, вполуха слушая его, решила внезапно появившееся свободное время потратить на магию. Нет, никаких заклинаний, чар и прочего — ничего хоть каплю потенциально опасного. Я не хочу случайно разнести кабинет, а то и дом. Я принялась выполнять простейшее упражнение: стягивать энергию из окружающего мира, пропускать через себя и выпускать обратно. Во-первых, упражнение поможет нарастить объём силы, с которой я способна работать. Во-вторых, я улучшу контроль. А главное — я заработаю караты. Сперва я весьма равнодушно отнеслась к Системе, но теперь, когда я только благодаря ей спаслась из храма, я пересмотрела свои взгляды.

Кай и Ирвин возвращаются почти одновременно. Ирвин заходит, когда Кай заканчивает короткий отчёт, который и вовсе можно уложить в два слова — всё сделано.

Перед уходом Кай опускает на столешницу конверт:

— Официальное приглашение на праздник в мэрии для основательниц модного дома Иветья.

— Спасибо.

Ирвин обходит стол, опирается одной рукой на спинку кресла, другой — на столешницу, нависает надо мной:

— Соскучилась?

— Соскучилась по ужину. Я, знаешь ли, обед пропустила.

Ирвин притворно обижается:

— А как же я?

— Ты после ужина, на десерт.

Глава 39

Утро начинается со скандала.

Меня будит доносящийся с улицы гвалт. Когда сеньоры и синьорины штурмовали модный дом и то тише было. Я приподнимаю голову и разочарованно хлопаю по смятой подушке слева. Тепло выветрилось, значит Ирвин встал давно. Не скажу, что я мечтала непременно проснуться вместе, да и очевидно, что Ирвин ушёл разбираться с толпой, но вопреки здравому смыслу на языке чувствуется привкус брошенности.

— Я же говорил Я умный.

— Доброе утро, Сквозя. Что ты говорил?

— Что скоро птенцы будут. А там — дураки!

Ну да, птенцы... О предохранении я не то чтобы не подумала, просто чувствую себя вполне здоровой, а с модным домом о финансах я могу не беспокоиться. И лучших целителей себе приглашу, и няню птенцам найму, чтобы помогала. Независимо от Ирвина.

Потянувшись, я ощущаю в теле приятную ломоту — напоминание о сладкой бурной ночи.

Дальше игнорировать набирающий обороты скандал как-то неправильно. Я ненадолго уединяюсь в уборной. Когда я возвращаюсь, Сквозя топчется по лавандового цвета юбке. А, нет, по платью. Я прищуриваюсь:

— Не моё.

То ли радоваться заботе, то ли задаваться вопросом, откуда в доме запас женских нарядов. Ирвин часто приводит?

— Гроза дома заказала, — поясняет Сквозя.

— Экономка?

— Кар-р.

Приятно...

Одевшись, я собираю волосы в высокий хвост, подкалываю концы, чтобы не болтались и спускаюсь в гостиную.

Вот так сюрприз... Толпа собралась перед входом, а передовая группа и вовсе вторглась в холл, где их и остановили Ирвин, Кай и лакей, чьё имя я ещё не запомнила.

— Ё-о-опрст, — выдыхаю я. Знакомые лица.

Впереди давешний страж, надут и преисполнен собственной важности. За его плечом держится жрец. Опознаю исключительно по белым одеждам. Замыкающим в тройке Бирон Грушич. Сынуля дёрнул? Фирс здесь же, но держится от старших на небольшом расстоянии. Видимо, уважение изображает. В его объятиях рыдает драгоценная тётушка.

— Синьорина Иветта, разрешите подавать завтрак? — экономка подкралась незаметно.

— Ирвин...

— Сеньор справится.

Как же хочется пойти и без затей угостить Фирса вазой. Авось, в мозгах просветление наступит.

— Сеньор Мэгг, я повторяю в последний раз. Освободите девушку, или я вызываю подкрепление.

— Дорогая, ты проснулась? Доброе утро.

— Доброе утро. А что здесь происходит?

Ирвин знаком показывает остановиться.

— Лейсан! — экзальтированно вскрикивает тётушка, бросается ко мне, но Кай заступает ей дорогу. — Лейсан!

Тётушка вновь повисает в объятиях Фирса.

— Ирвин, кажется, тётушке плохо. Мы можем пригласить к ней целителя?

— Дорогая, не волнуйся. За целителем уже послали.

— Лейсан, — вступает Бирон. — Немедленно иди сюда.

— С какой стати? — может, мне стоило вообще его игнорировать?

Я скрещиваю руки на груди и всем своим видом показываю, что идти никуда не собираюсь. Ещё не хватало!

Как же я благодарна Ирвину, что он взял меня под крыло и убедил не возвращаться во флигель.

— Уважаемый хранитель порядка, — в обращении Ирвина нет ни капли уважения, лишь бесконечная насмешка, — как видите,

синьорина пребывает в моём доме добровольно и может покинуть его в любой момент. Однако не хочет.

— Синьорина Лейсан дочь общины, — отрезает молчавший до этого жрец.

— И? — усмехается Ирвин.

— Как служитель Нексин Всеблагой, я имею право забрать синьорину.

— Имеете, — легко соглашается Ирвин.

Что?!

Пора спасаться бегством?

— Тогда, — жрец жестом показывает Бирону пойти и забрать меня, но Кай моментально делает один великанский шаг и заступает дорогу.

— В общем и целом вы действительно имеете полное право забрать синьорину, однако этот дом общине не принадлежит, и пройти дальше я вам... запрещаю. Дорогая, если ты хочешь отправиться с этими людьми, пожалуйста.

— Обойдусь.

— Уважаемый хранитель порядка, пожалуйста, вспомните, что синьорина дочь общины, а не преступница. Забирать синьорину силой вы не имеете права, синьорина совершеннолетняя.

Тётушка, притихшая было на плече Фирса, бессвязно вскрикивает, театрально хватается за сердце и оседает на пол.

— А-а-а-а, — истошно стонет она. — Лейсан, я так заботилась о тебе. За что ты меня убиваешь? А-а-а... Лейсан, ты хочешь, чтобы я умерла? Сердце...

Ей действительно плохо? Накрутила себя, давление подпрыгнуло — легко могу поверить. К горлу подкатывает тошнота. Я так и не научилась равнодушно встречать эмоциональный шантаж. Хотя я твёрдо знаю, что если человек не хочет тебя отпускать, вырваться можно только с мясом и кровью, внутри всё равно свербит — сидела бы тихо, слушалась бы, и тётя была бы в порядке. Это из-за меня...

— Положите сеньору на диван, — распоряжается Ирвин.

— Лейсан, умоляю тебя, пойдём.

— Куда, тётушка? — я подхожу ближе, но предусмотрительно сохраняю дистанцию. Схватить себя я не позволю.

— Домой.

Она смотрит на меня с надеждой, продолжает держаться за грудь, но, надо же, уже готова встать

— А потом?

— В храм пойдём. Вместе примем наказание и будем учиться смирению.

У-у-у...

— Тётушка, я не хочу с тобой ссориться.

Любила ли эту женщину настоящая Лейсан? Родственников не выбирают, и я люблю своих родителей и брата со всеми их недостатками. Ради них я попытаюсь наладить мосты. Но я никому не позволю ломать свою жизнь.

— Пойдём, Лейсан.

— Тётя, ты следуешь заветам Нексин Всеблагой, это твоя вера. Я повзрослела, и моя вера моё дело. Я отрекаюсь от Нексин Всеблагой.

— Лейсан! — восклицают тётя и Бирон напару.

Жрец замахивается, но я слишком далеко от него стою, не ударит.

— Сердце! Умира-а-а-ю.

Что же, я пыталась.

Как же тошно...

— Ни капли совести? Посмотри, что ты делаешь с той, кто заменила тебе мать, кто заботилась о тебе, ночей не спала!

Что она со мной делает? Спускает моё наследство в кошельки жрецов, выдаёт замуж за картёжника.

На глаза наворачиваются слёзы, но я твёрдо стою на своём. В груди зарождается и поднимается волна злости. Ненавижу эмоциональный шантаж. В исполнении близких это особенно подло. Я отворачиваюсь. Случайно получается, что я смотрю в окно, а в этот момент через толпу к дому пробирается Ольза. И, надо же, она не одна, а вместе с братом.

Я начинаю действовать раньше, чем успеваю хорошо подумать.

Метнувшись к окну, я распахиваю обе створки, задираю юбку выше колена и вскарабкиваюсь на подоконник.

— Ива! — вскрикивает Ирвин.

— Лейсан, — тётя вдруг предумала умирать и резво вскочила.

— Держи её! — у Фирса живы воспоминания моего прошлого побега.

Они с Бироном выбегают на крыльцо. Жрец появляется следом за ними.

Прекрасно...

Я обвожу взглядом толпу:

— Вы все последователи Нексин Всеблагой? Бирон Грушич глава общины соседнего города. Думаю, он в представлении не нуждается, вы его все знаете. Скажите, как этот человек может считаться образцом для подражания, когда его сын азартный игрок, завсегдатай казино Старого Му?

— Что?! Замолкни!

— Ой, Фирс, честному человеку нечего бояться. Правда глаза колет? Уважаемые, позвольте представить вам недавнюю жертву Фирса. Арен, тебя не затруднит?

Фирс зачем-то рвётся обратно в дом. Естественно, двери уже закрыты, а сама попытка скрыться красноречивее любых признаний.

— А можно я скажу? — перебивает Ольза. — Он заявился в мой дом, угрожал брату а затем потребовал в счёт долга продать меня в бордель. Он избивал моего брата, пока наконец его не увели стражи.

— Служитель, — обращаюсь я к жрецу, — посмеете заявить, что азартный слизень достойная пара?

— Повоевала и будет, — Иврин аккуратно подхватывает меня под колени, дожидается, пока я крепко обниму его за шею, и бережно опускает на пол.

— Я ещё не начинала!

— А отряд стражи мне мерещится, ага.

Я оборачиваюсь.

Я рассчитывала на эффект, но не на такой! Мне поверили. Фирс сам поспособствовал. Будь он обычным парнем, его бы отправили в храм учиться смирению, но он сын главы общины. Пожалуй, в глазах приверженцев Нексин Бирон совершил куда большее преступление, чем Фирс. Либо недоглядел, не справился с воспитанием, но при этом руководит общиной, либо вовсе знал и покрывал. Ополчились на Бирона.

Достопочтенные сеньоры вытащили из брюк ремни и принялись за воспитание отца и сына. Стража пытается пробиться и прекратить рукоприкладство.

— Тётя, я рада, что вам лучше.

— Это п-правда? Про казино.

— И про казино, и про бордель правда Тётя?!

Она оседает в самый натуральный непритворный обморок.

Глава 40

— Целитель прибыл! — докладывает Кай.

Ирвин лично поднимает тётушку на руки и устраивает на диване. Я топчусь рядом. Только что я, если не сокрушила, то изрядно пошатнула её веру. Я от души надеюсь, что она сможет справиться. Глядя на неё, бледную, едва дышащую, откровенно жалкую, я больше не чувствую былой злости на её фанатизм, обернувшийся против неё же.

За Каем следует едва ли не девочка-подросток. Миниатюрная, невысокая, макушкой достанет мне до груди, а я ведь высоким ростом похвастаться не могу. Жгуче-чёрные волосы вьются и словно живут своей отдельной жизнью, этакие мелкие пружинки-чёртики, скачущие при каждом повороте головы. Сама девушка тоже подвижный живчик.

— Благодарю, сеньора Дэйвис, — Ирвин не только кланяется, но и галантно целует её руку.

Пытается поцеловать. Девочка, не глядя, хлётко шлёпает его по пальцам. Смотрит она на тётю, и взгляд цепкий, внимательный. Ирвин отходит, чтобы не мешать, встаёт рядом со мной и приобнимает за плечи, молча даря свою поддержку.

Осмотр занимает меньше минуты, девочка-целительница окутывает тётю зеленоватым свечением:

— Кто довёл?

— Что с тётушкой?

— Глубокое нервное потрясение. Хм..., — она принимается деловито водить над тётей ладонями. — Жертва серых? Интересно...

Я не совсем понимаю, что она говорит. То есть про серых понятно — последователи Нексин Всеблагой. Но почему жертва?

Ирвин наклоняется и тихо поясняет:

— Сеньора Дэйвис не только целитель, но и менталист.

Сеньора... Значит, эта крошка замужем?

— Сеньора Дейвис, не могли бы вы пояснить?

— Все знают, что жрецы Некин Всеблагой промывают мозги.

— Впервые слышу.

Целительница пожимает плечами.

— Ваша тётя, как я уже сказала, испытала сильное потрясение и на эмоциях частично сама избавилась от морока. Если ничего не сделать, то вскоре она сбежит от ментальной боли в родное серое болото. Сейчас возможно относительно легко счистить морок полностью.

— Я заплачу, сколько бы это ни стоило.

— Вы сможете убедить тётю оставаться в моём пансионате не менее полугода? Как бы пояснить, чтобы вы поняли, сеньора Мэгг... Представьте, что зараза въелась в тело настолько сильно, что снять её можно только вместе с кожей. Я смогу на время стать для вашей тёти ментальной кожей, но для этого мне нужно находиться рядом.

— Не уверена, что смогу убедить...

Сравнение с кожей звучит жутко.

— Решайте, — целительница равнодушно отворачивается.

Зелёное свечение усиливается, приобретает насыщенный изумрудный оттенок, а затем гаснет или, правильнее сказать, впитывается. Тётя медленно открывает глаза, несколько раз моргает, а затем вполне осмысленно оглядывается, замечает меня:

— Лейсан?

— Я здесь, — я подхожу ближе, встаю так, чтобы тётя могла видеть меня, не выворачивая голову.

— А где Бирон?

Надо же именно в этот момент Сквозя решает влезть:

— Пинают на улице.

Тётя судорожно глотает воздух, но сознание больше не теряет. Целительница, шипя сквозь зубы ругательства, добавляет новую порцию зелёного света.

— Это правда? — всхлипывает она, и я нутром чувствую, что она не за Бирона переживает, а снова спрашивает про казино. — Лейсан, что же это получается? Что я наделала?

Я сажусь на край дивана, стискиваю её руку:

— Тётя, тебя обманули. Любого могут подловить в минуту слабости. Ты не виновата, так бывает. Важно, что теперь всё хорошо. А самое важное сейчас позаботиться о твоём здоровье. Сеньора Дейвис прекрасный специалист. Как насчёт того, чтобы довериться лучшей целительнице?

— Да-а-а... Лейсан, ты уже отреклась от богини?

— Нет, тётя. Но я сделаю это, как только придёт жрец.

— Вместе отречёмся.

Даже так? Я рада.

— Жрец скоро придёт.

— Сеньора пациентка, — вмешивается целительница, — отречься вы будете, но тогда, когда я разрешу, а пока извольте отдыхать. Сеньор Мэгг, я не понимаю, почему тётушка вашей супруги до сих пор не доставлена в комнату.

Когда это мы стали супругами? Самое удивительное, что Ирвин, гад такой, ничего не отрицает. Я почему-то тоже.

Ирвин отодвигает Кая и сам поднимает тётю на руки. Она испуганно охает.

— Не бойтесь, не уроню.

— Я тяжёлая, — мямлит тётя и пытается то ли спрятать лицо, то ли извернуться и сползти обратно на диван.

— Вы, сеньора?! — поражается Ирвин. — Пушинка легче.

Пушинкой тётю точно не назвать, но не похоже, что Ирвин испытывает хоть какие-то затруднения. По крайней мере, он торопится, чтобы как можно скорее избавиться от груза, спокойно поднимается по лестнице и на ходу заговаривает тёте зубы, обещая познакомить с сеньором Сквозняком. Целительница последовала за ними, а я остаюсь в холле. На плечо приземляется Сквозья, при это в когтях он удерживает орешек.

— Приятного аппетита, — хмыкаю я.

— Ведьма голодная, — ябедничает Сквозья.

— Синьорина Иветта, прикажете подать завтрак в столовую? — напоминает о себе экономка.

Я невольно улыбаюсь, бросаю последний взгляд в окно. Толпа уже расходится, скандал исчерпан. Но поостеречься и не выходить без защиты стоит. Неизвестно, какая дурная мысль придёт к Фирсу, особенно если с горя наберётся.

— Нескучно живёшь, — напоминает о себе Ольза.

— Позавтракаете со мной?

Раз уж меня записали Ирвину в жёны, приглашаю на правах хозяйки. Ни Ольза, ни Арэн не отказываются, и мы перебираемся в столовую.

— Я закупила ещё одну партию “умных” котлов, — сообщает Ольза.

Вчера я отлынивала, хоть и по уважительной причине, закупки скинула на Кая, и, как в поговорке, если ведьма не идёт на работу, тогда работа идёт к ведьме.

— Что с сырьём?

— Пока хватает, но у нас серьёзные проблемы. С твоей подачи посланницы красоты рванули по соседним городам. Очень скоро на нас обрушится такой поток заказов, что мы захлебнёмся.

— Я планировала напрямч ведьм. Мы вполне могли бы открыть новые производства на базе Кругов, и тогда нам не придётся думать о логистике.

— Хм... Боюсь, ведьмы захотят откусить от пирога и оставить нам крошки.

— Параллельно будем вести переговоры с аптеками. Уверена, целители справятся не хуже ведьм, а в плане репутации мы даже выиграем.

— За столом о работе вредно для пищеварения, — перебивает Сквозья и обиженно отворачивается.

— За такое сеньор Сквозняк и клюнуть может, — замечает экономка.

На стол накрывает лакей, но блюдо экономка выносит лично и с не понятной мне торжественностью снимает круглую серебряную крышку. Под крышкой... сырники. Кажется, когда Ирвин представлял экономку, он упоминал и сырники, и что экономка готовит их исключительно по своему усмотрению на праздники.

Какая честь...

Я перекладываю пару штук к себе на тарелку, но попробовать не успеваю — в столовую входит Кай и коротко докладывает:

— Прибыл жрец-очиститель.

Почему это звучит как очиститель от накипи или что-то вроде того?

Я встаю, мне не терпится избавиться от принадлежности храму Нексин Всеблагой, и получаю удар клювом в макушку.

— Завтракать, ведьма.

— Сквозья, ты тиран!

— Я умный.

— Угу...

Пока я препираюсь со Сквозей, Арэн утаскивает с блюда первый сырник, пробует. Выражение его лица становится сперва удивлённым, затем блаженным, он смакует сырник словно таящую на языке карамельку, а затем хищным. Арэн перекладывает к себе на тарелку сразу два сырника. Ольза не отстаёт.

Если не успею — обижу экономку.

Покосившись на гостей, я решительно раскладываю сырники на две тарелки. Два беру себе, а остальные откладываю на пустую тарелку из расчёта на Ирвина, он ведь сказал, что обожает их.

Арэн разочарованно вздыхает, поняв, что больше ему не перепадёт, а вот Ольза легко ухватывает с его тарелки.

Ирвин появляется через пару минут. Я к этому моменту доедаю свою порцию:

— Сырники и правда божественные!

— Сеньора Флайсти?! — Ирвин смотрит на пустое блюдо с таким видом, будто вот-вот расплечется. Невооружённым глазом видно, что он шутит, но всё равно, как говорится, в каждой шутке есть доля шутки.

— Ирвин, взгляни.

Я демонстрирую один из отложенных нежно-золотистых сырников. Ирвин идёт ко мне, как зачарованный, преданно заглядывает в глаза. Я предвкушающе улыбаюсь. Про то, что мы в столовой не одни, я благополучно забываю, снимаю сырник с вилки и, удерживая пальцами, обмакиваю в розетку с брусничным вареньем. Ирвин легко принимает правила игры и берёт еду с рук, слизывает упавшие на ладонь капельки варенья, целует.

Второй сырни я обмакиваю в мёд. Интересно, Ирвину как больше нравится? Спрашивать не буду, попробую угадать. Я краем глаза замечаю, что экономка уходит, и почему-то лицо у неё пылает ярким малиновым.

— Сестрёлка, пойдём, мы тут лишние. Сейчас у них сырники кончатся, и они друг за друга примутся.

— Ага...

— Бесстыжие, — вздыхает над головой Сквозя, — но птенцов хочется.

В себя мы с Ирвином приходим нескоро. Если честно, я даже всерьёз задумываюсь, не подмешала ли нам добрая тётя экономка каких-нибудь чудо-травок, уж больно сильно по мозгам приложило.

Но, может быть, это и есть любовь? Не знаю... Страсть есть, мне хорошо, Ирвин выглядит довольным и удовлетворённым, а значит, не стоит заниматься самокопанием и портить душевный ландшафт. Я целую Ирвина в нос и отстраняюсь:

— Там жрец ждёт.

— Подождёт.

Качнув головой, я поднимаюсь и выхожу в гостиную.

— А-апчихи!

Ну почему?!

Я наивно надеялась, что прибывший из столицы жрец будет отличаться от остальных, но первое, что он сделал в доме — зачем-то устроил дымовую завесу. Из курительницы клубами выходит ароматный дым, и хотя запах мне нравится, но всё равно щекочет и раздражается.

Жрец водит над дымом ладонями. Он выглядит как благообразный дедушка, несмотря на солидный возраст сохранивший крепость тела и ясность ума. Чёрный с серебряным шитьём балахон резко контрастирует с длинной бородой, заплетённой в косу. Глаза не видно за густыми разросшимися бровями.

— Добрый день, — здороваюсь я. — Простите, что заставила ждать.

Дед поворачивает голову в мою сторону:

— Помогать мой долг, дитя. Мне сказали, ты ищешь отречения?

— Да.

— Могу я узнать, кого из богов ты собралась покинуть?

Это имеет значение?

— Нексин Всеблагую.

— Вот как... Понимаю, дитя. Позволь мне взглянуть? — не дожидаясь согласия, он проводит в воздухе рукой, и на миг вокруг меня вспыхивает золотистое сияние, словно за моей спиной взошло солнце. Золото припорошено знакомым чёрным налётом, который появился, когда я стала частью Круга. Это аура, да? Выглядит потрясающе.

Жрец проводит ладонью по подбородку, опускает руку. Под пальцы попадает кончик заплетённой в косу бороды, и он принимается его тереть. Складывается впечатление, что жрецу не нравится то, что он увидел. Не любит ведьм? Нет, вряд ли, ведь Ирвин знает, кто я, не стал бы приглашать того, с кем возникнут проблемы.

— Что-то не так?

— Люди склонны винить богов по поводу и без, дитя. В старых хрониках сохранились записи о шумных праздниках в храмах Нексин. Богине дарили танцы, смех, пока четыре сотни лет назад с Юга не пришёл Серый проповедник. От имени богини он учил умеренности, уважению к ближним, гармонии. Но вопреки своим же словам о взаимной ответственности, он создал первые серые общины. Я не могу представить, что Всеблагая богиня одобряет то, что творят её последователи.

Я склоняю голову к плечу.

Послушать, конечно, интересно. Почему бы и нет? Но история есть история, к чему её вспоминать именно сейчас? Мне всё меньше нравится, в какое направление сворачивает разговор.

— Возможно. Однако богиня не остановила серых, прикрывающихся её именем. Для этого может быть тысяча сто пудовых причин, но результат один, имя богини прочно связано с серыми.

Честно говоря, я начинаю злиться, а вот жрец безмятежно улыбается.

— Дитя, вы знаете, что среди последователей Нексин есть не только серые? Остались люди, которые помнят старые традиции.

— Какое это имеет значение? — скрещиваю я руки на груди.

— Приверженцы старых традиций официально не признают серых и наоборот.

И что?

Услышав шаги, я поворачиваю голову. В гостиную входит тётя. Она же лежать должна, отдыхать! Судя по недовольно-разгневанному выражению лица целительницы, на руку которой тётя опирается при ходьбе, и упрямо-целеустремлённому выражению самой тёти, пациентка своевольничает.

Я поднимаюсь навстречу, весьма неудачно попадаю прямо в дымную завесу, продуваемую сквозняком из окна.

— А-апчихи-и! — чёрт! — А-ачих!

— Лей, твоя мама тоже чихала от благовоний. Знаешь, так звонко-звонко, — тётя кивает жрецу и с трудом садится. — Простите, что перебила.

Коснувшись серого подала, она неловко пожимает плечами, словно вдруг стесняется своего облика.

— Я только рад, что ты к нам присоединилась, дитя. Я рассказывал Лейсан, что почитатели богини разделились, и хотя в их обрядах и традициях можно найти много общего, это разные обряды. Я вижу в глубинах вашей ауры “детское” благословение. Впервые, дитя, в храм тебя отнесла твоя мама, и она благословила тебя, согласно старым традициям. Уверен, в храме праздновали твоё рождение.

Я не Лейсан.

— Это правда, Лей. Мы придерживались старых традиций, но... В тот год не стало твоих родителей, я старалась не показывать тебе, но я очень тяжело переживала уход сестры. Я ведь сколько себя помню, всегда рядом со мной была она. Потом я тяжело болела, и ко мне начала ходить жена Бирона. Она просто помогала, ничего не требуя взамен, и, прости, Лей, я сама не заметила, как увязла. Рядом с ними было не страшно, не так больно, и...

— Тётя, ты не виновата, — повторяю я. — Всё будет хорошо. Давай купим тебе новые платья, косметичку. Какая помада тебе нравится больше, красная, розовая или бежеватая? Пока есть только три оттенка, но их можно смешивать.

— Сеньоре пойдёт насыщенный розовый тон, — улыбается жрец. И, пожалуй, он прав.

— Извините, — хмыкаю я.

Жрец улыбается шире:

— Серый след на ваших аурах не делает вас частью общины и собственностью жрецов, поскольку ни одна из вас, как я вижу, не получала благословения в традиции общины.

Но...

— Подождите!

— Да, дитя?

— В храме жрец проверил мою ауру.

— Верно, — жрец кивает. — Он увидел, что вы часть серой общины. К сожалению, он не стал или не захотел вникать. Вы

пригласили меня, чтобы порвать связи с серыми. Верно?

— Даю

Жрец отпускает кончик бороды, вольготно откидывается на спинку дивана:

— Я, безусловно, очищу ваши ауры от вьевшегося за эти годы налёта. Но я прошу вас подумать, действительно ли вы хотите содрать данное вам родителями благословение Всеблагодой, которое вас уже ни к чему не обязывает?

Глава 41

Мы с тётёй переглядываемся.

Жрец, став заметно серьезнее, продолжает пояснять:

— Благословение даёт ауре защиту. Не надо думать, что благословение уберёжёт от всего на свете, это не так, но смею утверждать, что всё же остаться полностью “голой” опаснее.

— Да? — перебиваю я. — Если благословение останется, значит, я буду в воле жрецов Нексин, но только теперь не серых, а тех, которые держатся за старые традиции.

Будь я настоящей Лейсан, я бы захотела оставить дар родителей, сентиментальность бы победила, но настоящая Лейсан давно ушла. Надеюсь, у неё всё благополучно... Я же выбираю независимость. Если я и приму чьё-то благословение, то это будет моё осознанное решение как с Кругом. Что касается весьма сомнительной защиты, то я подыщу в Системе аналог.

— Ты не совсем, Лей, — останавливает меня тётя. — Старые традиции говорят, что человек должен быть счастлив, и только он сам знает, что ему для счастья надо. Не пойми неправильно, я не отговариваю тебя, я прошу тщательно подумать. Тебя ведь вступление в Круг не смущает, верно?

— Нет, потому что я не вступила в Круг, я осталась топтаться на пороге, у меня сейчас два равных имени, тётя.

— Дитя, на какой срок ты готова отказаться от магии? — хмыкает жрец.

— Что, простите?

Жрец смотрит на меня с лёгкой снисходительностью, но почему-то необидно.

— А как ты хочешь, дитя? В жизни всё имеет цену. Серый налёт убрать нетрудно, он на поверхности и лишь немного вьелся в верхний

слой ауры, но благословение придётся вырывать с корнем. Только представь, какая колоссальная разница: прополоть клумбу, избавляясь от сорняков, и выкорчевать дерево. Повреждения ауры и энергетических каналов неизбежны.

— Лей, может быть, не стоит торопиться?

— Я... действительно подумаю, — и посоветуюсь с Ирвином.

Сделав ставку на магию, я совершенно не готова остаться без своего единственного козыря. Допустим, я могла бы доверить расширение косметической линейки модного дома Ользе, с меня — рецепт, с неё — исполнение. Но как быть с Системой? Из храма от Фирса я сбежала благодаря чарам, купленным за караты.

— Дитя, я всегда к твоим услугам, а пока...

Жрец поднимается, вытаскивает из-за спинки дивана ящик на кожаном ремне. Я с некоторым недоумением наблюдаю за приготовлениями. Жрец отпирает крышку, и в ящике обнаруживаются самый обыкновенный камень, какой легко найти где-нибудь на природе. Камень обтёсан, но не отшлифован.

Алтарь?

— Кто ваш бог? — спрашиваю я жреца.

Странно, но он смотрит на меня с удивлением. Видимо, я спросила что-то неправильное, осталось понять, что.

— Никто, — улыбается он.

В смысле имя такое, или он имел в виду, что у него нет бога?

— Хм...

— Ты не знаешь, дитя? Ритуал отречения может провести только служитель, который в своё время сам отрёкся.

— Не знала. Простите.

— Не стоит, — он продолжает улыбаться, но его выдают пальцы, жрец тербит кончик бороды, и вид у него такой, будто я его ударила.

— Простите, — глухо повторяю я.

Жрец поднимает на меня взгляд, к нему возвращается его безмятежность:

— Дитя, ты готова очистить ауру от налипшей серости?

— Да

Он жестом приглашает меня расположиться на ковре. Сам удобно садится скрестив ноги. Секунду подумав, я приподнимаю подол платья. Лодыжки неприлично обнажаются, тётя ахает, но не упрекает и

опустить подол не призывает. Проигнорировав её удивление, я сажусь и тоже скрещиваю ноги.

Жрец устанавливает между нами алтарь. Но я не понимаю... Если бога у жреца нет, то кому посвящён камень? Спросить или не спросить? С одной стороны, я не хочу причинить своими расспросами новую боль, но, с другой стороны, я хочу знать, на что подписываюсь. Между тем жрец любовно проводит ладонью по камню, будто гладит кота. Я наблюдаю, склонив голову к плечу. Пока ничего не происходит... А, нет, происходит. Отзываясь на касания, алтарь чернеет и становится упругим.

Я чуть отодвигаюсь.

— Ты ценишь контроль, дитя? Хорошо..., — он взмахивает рукой, и вокруг меня снова вспыхивает знакомое свечение ауры, но теперь сияние не гаснет секундой позже, а остаётся видимым.

Глаза привыкают к мерцанию, и я всматриваюсь в собственную ауру. Радуга с золотым отливом и примесь чёрного смотрятся на удивление гармонично, а вот серые, похожие на плесень проплешины, хочется убрать поскорее. Счистить, смыть. На миг у меня закрадывается подозрение, что жрец показывает всего лишь иллюзию.

Как бы проверить? Я воплощаю первую же пришедшую в голову идею. Прислушавшись к ощущениям, я начинаю тянуть из окружающего пространства магию. Беру совсем каплю, чтобы жрец не заметил. Сила течёт вверх по руке, и вместе с магией вспыхивает аура.

Жрец рвано выдыхает. Наверное, держать ауру видимой тяжело. Но я не прошу прекратить.

Я наблюдаю, как ручейки магии начинают стекаться к алтарю. Он работает как губка или, точнее, как насос, вбирает в себя энергию. Я чувствую, как магия уходит из окружающего пространства. Конечно, алтарь берёт мало, и магический фон восстановится в считанные минуты, но всё равно ощущение... неприятное. Тем более я поняла, как именно жрец собирается очистить мою ауру.

Он проводит рукой возле моего запястья, не касается, но этого и не требуется. Сияние моей ауры будто прилипает к его пальцам, тянется следом. И прилипает к поверхности алтаря.

Я чувствую напряжение. Впервые я настолько ясно ощущаю ауру. Не больно, скорее дискомфортно, как если бы массажист чуть оттянул кожу.

Я замечаю, как серые пятна начинают смещаться в сторону алтаря.

— Если бы я решилась отречься от богини?

Жрец улыбается, молча взмахивает рукой.

Окружающий мир мутнеет, распадается на световые пятна, и в первый миг я пугаюсь, пока не осознаю, что вместо материальных объектов начала видеть энергетические структуры. Моя аура... Не только моя. Ауры тёти, целительницы, жреца не менее прекрасны. Но меня пока больше всего интересует ответ на мой вопрос.

Благословение отличается изумительным перламутровым оттенком, оно выглядит прочным каркасом пронизывающим мою ауру насквозь и одновременно поддерживающим её.

Если каркас выдрать... Жрец прав, аура будет изодрана в хлам, причём не столько страшно, что внешний слой страдает, пусть бы, внешний слой легко восстанавливается, но нет, страдают глубинные слои и энергетические каналы, по которым течёт магия.

Зрение возвращается в норму.

Я успеваю рассмотреть, как первое серое пятно сползает на алтарь. Коснувшись каменной поверхности, оно шипит и плавится, будто и вправду сгорает нечто материальное. Алтарь втягивает остатки серой грязи, а на поверхности остаётся лишь пятно, которое, впрочем, тоже быстро исчезает.

— Служитель?

— Не беспокойт-тесь, — слишком тихо отвечает он, и я перестаю видеть даже намёк на сияние аур.

Я перевожу взгляд на жреца. Он бледен, лоб покрыт испариной. Целительница встревоженно топчется рядом, но пока не вмешивается, а жрец дрожащими пальцами продолжает гладить алтарь, невзирая на то, как тяжело ему даётся очищение. Если я правильно поняла, не столько само очищение, сколько демонстрация энергетических структур окружающего пространства.

Тянущее чувство не пропадает.

Жрец промакивает лоб рукавом. Сейчас, когда он прекратил делать ауру видимой, ему заметно полегчало, дыхание выровнялось, а бледность отступила.

Время тянется. Я думаю, я сижу на полу не меньше часа, но ради результата я готова просидеть и дольше. Наконец жрец проводит над

алтарём ладонью:

— Дитя, пару дней тебе стоит поберечься. Я видел, ты умеешь вдыхать магию.

— Да, — осторожно отвечаю я.

Не думаю, что “дыхание” правильное слово, ведь в основном я работаю ладонями, но нечего придирааться к терминам.

— Сегодня и завтра дважды в день по четверть часа направляй магию во внешний слой ауры, это поможет тебе быстрее восстановиться, но не переусердствуй. Переизбыток чужеродной силы также вреден. Прямо сейчас отдыхай, дитя.

— Спасибо. Как вы себя чувствуете?

Он улыбается:

— Со мной всё хорошо, доброе дитя.

Однако сеньора Дейвис, качнув головой, окутывает жреца знакомым зелёным облаком целительных чар. От меня помощь явно не требуется, и я перебираюсь к тёте на диван, сажусь рядом, приобнимаю её за плечи. Она кладёт свою ладонь поверх моей.

Отношения налаживаются...

Жрец под руководством сеньоры Дейвис тоже перебирается на диван.

— Синьорина Иветта, можно вас? — в гостиную заглядывает Кай.

Кивнув, я выхожу.

— Что-то случилось?

— К вам посыльный, — коротко поясняет он и приглашает меня к боковому крыльцу.

Снаружи ожидает нетерпеливо приплясывающий этакий мальчик-кузнечик. Костлявый, длинноногий, в форменном приталенном пиджаке с бляшкой-значком почтовой службы. Поклонившись, посыльный выхватывает из сумки конверт с моим именем, не Лейсан Далис, а именно Иветта.

— Извольте получить, синьорина. Всего доброго, — посыльный не задерживается ни на секунду, удирает чуть ли не бегом, а пухлая сумка весело подпрыгивает у него на бедре.

Я возвращаюсь в дом, верчу письмо в руках. Ни имя отправителя, ни обратный адрес на конверте не указаны, и это само по себе настораживает. Если пишут на имя Иветта, значит, письмо связано

либо с Кругом, либо, что вероятнее, с модным домом. Но откуда узнали, где я живу? Официально-то я арендую флигель. Конечно, проще прочитать, чем гадать. Учитывая, что доставка была срочная, я даже в кабинет не ухожу, останавливаюсь у лестницы.

Вскрывать письма я не умею, точнее, умею, но специальным ножом для резки бумаги, поэтому я просто довольно грубо разрываю конверт и вытряхиваю на ладонь плотный лист бумаги.

— А-апчихи! — в нос ударяет вонь духов. Капля парфюма даёт аромат, но неизвестный решил, что чем больше, тем лучше, и, судя по концентрату, наверное, флакон целиком грохнул.

Интересно, у посыльного сумка провоняла?

Я раскрываю письмо:

“Дорогая Иветта, дивная и прекрасная, как бабочка на цветке магнолии, пишу тебе, не в силах молчать. Хотя между нами возникло недоразумение, правда в том, что увидев тебя, я влюбился с первого взгляда. Испытывая всепоглощающее чувство, затопившее мой разум, я не нашёл, как выразить его. Иветта, я сожалею, что растривал тебя своей неуклюжестью. Я прошу твоей руки. Я люблю тебя, я хочу заботиться о тебе всю оставшуюся жизнь. Знай, Иветта, что твой отказ меня просто убьёт!”

Что за бред?

Кто-то перечитал бульварных романов и собрал коллекцию нелепых сахарных фраз, таких, чтобы жертва залипла, как муха в сиропе? Особенно пассаж про самоубийство впечатляет.

Я опускаю взгляд на подпись.

“С нетерпением жду тебя немедленно, твой любящий жених Фирс”.

— Что?! — а я наивно подумала, что, как главная посланница красоты, обзавелась первым поклонником. Я же, можно сказать, звезда — моё лицо на обложке каталога. Вместо подтверждения моей расцветающей славы писулька от младшего Грушича.

Он никак не уgomонится?!

Я сминаю письмо, конверт и зло отшвыриваю. Всё, что связано с Фирсом, вызывает во мне стойкое отвращение. Кай равнодушно наблюдает за коротким полётом бумажного снежка.

Хах, получается, Фирс узнал про косметику, раз он называет меня новым именем? Узнал, что я богата... Тоска. Теперь точно не

отвяжется.

— Кай, мне срочно нужен телохранитель.

— Тебе начали угрожать, Иви? — Ирвин появляется словно из ниоткуда, поднимает брошенное письмо, но сходу не открывает, лишь принохивается и морщится. — Я могу взглянуть?

Если я откажу, отдаст письмо? Уверена, что да.

— Смотри, — пожимаю я плечами, — но предупреждаю, от сахара сведёт зубы.

Ирвин неопределённо хмыкает, расправляет бумагу, пробегает текст любовного послания.

— Это что?! — шипит не хуже меня.

— Жажда денег, разумеется. Между прочим, я богатая невеста. Спорим, за меня будут готовы побороться самые завидные женихи столицы?

Ирвин усмехается:

— Абсолютно нет.

— С чего бы? — его ответ слегка уязвляет.

Я ожидаю, что он ответит про деньги, что женихи будут бороться за моё состояние, а не за меня.

— Не посмеют соперничать со мной.

— Какая самоуверенность, — фыркаю я. — Продолжай, мне нравится.

Но Ирвин не продолжает, он ещё раз перечитывает письмо, губы складываются в жёсткую линию:

— Иви, я знаю ответ, но спрошу. Ты принимаешь такого рода знаки внимания от Фирса?

— Нет. Его письмо ложь, а его поведение преследование.

— Это хорошо-о-о...

— Что хорошего? — хмурюсь я.

Ирвин усмехается:

— Хорошо, что у меня развязаны руки. Иви, тебе в ближайшее время нужна помощь Кая? Если нет, то я ненадолго верну себе своего помощника. Должен же я по всем правилам вызвать его на поединок.

— Разве поединок не превратится в простое избиение?

За Ирвина я не волнуюсь. Фирс против него как щенок болонки против матёрого волка. Что Ирвин на эмоциях перейдёт черту, тоже не

боюсь. Ирвин умеет держать себя в руках, а непоправимо калечить или тем более убивать, правилами поединков строжайше запрещено.

— В простое не превратится, только в изошрённое, — Ирвин предвкушающе щурится, и можно не сомневаться, что Фирс в надёжных руках.

Я возвращаюсь в гостиную.

За время моего недолгого отсутствия многое поменялось. Жрец достаточно пришёл в себя, чтобы повторить очищение для тёти, и сеньора Дейвис ему разрешила. Тётушка перебралась на пол и устроилась у алтаря в гнезде декоративных подушек. Более того, жрец уже начал работу.

Я тихонько сажусь в стороне, так, чтобы тётя меня видела. Думаю, я могла бы уйти, но мне кажется важным дать ей почувствовать мою поддержку, тем более работа никуда не девается. Когда целительница уводит тётю в спальню, а жреца — лакей, меня в оборот берёт Ольза и не отпускает до вечера.

Расширение производства, каналы сбыта, работа с сотрудниками, логистика — как я по всему этому соскучилась, а теперь снова чувствую себя на своём месте, только не в фармацевтической компании, а в косметической. Да ещё и с повышением, не помощник руководителя, а главный босс.

К обсуждению как-то незаметно присоединяется Кай. Лысый бугай на удивление дельно предлагает продавать помаду не только в баночках, но и составить единые наборы. Я оторопело киваю. Кая надо переманить, потрясающе полезный человек.

Отчёты, планы...

— Синьорина, — кто-то похлопывает меня по плечу, то ли на обед зовёт, то ли на ужин. Сопит возмущённо. Я именно на сопение реагирую, не на похлопывания.

— Позже, — я хлёстко, но без усилия, шлёпаю по чужой ладони.

Мне не до еды, я с просторов Сети компилирую для своих посланниц учебник красоты и успеха, благо чары, которыми Ланли тиражирует изображения довольно простенькие в освоении, и переносить текст с экрана телефона на бумагу легче лёгкого.

— Нет, так никуда не годится.

Снова мешают...

— Прекрати колоть мне щёку, Ирвин.

— Хм, ничего, что ты на нём лежишь?

Стул улетает куда-то вниз. А, нет, эт оне стул вниз, это я вверх. Ирвин поднимает меня на руки:

— Иви, ты знаешь, сколько времени?

За окном темно, в комнате слабый свет светильника.

— Ужин скоро? — Ирвин минут пять назад на ужин звал.

— Три часа ночи, Иви.

— Да? — я опускаю голову на его плечо, обнимаю за шею.

Происходящее дальше долетает до меня смутными образами сквозь сон. Вроде бы мы поднимаемся на второй этаж. Ирвин опускает меня на мягкую кровать, и отстраняется. Я пытаюсь его удержать, но тщетно. Он касается моих лодыжек, успокаивающе проводит вверх-вниз, разувает, отбирает платье, устраивается рядом и укутывает нас обоих лёгким одеялом. В какой-то момент, прежде чем окончательно провалиться в сон, я осознаю, что лежу, закинув на Ирвина и руку, и ногу, а он обнимает меня в ответ.

Надо ли говорить, что утро начинается для меня довольно поздно.

И начинается оно с сообщения горничной:

— Синьорина Иветта, если вы хотите присутствовать на поединке сеньора и того невоспитанного негодяя, вам стоит поторопиться.

Уже поединок? Пропускать нельзя, но ведь я я вчера уснула, так и не закончив учебник. Как же мне разорваться-то? И что я делаю в комнате Ирвина? Я помню, что уснула за столом. Утащил к себе под бок? Приятно...

За завтраком, наслаждаясь сырниками личного приготовления сеньоры Флайсти, я выслушиваю новости: тётушка, жрец и сеньора Дейвис втроём вышли на прогулку по саду, Ольза с братом отбыли, оставив мне записку, что — чудо-чудное! — в поисках Ользы заезжал выскочка Ларс, и очень хорошо, что в этот момент хозяина уже не было дома, иначе стычки не избежать.

— Что там насчёт поединка? — уточняю я.

Хотя дуэли овеляны романтическим ореолом, при трезвом взгляде, я восторга не испытываю. Принц стреляющийся с золотарём — абсурд. Вызов на поединок означает, что ты воспринимаешь соперника равным. Не важно, насколько унижительно проиграет Фирс, он просто

недостойн чести быть вызванным. Неужели нельзя было разобраться иначе? Жалко же шпагу марать.

Но моё мнение значения не имеет — я же сама дала Ирвину разрешение разбираться.

Горничные предлагают сочный вишнёвый наряд с бледно-розовой отделкой, цветовое решение весьма спорное, но в целом юбка-амазонка и приталенный жакет смотрятся богато и дерзко. Неожиданно, но костюм меня украшает, особенно в сочетании с макияжем.

Я всматриваюсь в своё отражение:

— Удивительно, насколько вещи и краска меняют внешность.

— Смею возразить, синьорина, это не так. Если вы ссутулитесь, напряжёте кисти рук, начнёте смотреть с испугом, то потеряете не половину привлекательности, а три четверти. Самоощущение определяет.

— Вещи и краска помогают обрести уверенность.

— Экипаж подан, синьорина. По поводу безопасности, пожалуйста, не беспокойтесь. Меры приняты. Также вас сопровождает Кай.

— Я тебя сопровождаю, ведьма!

Кто бы сомневался! Я чувствую, как начинаю улыбаться:

— Доброе утро, сеньор Сквозняк. Благодарю! С вами я точно в полной безопасности.

Сквозья устраивается у меня на плече. В лапах неизменный пакетик орешков.

— Поторопись, ведьма! Я не хочу из-за тебя пропустить.

— Как скажешь, друг.

На улице меня ожидает крытый экипаж, тот самый, украшенный вензелями. Учитывая, что официально я всего лишь невеста, я сомневаюсь, насколько уместно приехать так. Это всё равно что публично признаться, что живу с женихом до свадьбы. К вечеру о моей безнравственности будет судачить весь Старый Му.

Хм, мне действительно есть до этого дело?

Чужое мнение меня мало волнует, но надо помнить, что я стала лицом модного дома Иветья, и мнение покупательниц уже не чужое, потому что от них напрямую зависит мой доход. Впрочем, лёгкий флёр скандала не повредит, я же собираюсь продвигать женскую

независимость, которая начинается, как это ни банально, с независимости финансовой. При минимальном старании посланницы красоты смогут неплохо заработать.

Опять о работе думаю...

Экипаж выворачивает на подозрительно знакомую улицу. Я узнаю магазины — здесь, считая секунды действия чар невидимости, я убежала от Фирса и такого же потерявшего берега стража. Экипаж поворачивает и останавливается точно перед воротами храма Нексин Всеблагой.

Глава 42

На территории собрались люди. Среди унылых серых одежд мелькают яркие ткани, что удивительно. Я не тороплюсь выходить, присматриваюсь. Не понимаю, почему здесь... Интересы к экипажу никто не проявляет. Кай, ехавший на запятках экипажа, появляется в поле зрения, распахивает дверцу, подаёт мне руку:

— Синьорина, поединок вот-вот начнётся.

— В храме? — Каю я доверяю, да и Сквозя спокоен, хотя холодок по спине гуляет.

— А где же ещё? — искренне удивляется Кай.

Действительно, где? Помнится, с Ларсом Ирвин сцепился прямо под окнами мэрии. Но тогда поединок был спонтанным, а сейчас официальный, с вызовом через письмо.

Люди толпятся перед дощатым возвышением. Кай ведёт меня в обход, мы проходим за ограждением под самой стеной храма.

Оказывается, для меня приготовили кресло и зачем-то обтянули розовым чехлом. Это шутка такая? В своём вишнёвом костюме я на розовом фоне в лучшем случае потеряюсь, в худшем — буду выглядеть как курица после эпиляции. Впрочем, без разницы. Вряд ли среди “серых” затесались мои клиентки.

Толпа меня замечает и принимается бурно обсуждать. Я сажусь, игнорируя чужое внимание. Сквозя куда интереснее, тем более с плеча он перебирается ко мне на колени и позволяет гладить мягкие перья. А для полноты картины Кай отступает за кресло, вытягивается, как гвардеец за королевским тронем.

Меня замечают не только в толпе. Ирвин расплывается в широкой улыбке, делает в моём направлении пару шагов и отвешивает театральный глубокий поклон. Выпендрёжник! Я не сразу понимаю,

что чего-то не хватает, а именно шпаги, с которой Ирвин вне дома не расстается. Эм, что происходит?

Это же не кулачный бой?!

— Лей! Родная, я люблю тебя больше жизни! Я не смогу жить без тебя! Почему ты так жестоко обрекаешь меня?

ТЬфу!

Фирс бы бросился ко мне, если бы не ограждающий бортик и, подозреваю, если бы не Кай, стоящий за моей спиной — лысому амбалу достаточно легко махнуть рукой, чтобы Фирс улетел в дальние дали.

— Сеньор Грушич, мы давно выяснили, что под видом брака вы жаждете прикарманить мои деньги. И, надо полагать, спустить их здесь же, в Старом Му, в казино? Что касается вашего нежелания жить, то... Служитель, разве, согласно учению Нексин Всеблагой, подобные мысли и слова не кощунство?

— Кощунство, синьорина, — с готовностью отвечает жрец и награждает Фирса осуждающим взглядом.

— Слышите, сеньор Грушич? Почему бы вам не остаться в храме учиться смирению?

Фирс бледнеет, краснеет, всё больше надувается, обретая сходство с индюком.

— Когда я выиграю, ты будешь моей! — рявкает он.

“Когда”?! У него вообще хоть капля мозгов есть? Я уверена, Фирс даже обманом победить не сможет. Что там, ему не хватает ума осознать очевидный, по-моему, факт. Ни Ирвин, ни я последователями Нексин не являемся, правила общины на нас не распространяются. Победа не даст Фирсу никаких прав, как нет их у Ирвина, а вот на зуботычину от Кая Фирс нарвется.

Впрочем, в его выкрике больше бессилия, чем реальной угрозы.

— Займите свои места, — требует жрец.

Ирвин отходит в правый край дощатого помоста.

Фирс, крутанувшись, убирается в левый край. И... рядом с ним почему-то встаёт облачённый в серое спортивного телосложения мужчина. Мужчина... да это давешний страж, только без формы! Что происходит?

— Откуда? — поворачиваюсь я к Каю.

Самое поразительное, что страж, вроде как вставший на сторону Фирса, с ним тихо переругивается. Фирс, кривится, отворачивается, но что-то отвечает. Настолько тихо, что не слышать.

— Сеньор обвинил его в бесчестии и поведении, неприемлемом для хранителя порядка. Комиссия с обвинениями согласилась, ему грозила тюрьма, но бывший страж убедил комиссию, что, забывшись, действовал как частное лицо, как последователь богини. Комиссия ограничилась увольнением без права восстановления. Сеньор не стал возражать, но потребовал, чтобы как частное лицо, бывший страж защищал свои действия на поединке.

Когда только успел?! Я всё больше и больше восхищаюсь Ирвином.

Спросить про оружие я не успеваю.

— Напоминаю, — громко произносит жрец. — Магия в ходе поединка запрещена! Нексин Всеблагая, во имя справедливости, благослови правого!

В воздухе, будто в ответ на мольбу, раздаётся удар грома. Над возвышением появляется и раскручивается предмет, настолько быстро, что контуры смазываются. Предмет падает на доски и оказывается весьма примитивным посохом — длинная, с руку толщиной, отшлифованная палка с резным круглым навершием, выкрашенным в неизменный серый, но на сей раз приятный жемчужный серый..

Бойцов трое, но оружие одно? Да ещё и двое на одного... Не говорю уже о том, что посох упал отнюдь не в центр помоста, а ближе к краю. Левому.

Фирс опрометью бросается вперёд, первым смыкает пальцы на древке и отбрасывает посох за спину — бывшему стражу. Примечательно, что ни сам страж, ни Ирвин за посохом не дёрнулись.

— Что за бред?!

— Синьорина? Обычный храмовый поединок. Как в легенде...

— Какой легенде?

— Как же, — Кай от моих вопросов теряет, ведь я спрашиваю об общеизвестных вещах, но тем не менее Кай послушно отвечает. — Согласно легенде, на храм богини напали бандиты, и на защиту вышел лишь один служитель. Бандиты рассмеялись над безоружным человеком, но он вознёс короткую молитву, и богиня ответила. Оружие бандитов рассыпалось серым песком, а у человека появился посох.

Побитые бандиты раскаялись, вступили в общину и стали верными последователями богини.

— Тогда всё неправильно, первоначально оружие должно быть у Ирвина, как у бандитов.

— Дураки, — изрекает Сквозя.

И не поспоришь.

Вращая посох, бывший страж выходит к центру. Я с неудовольствием отмечаю, что обращаться с оружием, страж, похоже, умеет. Я верю в Ирвина, но всё равно на душе беспокойно. Поединок совсем не то, что я себе вообразила.

Ирвин уверенно идёт навстречу. Поза расслабленная, походка прогулочная.

Страж наносит стремительный размашистый удар. Ирвин откровенно усмехается, вальяжно ловит древко открытой ладонью и плавно гасит удар. А а следующее мгновение выдёргивает посох из рук стража и несильно бьёт обратным концом под колено. Страж валится.

Фирс, позабыв, что обещал победить, прыгает к бортику.

В толпе свист, улюлюканье.

Догнать Ирвин не сможет, но он и не пытается. Крутанув посох, он бросает его как копьё. Целит снова по ногам. Фирс падает, сбегать на успеваает. Зато успеваает схватить посох и зачем-то прижать к себе обеими руками.

Ирвин приближается.

То, что происходит дальше...

— Нексин Всеблагая! — заорав, Фирс слепо отмахивается посохом.

По древку пробегает ветвистая молния. Я привстаю, до боли вцепляюсь в подлокотник. Достигнув наверх, молния раскрывается, будто медуза щупальца раскидывает. В то, что богиня решила спасти недоумка, я не верю ни на миг. Объяснение одно — вопреки запрету, Фирс использовал магию. Но он же не маг!

Ирвин отшатывается и замирает в боевой стойке. Молнии бьют рядом и оставляют на дощатом помосте ветвистые ожоги. Весьма эффектно смотрится, молнии осыпают Ирвина фейерверком искр, но по-настоящему не попадают, не причиняют ни малейшего вреда. Я

выдыхаю и опускаюсь на обратно сиденье. Почему жрец не вмешивается?!

За спиной Ирвина поднимается страж и, прихрамывая, подкрадывается. Ирвин словно не видит. Страж замахивается. В этот же момент Фирс выпускает вторую порцию молний. Ирвин изящно уходит перекатом и вновь оказывается на ногах, а весь пучок молний летит в бывшего стража. Я вижу, как белеет его лицо. Он вскидывает руку. В воздухе проходит рябь, страж закрылся щитом моментально. Каким бы он ни был человеком, боец он неплохой.

Всё же несколько молний его достают, обжигают плечи, локти. Рубашка загорается, и страж шлёпает ладонями по язычкам пламени.

Раздаётся истошный крик.

Основной пучок молний пришёлся на щит, а щит их не погасил, на поглотил, а отразил, и молнии впились в ничем не защищённого Фирса, оплели тело, будто в адский кокон спеленали.

О-у-у-у...

И он этим пучком в Ирвина швырялся?! А если бы попал?! Тва-а-арь.

Вой стихает, Фирс больше не подаёт признаков жизни. То ли сознание потерял, то ли отправился прямиком в чертоги Нексин.

— Служитель, разве вы не сказали, что магия запрещена? — громко спрашивает Ирвин, с некоторой брезгливостью глядя на распростёртое тело.

Фирса забирают младшие жрецы и целитель. Значит, жив. Несмотря на то, что Фирса прибить хочется, я всё же испытываю облегчение. Наверное, я слишком добрая... Хочу, чтобы он выздоровел, ведь тогда я смогу прийти в гости с посохом наперевес и отдубасить от души, гад такой, совсем без мозгов.

Стража тоже забирают целители, его ожоги даже издали выглядят серьёзно.

На помосте Ирвин остаётся один.

— Милостью Нексин Всеблагой справедливость восторжествовала! — громогласно объявляет жрец, но, удивительное дело, его заявление даже среди серых не находит поддержки.

Вперёд выходит немолодой мужчина, явно старше жреца:

— Сеньор Мэгг, я глава общины этого города, Рант Прешич. Позвольте сказать?

— Извольте, сеньор Прешич.

— Ваша победа неоспорима, сеньор Мэгг. Я могу только приветствовать вашу победу, как истинно справедливую. Однако я не понимаю, как поединок вообще мог состояться.

— Рант, о чём ты? — перебивает жрец. — Традиция поединков...

— Я знаю! — Рант не проявляет ни капли почтения. — Нексин Всеблагая ниспослала посох истинному герою, голой грудью вставшему на защиту не столько храма, сколько укрывшихся в нём женщин, детей, стариков, готовому пожертвовать собственной жизнью! Получить право биться с посохом в руках — величайшая честь. Но ты дал посох этому куску отброса.

— Как ты смеешь!

— Смею.

— Позвольте вмешаться! — Сквозя, внезапно вспорхнувший с моих колен, беспардонно приземляется на всё ещё лежащий на помосте посох. — Он, — Сквозя указывает на жреца, — проиграл куску отброса в казино, а потом они договорились поделить её, — указывает на меня, — деньги.

Разве победа в поединке дала бы Фирсу хоть какие-то права? Наверное, я что-то упускаю.

— Ложь! — взвизгивает жрец.

— Так значит жертвоприношения не в монастырь уходят?! — не только Рант, но и ещё несколько мужчин из серых надвигаются на жреца с самым угрожающим видом.

Быть жрецу битому...

— Иви, — Ирвин подхватывает меня под руку, целует пальцы.

Толпа занята, на нас не обращают внимания. Прегрешения жреца занимают членов общины куда больше, чем наш с Ирвином уход.

Мы пробираемся вдоль стены храма. До самого экипажа Ирвин не отпускает моей руки.

— Сквозя? — ко мне попугай не вернулся, но и на плече у Ирвина не сидит.

— Он сеньор самостоятельный, летает, где хочет, орешками у посторонних синьорин угощается, — Ирвин помогает мне сесть в салон.

— Что за намёк?! — наигранно возмущаюсь я.

Ясно же, что Ирвин шутит.

Кай захлопывает дверь снаружи, мы остаёмся с Ирвином наедине, и экипаж трогается. Ирвин переплетает наши пальцы. Я с некоторым недоумением наблюдаю — откуда такая серьёзность? Ирвин проводит подушечкой большого пальца по моей ладони.

— Иви...

— Да?

Он улыбается уголком губ:

— Ты согласишься, если я скажу, что влюбился в тебя?

Влюбился?

Наверное, поверю. Наше знакомство получилось не очень красивым, к тому же я относилась к Ирвину с предубеждением из-за романа, и мне было по-настоящему неприятно, когда он использовал меня, чтобы покрасоваться перед Ользой, но это ведь несущественно. Ирвин показал себя с совсем другой стороны. Осознав ошибку, он принёс извинения, а дальше... Столько, сколько он для меня сделал, для меня никто никогда не делал. А ведь Ирвин бескорыстен. Я уверена, если я откажу, он свободно позволит мне уйти.

Другое дело, что я совершенно не хочу уходить...

Но в том, что я готова остаться и, тем более, связать себя обстоятельства, я не уверена. Скорее наоборот, уверена, что не готова.

— Возможно. А ты влюбился? Ирвин.

Пожалуй, самое ценное для меня то, что он пригласил тётё целительницу. Подкупает не столько забота обо мне, сколько о дорогом для меня человеке.

— Да. Скажу банальность, но я сам не заметил, как. В первую нашу встречу ты меня совсем не заинтересовала. Симпатичная синьорина, каких тысячи. Щёлкни пальцами, и слетятся. Но внезапно ты понравилась Сквозе. Обычно он дружелюбный, но чужих к себе не подпускает, а к тебе он летал за орешками. Я стал обращать на тебя внимание, и вот чем закончилось.

Я устраиваю подбородок у Ирвниа на плече, внимательно слушаю, а пальцами ерошу волосы у его на затылке. Ирвин тихонько фыркает:

— Иви, я не стану спрашивать тебя о будущем, мне кажется, ты не готова дать подобного рода ответ. Я спрошу о другом. Ты согласна остаться в моём доме на правах гостыи? Или хозяйки? На твой вкус.

— Я задержусь, — улыбаюсь я. — “Гостыя-хозяйка” звучит довольно абсурдно, но мне нравится.

Я тянусь за поцелуем, но Ирвин не поддается соблазну.

— Счастлив слышать. Иви, я знаю, что ты получила приглашение на торжество в мэрии.

— Да.

К чему вопрос?

— Знаешь, странно себя чувствую, напрашиваясь, но, Иви, ты позволишь сопровождать тебя на правах твоего ухажёра? Я бы очень хотел пойти не один, а с тобой.

— Я про торжество уже сто раз забыла.

— Оно нужно тебе. Быть принятой означает получить официальное признание. И не стоит забывать про полезные знакомства.

— Понимаю... Спасибо, что напомнил. Я с удовольствием пойду с тобой.

— Должен предупредить, что нас будут обсуждать.

— Хм?

Ирвин ухмыляется:

— Обычно я избегал приёмов, а если и появлялся, то исключительно в одиночестве. Ты же не просто пойдёшь со мной, что уже всколыхнуло бы наше болото, но ещё и станешь первой в нашей паре, оставив мне скромную роль “довеска”.

— Ирвин, тебя это не напрягает?

— Нет. С какой стати?

Глава 43

Ирвин не обманул.

Роль довеска, как он выразился, его явно забавляла. Или, наверное, не столько сама роль, сколько грядущая реакция высшего общества Старого Му, так что отыгрывать её Ирвин собирался со всем старанием и готовился заранее. Как и я.

Я заказала платье. Во-первых, могу себе позволить новый гардероб, хватит чужое донашивать. Во-вторых, я решила, что приём в мэрии — это отличный повод начать оттачивать свой фирменный стиль. Моё платье будет в основе розовым, а излишнюю яркость приглушит серый кружевной чехол. Портниха предложила белый, но я

настояла на покраске, ведь я иду как владелица и первое лицо модного дома, вот и должна показывать модный дом.

Ирвин, чтобы подчеркнуть парность, заказал шейный платок из той же розовой ткани. Ради платка он отказался от военного мундира, вольностей в аксессуарах не допускающего, выбрал смокинг и, как мне показалось, всё равно нарушил дресс-код.

Ольза и Ланли тоже озаботились платьями фирменного цвета, и именно Ланли подсказала мне, что в дополнение к платью обязательны перчатки.

Хотя я выкупила дом ведьмы, само собой получилось, что то здание стало официальным представительство, а неофициально мы с девочками оккупировали особняк Ирвина, благо Ирвин не возражал.

Естественно, на приём мы тоже собирались все вместе из особняка... И если Ланли собиралась пойти с Ареном, то Ольза — с Ларсом.

Стоило подумать...

Из гостиной долетает разговор на повышенных тонах.

— Сиди, не крутись, — Ланли, высунув от усердия язык, дорисовывает мне стрелки.

Выпустить свою линейку парфюма мы, конечно, ещё не успели. Духи “Иветья” — я мечтаю повторить легендарную “Красню Москву” — появятся не раньше, чем через пару месяцев, поэтому обхожусь ароматом, привезённым с востока. Можно было бы купить волшебные духи из каталога Системы, но я не рискнула тратить караты. После побега из храма, когда я спустила всё накопленное на чары сокрытия, я, к сожалению, практиковалась в магии не так много, как мне хотелось бы.

— Всё уже?

— Иветта, — смеётся Ольза, — я не понимаю, как ты можешь одновременно заниматься косметикой и не выдерживать нанесение макияжа.

— Да сколько можно!

— Последний штрих, — останавливает перепалку Ланли. — Готово.

Я тороплюсь выйти в гостиную.

Дойти я не успеваю. На плечо приземляется Сквозья и тихо, чтобы расслышала только я, вздыхает:

— Два петуха.

— Скорее, один петух и один выскочка, — поправляю я, ведь Ларс первым не лезет, а прибыл по уважительной причине, сопроводить свою девушку.

Я останавливаюсь на пороге гостиной. Ни Ирвин, ни Ларс меня не замечают, а я не спешу вмешиваться, присматриваюсь.

Вот как так? Хороший умный парень — я про Ирвина — а на теме первенства его клинит так, что превращается в сущего болвана. Стоит, плечи расправил, грудь колесом, челюсть выпятил. Прав Сквозя, стойка чисто как у бойцовского петуха. Ларс выглядит спокойнее и от того достойнее.

— Сеньор Мэгг, ваша невеста подруга моей невесты. Вы об этом не задумывались?

— Уверен, синьориина Ольза скоро одумается и расторгнет помолвку.

— Мы с Ользой обязательно пришлём вам приглашение на нашу свадьбу, сеньор.

— Неужели синьорниа Ольза уже дала согласие на свадьбу?

Про Ользу не знаю, про себя могу сказать — я согласия не дала. Тон у Ирвина уязвлённый... Хах, Ларс даже в свадебных делах его опередил.

Ларс усмехается, но продолжать перепалку не стремится, отходит в сторону и останавливается у окна спиной к Ирвину, что Ирвина злит. Он аж полыхает. Видно, что сдерживается из последних сил. Наверное, всё же понимает, насколько нелепо его поведение.

Сквозя тяжело вздыхает и кусает меня за ухо, не знаю, призывает вмешаться или таким образом делится печалью. Лезть мне не хочется, я уверена, что Ирвин сам в состоянии, разобраться... Но почему бы не отвлечь?

Для порядка стукнув в дверной косяк, я вхожу.

Ирвин оборачивается. На его лице расцветает улыбка. Очевидно, что Ларса для него больше не существует. Ирвин делает шаг мне навстречу.

Но я-то про Ларса забыть не могу — элементарная вежливость. Кивнув, я ограничиваюсь единственной фразой:

— Добрый вечер. Кажется, Ольза заставит вас подождать.

— Добрый вечер, Иветта. Прекрасно выглядите.

Ирвин подходит ко мне:

— Ты готова так быстро? Ларс прав, ты выглядишь потрясающе.

Ларс фыркает:

— Конечно, синьорина Иветта не готова, но Иветта слишком тактична, чтобы сказать тебе об этом прямо. А ведь прежде всего опозоришься ты сам, а уже потом твоя спутница.

Что?

Я хмурюсь. Честно говоря, я готова, и я не понимаю, что Ларс имеет в виду.

— Хм? — Ирвин точь-в-точь как я хмурится.

Ларс кривит губы в насмешке и уже открывает рот, чтобы ответить.

Сквозья опережает. Перепрыгивает Ирвину на плечо и тюкает клювом точно в темечко. Судя по тому, как Ирвин морщится — больно.

— Украшения, болван.

— Верно, сеньор Сквозняк, — подхватывает Ларс. — Ирвин, я откровенно не понимаю, как ты можешь позволить синьорине уступить остальным дамам.

А?!

Чё-о-о-орт!

Как я могла забыть?! Про платье подумала, про аксессуары подумала, про обувь, про причёску, про макияж. А про драгоценности забыла!

Я не поклонница ювелирки. Цепочки и ожерелья вечно сзади накручиваюся на волосы, броши некрасиво оттягивают тонкую ткань платья, браслеты цепляются за всё подряд, а кольца либо сидят неприятно-туго, либ норовят сбежать. Я носила простенькие серёжки и даже на редкие вечерние мероприятия не утруждала себя гарнитурами. В результате упущение. Хороша бы я была в мэрии...

Ольза уже при серьгах и колье, у Ланли я видела шкатулку. Но даже тогда у меня в голове ничего не щёлкнуло.

Чёрт!

— Ларс, я собиралась выехать чуть пораньше и сделать остановку в ювелирном, а потом догнать девочек, — исправляюсь я.

Куплю, не проблема. Хотя я все деньги влила в расширение производства и открытие представительств в соседних городах, на

мишуру найду. Может, дешевле в ломбарде выкупить? А нигде нет побрякушек в аренду?

— Врёт, — безжалостно сдаёт меня Сквозя.

— Иветта, — Ирвин по-новому окидывает меня взглядом.

— Ларс, спасибо, что напомнил. Не нужно беспокоиться, — это уже Ирвину.

Однако он в ответ нехорошо прищуривается.

— Никаких ювелирных, Ларс... прав, — разворачивается и уходит.

Не поняла...

— Чаю? — предлагаю я Ларсу на правах самозванной хозяйки.

— Спасибо, но я откажусь.

Он садится на диван, закидывает ногу на ногу.

— Тогда я передам Ользе, что ты уже здесь.

— Спасибо, — повторяет Ларс.

Я действительно возвращаюсь в комнату к девочкам. Говорить ничего не приходится, Ольза сама догадывается, что Ларс пришёл. И хотя заметно, что она рада, она спокойно продолжает поправлять непослушный локон. А я мысленно зову телефон и, стараясь не привлекать внимания, вношу в заметки напоминание создать лак для волос. В будущем, очень отдалённом будущем.

В комнату заглядывает экономка:

— Синьорина Иветта, хозяин просит вас подойти.

— Да, разумеется.

Так быстро купить украшения Ирвин не мог бы. У него хранятся дома? Хм...

Ирвин ожидает меня в своей спальне, сидит на кровати, в руках сжимает внушительный сундучок. Я обращаю внимание на побелевшие костяшки и останавливаюсь. Мы встречаемся взглядами. Я понимаю, что спокойствие Ирвина фальшивое, но не могу прочесть бушующих в его душе чувств. А ещё я понимаю, что украшения, скорее всего, принадлежали его маме или бабушке, в сундучке не просто дорогие украшения, в нём памятные вещи.

Мне кажется, я не могу принять.

Но я терпеливо жду, когда Ирвин заговорит первым.

Отставив сундучок, Ирвин поднимется.

— Иви... Я хочу, чтобы на приёме ты появилась в гарнитуре, который ещё мой прадед заказал для прабабушки на десятую годовщину их свадьбы. Гарнитур подойдёт к твоему наряду... Что скажешь?

Когда речь заходит о драгоценностях, тем более семейных реликвиях, передающихся из поколения в поколение, совершенно естественно, что избраннице их не дарят, а передают на время и по определённому случаю.

Но даже так я сомневаюсь, насколько уместно будет согласиться. Официально Ирвин представится на приёме моим женихом. Мне с ним хорошо, и я легко могу представить, как проведу с ним под одной крышей всю жизнь. Однако я не чувствую себя готовой принять обязательства... Семья для меня ассоциируется с уютным гнёздышком. Я же пока не созрела для мирной гавани, меня захватывает мой стремительный полёт. Мне хочется заниматься магией, развивать модный дом, побывать в столице, отправиться в путешествие. С Ирвином, разумеется.

— Ты... уверен? Ирвин, это же не просто украшения, это вещи с историей, памятью.

Он улыбается:

— Да, с историей. Именно поэтому я предлагаю “Счастливым” гарнитур.

— “Счастливым” — звучит очень соблазнительно.

Ирвин переставляет сундучок на трюмо, мягко разворачивает меня лицом к зеркалу, спиной к себе, тянется к крышке, отчего я ощущаю тепло его тела и дыхание на затылке.

В сундучке не только гарнитур. Внутри скрываются раздвижные секции. Моим глазам предстаёт целая ювелирная коллекция: серьги, бусы, ожерелья, кольцо, браслеты, кольца... и даже тиара.

Ирвин вынимает из нижней секции шкатулку, скрывающую обещанный гарнитур.

— Бриллианты?

— Да. Иви, тебе...?

— У твоего прадедушки потрясающий вкус!

Словно капли росы, схваченные морозом. Воздушная лёгкость в сочетании с чистотой камней и изяществом работы создают

невероятный эффект. Ирвин подаёт мне пару серёг, дожидается, пока я защёлкну замочки, а затем сам надевает на меня браслеты и кольцо.

— Тебе идёт, Иви.

Я оборачиваюсь хочу поцеловать, но в последний момент уклоняюсь и фыркаю:

— А тебе помада не пойдёт.

— Сделаешь, которая подойдёт? — Ирвин явно шутит, про бесцветную гигиеническую помаду он явно не догадывается.

— Сделаю, конечно. Сделаю тебя лицом первой мужской линейки дома Иветья.

— Ха!

Я со смехом выскальзываю из объятий.

Время ехать в мэрию. Мы с Ирвином спускаемся в холл, и оказывается, что обе пары нас уже ждут: Ольза с Ларсом и Ланли с Ареном.

Глава 44

Экипажи поданы к парадном входу.

— Кто это придумал?! — поражаюсь я огромным атласным бантам, прицепленным с углов.

— У модного дома нет пока своего транспорта, — пожимает плечами Ирвин.

Удивительно, он больше не пытается сцепиться с Ларсом и вообще спокоен и благодушен.

— Я придумал, — заявляет Сквозя, тоже щеголяя повязанным на шею бантом. Розовым. С бриллиантовой пряжкой...

— Сквозя, ты прелесть, — хмыкаю я.

Ирвин подаёт мне руку, помогает забраться в салон. Устроившись рядом, мы переплетаем пальцы. Говорить больше не хочется. Я люблюсь игрой бриллиантов в лучах, проникающих через приоткрытое окно.

Когда мы добираемся до мэрии, солнце успеваает нижней кромкой коснуться горизонта.

— Я немного нервничаю, — признаюсь я.

— Кто посмеет обижать мою невесту? Иви, с тобой будут предельно вежливы, ты уже самая богатая особа в Старом Му.

Угу...

Ирвины выходит первым, галантно подаёт мне руку. Я опираюсь на его ладонь, и мы вместе поднимаемся по лестнице.

Торжественный приём состоится в главном зале. Куда идти, Ирвин знает. Впрочем, ошибиться невозможно — вперёд убегает ковровая дорожка, которой в будни, когда я приходила оформлять документы, не было.

— Основательница и владелица модного дома Иветья синьорина Лейсан-Иветта Далис, — объявляет стоящий у дверей страж. — С сопровождающим!

Ирвин!

Я возмущённо оборачиваюсь. Я знаю, что он сеньор Ирвин Мэгг, но не уверена, что в это полное имя, поэтому без задних мысли попросила Кая вписать Ирвина в приглашения, благо строчка для сопровождающего предусмотрена. А он... пошутил, чтоб его.

Естественно, все собравшиеся с любопытством оборачиваются, всем не терпится увидеть главную “звезду” праздника. Взгляды спотыкаются об Ирвина.

Буря слухов и сплетен полезна для продвижения, но всё же...

Ирвин мягко, чтобы со стороны не было заметно, подталкивает меня вперёд. По правилам хорошего тона прежде всего мне следует засвидетельствовать своё почтение градоправителю и его супруге.

Не торопясь, с достоинством, я иду к хозяину вечера. Головой крутить некрасиво, но пару взглядов по сторонам я бросаю. Местный высший свет ничего особенного из себя не представляет: семьи чиновников, горстка боевых магов, предприниматели... Я замечаю перекошенное ненавистью знакомое лицо.

Я не слышу, как страж объявляет о приходе остальных двух пар. Я нутром предчувствую неприятности.

— Ирвин, — я словно невзначай чуть поворачиваюсь. — Кто она? В зелёном?

— Хм? О, ты её запомнила?

Выбросила из головы, но сейчас узнала. С девицей мы столкнулись в художественном салоне, она весьма неуклюже, а от того забавно, пыталась оттереть меня и повиснуть на Ирвине. Выгнала с выставки.

— Кто она? — повторяю я.

Самомнения у неё на десятерых хватит, ума недостаток. Как и вкуса. Тёмное бархатное платье с очень глубоким декольте совершенно не по возрасту, смотрится она в нём откровенно вульгарно, а массивные украшения только усугубляют впечатление.

— Она дочка градоправителя.

— Ты знаешь, что она влюблена в тебя?

— Не в меня. В лучшего боевого мага с хорошим происхождением и приятной внешностью. Нет, даже не в статус, а в себя, окутанную сиянием этого статуса. У Ларса, я слышал, семья небогатая, а то она на него бы переключилась. Собственно, когда он только приехал, и я проиграл ему в поединке, она на Ларса вешалась, переключилась обратно на меня, лишь когда поняла, что Ларс не богат.

— Она доставит нам проблемы?

— Я прослежу, чтобы у неё и шанса не было.

Так непривычно получать защиту и заботу...

— Спасибо.

Мы приближаемся к градоправителю. Девушка оставляет своё место и начинает пробираться к родителям. Вот же... дурная. Впрочем, это проблемы её и её родителей.

— Синьорина Далис, сеньор Мэгг! — лучась радостью, приветствует нас градоправитель.

— Приветствую, — Ирвин ступает мне поздороваться первой, тем самым подчёркивая, что в паре первая я.

У градоправителя расширяются зрачки, его супруга удивлена не меньше, но вопросы они оставляют при себе.

— Сеньор Мэгг! — влезает девушка и тянет лапку с намёком, чтобы Ирвин приложился к ладошке.

Самомнение у золотой девочки выше крыши, это понятно. Но где хоть капля гордости?!

Меня она демонстративно не замечает, а Ирвин точно также не замечает вытянутую руку. Он полубоком оборачивается ко мне:

— Иви, позволь тебе представить единственную дочку градоправителя синьорину Алисию. Синьорина Алисия, познакомьтесь, моя невеста синьорна Лейсан-Ивета Далис.

Мне кажется, или Ирвин слегка нарушил правила представления? По идее, мы обе незамужние особы приблизительно одного социального статуса, то есть Ирвину следовало либо вообще фамилии

не упоминать, либо, если собирался назвать мою, то и синьорину следовало представить полностью. Он открыто демонстрирует пренебрежение к дочке градоправителя.

Алисия широко распахивает глаза:

— Н-невеста?!

Сколько негодования и ненависти...

— Да, верно. Моежете меня поздравить, синьорина, — усмехается Ирвин.

Алисия медленно опускает руку. Уголок её рта дёргается.

— Синьорина Иветта, попробовав косметику вашего модного дома, я была поражена. Она не уступает по качеству восточной. Пожалуй, она превосходит! — жена градоправителя пытается сгладить неловкое положение, в которое угодила дочь, а заодно меняет тему.

Я улыбаюсь:

— Благодарю за высокую оценку. Я убеждена, что красота должна быть доступна каждой, и бесконечно важно, чтобы красота не только улучшала внешний вид, но и благотворно влияла на кожу.

В конце концов, я здесь, чтобы представлять модный дом.

— Чудесно! — восклицает жена градоправителя.

Продолжать неприлично, чуть в стороне ожидают Ольза с Ларсом и Ланли с Ареном. Да и другие гости прибывают, все должны поздороваться с хозяевами приёма.

Мы с Ирвином проходим в зал, я лишь краем глаза отмечаю, что Алисия куда-то упорхнула. Хм... Побежала сплетни узнавать или гадость мне устраивать? Нас окружают местные светские дамы, и становится не до золотой девочки. Я охотно отвечаю на вопросы, рассказываю о косметике, о планах запустить линейку аксессуаров, а потом и одежды — первая косметичка появится уже скоро, так что мой рассказ своего рода неофициальный анонс.

Ирвин стойко терпит и не оставляет меня ни на минуту.

Дамы засыпают меня комплиментами и хвалят бриллиантовый гарнитур, платье, стиль, вкус. Особенное внимание уделяется гарнитур. Как я понимаю, они впервые видят драгоценности семьи Мэгг, поэтому для них это дорогие ювелирные украшения, но не драгоценные символы. Просвещать их я точно не собираюсь, сдержанно благодарю.

— Как ты? — шёпотом спрашивает Ирвин, когда нам наконец удаётся вырваться из окружения.

Хотя я и пришла представлять модный дом, всё хорошо в меру, навязчивость оттолкнёт от меня. При том, что я ориентируюсь на рядовых горожанок, я хочу, чтобы при этом модный дом оставался статусным.

— Ожидаемо скучно, — улыбаюсь я. — Но... насколько скучный вечер, настолько захватывающей должна быть ночь. Как считаешь?

— О, да. Согласен компенсировать.

— М-м-м...

Жаль, что на глазах уважаемой публики целоваться нельзя. Я и так нарушаю приличия, поселившись в доме жениха, лучше не дразнить лишний раз.

Но в сдержанности есть своя прелесть. Мы замираем, глядя друг другу в глаза, и буквально физически чувствую, как между нами начинает искрить. Время словно останавливается, я забываю дышать.

Ирвин первым моргает, а я вспоминаю, где мы находимся и неожиданно для себя заливаюсь краской, потом что, как мне кажется, такой взгляд глаза в глаза, когда весь мир перестаёт существовать, во сто крат интимнее самого страстного из поцелуев.

— Я бы не отказалась от пары глотков свежего воздуха, — хмыкаю я.

— Как и я, — Ирвин увлекает меня к балкону.

Никакого уединения, балкон тянется, как я понимаю, на всю ширину зала, по крайней мере выходов несколько. На балконе люди, и до нас доносятся голоса.

— Я откровенно не понимаю, как эта женщина может быть невестой сеньора Мэгга. Достоинейший мужчина и она с дурной репутацией.

— Да-да, говорят, она изменяла сеньору Мэггу с каким-то проходимцем, и сеньор был вынужден вызвать его на поединок чести.

Алисия с подружками во всей красе. Золотую девочку я узнаю по голосу.

— Жаль, что сеньор Мэгг не видит, какой идеальной парой вы с ним были бы.

— Упускает своё счастье.

— Может быть, та женщина шантажирует сеньора или даже использует запрещённый ментальный контроль?

— Её следует арестовать! — Алисия с восторгом подхватывает идею.

— Дуры, — вздыхает Сквозя.

Ирвин молчит, но смотрит он на вход таким взглядом, как будто готов испепелять.

Секундное колебание, и он резко отдёргивает прикрывающий вход тюль, выходит на балкон один. Я следую за Ирвином — не топтаться же у порога.

— Сеньор Мэгг, — теряются девицы.

На лицах смущение и даже вина. Похоже, подружки не столько подружки, сколько подхалимки и прихлебательницы, привыкли поддакивать золотой девочке по любому поводу.

А вот Алисия вообще не смущается:

— Сеньор Мэгг, а я как раз узнала, что ваша невеста давно потеряла невинность!

— Синьорина Алисия, никогда бы не догадался, что вы любительница рыться в чужом грязном белье.

— А?!

— Синьорина Алисия, вам стоит быть внимательнее. За клевету, распространение заведомо ложных слухов и порочение репутации вам придётся отвечать, если вы позволите себе подобное ещё хотя бы раз. Подумайте о том, что влияние вашего отца от меня не спасёт.

Алисия бледнеет и начинает оседать:

— И-ирвин..., — жалко лепечет она.

Подружки подхватывают её, не позволяют упасть.

Ирвин, глядя на неё, даже не думает смягчаться.

— Синьорина, вам дурно? Иви, синьрина Алисия оговорилась из-за внезапно ухудшившегося самочувствия. Пожалуйста, не принимай близко к сердцу. Уверен, в будущем синьорина Алисия не допустит вольностей, которые можно было бы истолковать превратно.

— Ах, разумеется.

— Иви, полагаю, нам стоит пригласить синьорине врача.

Алисия с неожиданной твёрдостью поднимается:

— Я люблю тебя, и я лучше!

Мне становится её жаль. Золотая девочка, очевидно, никогда ни в чём не получавшая отказа, конечно, ей трудно, и она просто не понимает, что в этот раз кричать “хочу” громче не сработает. Отказ — это то, что ей придётся пережить.

Надеюсь, ей пойдёт на пользу.

— Синьорина, — Ирвин легко уклоняется от объятий, — я не могу и никогда не смогу ответить на ваши чувства. В моём сердце есть только синьорина Лейсан-Иветта. Пожалуйста, вспомните о своём достоинстве. Я забуду всё, что здесь произошло.

— Но!

Ирвин подаёт мне руку, и мы возвращаемся в зал.

— Прости, Иви.

— Я? Я в порядке. А вот Алисия... Но ты говорил, что она гонится за статусом, а значит её сердце не разбито, удар получило самолюбие. Собственно в её “люблю тебя” отчётливо слышалось “требую этого”.

— Угу... Давай не будем о ней? О, к нам градоправитель с супругой направляются.

Я приклеиваю на лицо вежливую улыбку заинтересованности.

Тем более мне и правда интересно... рассказать градоправителю о налогах. Он кровно заинтересован в пополнении казны, значит, будет помогать. Ладно-ладно, не помогать, но, по крайней мере, не станет создавать трудностей намеренно и всегда примет без очереди.

Помимо “дружбы” с градоправителем я налаживаю мосты с другими предпринимателями.

Время пролетает незаметно.

Алисия больше не доставляет хлопот. Кажется, я вообще её больше не видела. Ни её, ни её подружек.

В какой-то момент, когда время давно переваливает за полночь, рядом со мной оказывается Ланли под руку с Ареном:

— Босс, прости, но я личность творческая, возвышенная. Я больше не могу, мы сбегает.

— Предательница, — фыркаю я. — Конечно, езжайте.

— Они бегут птенцов заводить, — со знанием дела поясняет Сквозя.

Арен с Ланли переглядываются, и я понимаю, что Сквозя угадал. Птенцы... Он уже не первый раз разговор заводит. Больная тема?

Ирвин, ему, конечно, друг, но без прекрасной представительницы попугайского племени Сквозе должно быть одиноко.

— Не предательница, а невеста! Я... согласилась, — ещё больше смущается Ланли и меняет тему. — Точно всё нормально, если мы уйдём?

— Согласилась? Ого! Поздравляю! С меня если не свадьба, то модный девичник. Бегите, только не привлекайте излишнего внимания.

Как резво девочки взялись устраивать личную жизнь... Одна я собираюсь тянуть?

Лакей предлагает бокал, но я отрицательно качаю головой. Алкоголь не то, что мне сейчас нужно. Ирвин, естественно, отказывается вслед за мной, бросает на меня обеспокоенный взгляд и склоняется к уху:

— Иви, может быть, морс или сок?

— Сок? Я думала здесь только игристое вино подают, — на подносах я не видела ничего иного.

Ирвин подмигивает:

— Для тебя хоть кумыс добуду.

— Ха... Ты прав, пить давно хочется. Я даже на простую воду согласна, но если есть выбор, лучше что-нибудь кислое.

— Пять секунд.

Ирвин не отправляет за напитком официанта, как можно было предположить, а уходит сам. Я же выхожу на балкон. Скорее бы уже приём закончился. В отличие от Ользы и Ланли мне уходить тихо, не прощаясь, нельзя — градоправитель и его окружение обидятся.

Ночью похолодало, стал накрапывать дождь, и гости вернулись в тёплые залы, на балконе я оказываюсь в одиночестве и, несмотря на морось, грозящую испортить макияж, я с удовольствием облокачиваюсь на перила, глубоко вдыхаю свежий воздух. Сквозя вспархивает с моего плеча и растворяется в ночи. Шум крыльев стихает. Может, Сквозя тоже сбежать решил и полетел домой?

Почему у меня нет крыльев?

Я барабаню ногтями по каменной поверхности перил, наслаждаюсь передышкой. Мне доводилось бывать на разных мероприятиях, но никогда на таких нудно-бесконечных.

За спиной раздаются шаги. Я оборачиваюсь навстречу Ирвину, но на балкон вышел не он. Какой-то белобрысый расхристанный мальчишка. Брюки в порядке, а вот жилет расстёгнут, ворот рубашки перекошен, волосы на голове стоят, как будто парню в затылок ураганом дуло. Белобрысый вусмерть набравшийся, но всё ещё не выпускает вино из рук. Стоит кое-как, глаза в кучу.

Глава 45

Сперва я не придаю значения. Мало ли, какому чиновнику или предпринимателю не повезло с сыночком. Про себя поморщившись, я не позволяю неприятию отразиться на лице и отступаю. Я просто уйду через второй выход, благо их два, с обеих сторон.

— Эй, куда?! — парень, качнувшись, делает шаг ко мне, но догнать не пытается, лишь наблюдает мутным взглядом, как я дёргаю ручку двери, а она не поддаётся.

Что за ерунда?! Выход прикрывала портьера, а дверные створки были распахнуты. Выход закрыли и заперли?! Второй рывок, третий — ничего.

Между тем белобрысый неспешно приближается.

— Не буду мешать, сеньор, — я пытаюсь вежливо обойти парня, но он проворно перекрывает мне дорогу и обдаёт запахом тяжёлого перегара.

— Это ты обидела Алю?

До меня не сразу доходит, что он спрашивает о дочке градоправителя.

— Синьорина не нашла понимания с сеньором Мэггом, — спокойно отвечаю я.

Если я вызову телефон, парень не даст мне времени открыть каталог Системы и оформить покупку. А я ведь заранее отложила в список “Избраное” несколько полезных штук, вписывающихся в мой каратный бюджет.

— О-о-о... Наслышан! Ты спишь с Ирвином, изменяешь ему со всеми подряд, но он всё равно не разрывает помолвку. Чем же ты так хороша? Я тоже хочу знать, — и протягивает руку.

Я отступаю на шаг, ровно настолько, чтобы он не дотянулся.

Урод. Причём явно, что Алисия натравила.

— Во-первых, слова об изменах — это клевета и оскорбление, за которое вам придётся ответить. Во-вторых, освободи дорогу.

Резкий командный тон... не срабатывает.

— Если другим даёшь, то и мне можно, — заявляет урод.

— Сеньор Мэгг вот-вот вернётся, — пытаюсь я напугать.

В ответ парень смеётся.

Смех как пультов выключат. Белобрысый резко меняется в лице. Выражение становится каким-то зверским, жадным. Погладив себя по штанам, он неожиданно подаётся вперёд и припирает меня к перилам. Увернуться я не успеваю.

От перегара нечем дышать.

— А-апчихи!

Чих получается не только звонким, но и мокрым. Белобрысый получает фонтан в лицо, обескураженно разевает рот.

— А-апчихи! — получается ещё звонче и мокрее.

— Ты!

Глаза белобрысого наливаются бешенством, он замахивается. Вино выплёскивается. Позабытый бокал летит в сад и бесшумно теряется в клумбе. Я с тоской понимаю, что миром уже не разойтись. Я пытаюсь уклониться. Ни вбок, ни назад не сдвинуться — я слишком крепко зажата, даже каблук в подъём его стопы не впечатать. Я пробую присесть, чтобы уйти из-под удара, но даже этого не получается.

Если бы Сквозя видел, уверена, он бы был уже здесь. Значит, улетел далеко.

Восприятие обостряется, я чувствую порыв воздуха у щеки, вижу приближение ребра ладони.

Как нелепо...

Я невольно зажмуриваюсь в ожидании удара, но удара нет. Белобрысый вскрикивает. Я распахиваю глаза. Первое, что я вижу — кто-то держит белобрысого за руку. Сердце подпрыгивает. Ирвин так вовремя! И лишь миг спустя я понимаю, что белобрысого схватил Ларс, за руку и за загривок.

Ольза замерла на пороге, смотрит с испугом, прикрывает рот ладонью, но не визжит, не кричит, ненужного внимания не привлекает, чего не сказать о белобрысом. Он заворчался, попытался вывернуться, не преуспевает. На долгое мгновение он застывает. Мне даже чудится, что он засыпает. Но нет. Повернув голову, он вперивает в Ларса злобный взгляд. Глаза при этом остаются мутными.

— Ты-ы-ы! Смеешь поднимать на меня руку?! Да ты знаешь, кто мой папа?!

А ничего, что сам руки распускаешь? Или только тебя бить нельзя, а тебе других можно?

— Знаю, — фыркаю я. — Твой папа бездарный воспитатель.

— Ты-ы-ы!

Ларс укоризненно качает головой — после моей реплики белобрысый задёргался с удвоенной силой. Ларс оттягивает его на себя.

— Что здесь происходит?

Ирвин!

Ольза хочет ответить, но белобрысый перебивает:

— Грозный подкаблучник, гы.

— Что? — убедившись, что никакой опасности нет, Ирвин чуть успокаивается.

— Твоя девка всем даёт, и я хочу! Чем она так хороша, что ты..., — язык у него заплетается, говорить белобрысому всё труднее.

Ирвин подходит ближе. Выражение его лица... пугает. С таким лицом убивают.

— Сеньор Мэгг..., — Ларс тоже напрягается.

А белобрысый стремительно трезвеет:

— Ик.

— Ирвин, — зову я.

Ирвин не реагирует. Он сосредоточен на белобрысом, подходит вплотную, улыбается, отчего у меня по спине мурашки бегут.

— С-сеньор Мэгг, был неправ, ик. Выпил, ик, лишнего.

— Дружище, в таком случае пить тебе больше нельзя, — тон у Ивина дружелюбный, почти нежный. — Ещё одно плохое слово про синьорину Далис, и я сначала вырву твой поганый язык, а потом заставлю тебя его съесть. Сырым. Или пожаришь сначала. Ты меня понял?

— И-ик.

Ирвин хлопает белобрысого по плечу. Боевой запал тот давно растерял, и Ларс отпускает, больше не удерживает. Белобрысый отодвигается к стене, но Ирвин приобнимает его. Белобрысый пытается что-то промычать.

— Дружище, тебе нужно проветриться, — Ирвин резко перегибает парня через перила. Тот брыкается, раздаётся вопль. И Ирвин легко сбрасывает парня в кусты.

— Ирвин!

— Не убьётся и даже не покалечится. Почти...

— Что значит “почти”.

— Перелом руки можно считать травмой, полученной при падении. Перепил, вышел на балкон проветриться, упал. С кем не бывает? А что рука была сломана перед падением, совсем не важно, — под стоны из-под балкона поясняет Ларс.

Я жду вспышки раздражения, но Ирвин лишь неопределённо фыркает. На Ларса он смотрит без прежней неприязни, появляется вполне искренняя улыбка, а не та, жутковатая, с которой он белобрысого воспитывал.

Ирвин протягивает Ларсу открытую ладонь:

— Благодарю.

— Не за что, — отказывается Ларс. — Любой нормальный человек вмешался бы.

Но Ирвин упорно не опускает руку:

— Ларс, я был неправ в отношении тебя. Я сожалею.

Что-что?! Я не ослышалась?

Улыбнувшись, Ларс крепко отвечает на рукопожатие. Мне кажется, или в его взгляде мелькает необъяснимое облегчение?

Как-то само получается, что до конца приёма мы, две пары, держимся вместе и даже после окончания приёма не расходимся по разным экипажам, а садимся в одни, причём Ларс с Ирвином оставляют места лицом по ходу движения мне и Ользе, а сами садятся против хода движения, бок о бок.

Глазам не верю, после всех размолвок и стычек, они вдруг держатся между собой, как старые друзья!

Эпилог

Прошло полтора месяца.

Не так много на первый взгляд, но за это срок многое изменилось. Модный дом Иветья стремительно набирает популярность, и совсем скоро я открою первое зарубежное Посольство красоты. Звучит гораздо интереснее, чем обыденное “офис” или “филиал”. Модный дом — моё детище, которым я от души горжусь. И, конечно, дело не в

том, что я сделала косметику доступной. Модный дом дал девушкам и женщинам попробовать вкус денег и финансовой независимости. Да, заработать сможет далеко не каждая, но тем не менее со временем в мире многое изменится, а я в этом направлении сделаю ещё один маленький шаг — открою при модном доме Академию. Хотя обучение будет платным, талантливые девушки из бедных семей смогут получить от модного дома образовательный грант.

Тётя оправилась гораздо быстрее, чем предполагала целительница. О полном выздоровлении говорить рано, но сомнений нет — всё будет хорошо. Достаточно упомянуть, что вчера впервые за много лет тётя отправилась на самое настоящее свидание.

Несколько странной новостью стал отъезд дочки градоправителя. От своих девочек — посланниц красоты — я узнала, что Алисия на год отправилась в монастырь с весьма суровыми условиями жизни. Я ни на миг не усомнилась, что отъезд устроил Ирвин. Он бывает весьма злопамятным и мстительным... Ирвин не сознался, лишь загадочно ухмыльнулся. Учитывая, что Ларс при попытке расспросить его повторил ухмылку точь-в-точь, подозреваю, что и он к отъезду Алисии приложил руку.

Я быстро выбросила Алисию из головы и сосредоточилась на работе. Я больше не пытаюсь сделать всё в одиночку, у меня целый штат помощников во главе с Каем, но дел, кажется, стало только больше. Впрочем, я предпочитаю только направлять и контролировать процесс, игнорируя текучку, в которой можно просто утонуть. Про себя тоже нельзя забывать: про освоение магии, про отдых, про личную жизнь.

Несмотря на то, что я прикипела к Ирвину всем сердцем, я не спешила соглашаться на свадьбу, а Ирвин не спешил сделать предложение по всем правилам, но при этом всем и каждому представлял меня своей невестой.

Но сегодня утром...

Выпутавшись из-под одеяла я подбираюсь к Ирвину ближе. Кажется, за ночь я выдавила его на самый край, а сама в позе морской звезды заняла большую часть кровати. Ирвин приоткрывает левый глаз, но тотчас притворяется спящим. Зря он так. Я устраиваюсь верхом. Ирвин продолжает притворяться, хотя ресницы предательски дрожат. Я усмехаюсь, невинно провожу подушечками пальцев по его

животу, следуя рельефу мышц. У Ирвина сбивается дыхание. А я принимаюсь бессовестно щекотать.

— Иви! Иви, прекрати!

Ещё чего. Мне нравится наша возня. И Ирвину тоже, ведь вырваться он может в любой момент, но предпочит сквозь хохот молить о пощаде.

Но вот, когда он опрокидывает меня на подушки и перехватывает инициативу, я огорошиваю его внезапным вопросом:

— Как думаешь, мы успеем устроить тройную свадьбу?

Ланли с Ареном и Ольза с Ларсом решили, что тихую “домашнюю” свадьбу они не хотят, они хотят большой праздник. В том числе торжество станет рекламой модного дома... Девочки решили, а мальчики поддержали идею общей свадьбы. Нас с Ирвином соблазняли, но я упрячилась.

— Втиснимся. Но с чего вдруг? — Ирвин с трудом остаётся спокойным, в его глазах смесь недоверия и радости.

Он настолько хотел узаконить наши отношения? Если бы я раньше поняла, насколько для него это важно, я бы не упрячилась...

— Смотря, в каком плане..., — задумчиво тяну я и, улыбаясь, накручиваю на палец прядку волос.

— Это что за ответ, Иви? — Ирвин чуть отстраняется.

Я закидываю руки ему на шею, чтобы не сбавал:

— В глобальном плане — ни с чего. Я давно поняла, что люблю тебя, что именно тебя я хочу видеть отцом моих детей. Просто... не хотела торопиться? Или, скорее, боялась, что свадьба сглаживает отношения, что пропадёт острота ощущений.

— Звучит... невразумительно.

Я пожимаю плечами.

Не объяснять же ему, что боюсь, что со свадьбой закончится наш конфетно-букетный период. Сейчас понимаю, что страх глупый, к реальности не имеющий никакого отношения. Ирвин и в глубокой старости будет ухаживать не менее трогательно, чем сейчас.

— Я не всегда бываю разумной, — фыркаю я.

Ирвин отвечает с улыбкой, но тон серьёзный:

— Я тоже тебя люблю, Иви.

Я касаюсь его щеки.

— В плане же повода, почему именно сейчас...

Приоткрытое окно с шумом распахивается, на подоконник очень вовремя приземляется Сквозя и изрекает:

— Птенцы!

— Иви?! — Ирвин меняется в лице.

Хах, чему он удивляется? Как будто не знает, откуда берутся дети!

— Угу. Птенцы, они самые, — я опускаю ладонь на живот.

— Иви!

— М-м-м?

Ирвин смотрит на меня растерянно, как будто не понимает, что делать, а во взгляде ядрёная смесь: не понимаю, как может сочетаться желание расцеловать и желание придушить. Кстати, придушить за что? Ирвин в своих желаниях определяется быстрее, чем я нахожу ответ.

Головокружительный поцелуй и тихий шёпот:

— Иви, больше никакой работы.

— Да-а-а... Э?! Ты о чём?!

Ирвин невинно моргает:

— Иви, тебе нужно себя беречь.

— Радость моя, если я девять месяцев, ничего не делая, пролежу в гнезде из пуховых подушек, то будет у тебя жена страшная и оглупевшая. Нагрузка по силам только на пользу, тебе любой нормальный целитель скажет.

— Точно, с этого момента мы оба слушаемся сеньору Дейвис.

А-а-а, спасите. Девять месяцев под неусыпным контролем целительницы-цербера я не выдержу!

Но опомниться и возразить Ирвин не оставляет мне шансов и вовлекает в ещё более головокружительный поцелуй, плавно переходящий в большее. По телу растекается жар, сменяющийся острым удовольствием и сладкой негой.

И если бы не сознательность Ирвина, вспомнившего, что будущим мамочкам следует питаться не только правильно, но и вовремя, вряд ли бы мы встали до полудня, ведь так приятно просто поваляться, обнявшись, поговорить о глупостях, обсудить свадьбу, пофантазировать, будет у нас мальчик или девочка.

— Тётушка будет счастлива.

— Пфф, тётушка, — Ирвин с некоторых пор обращается к ней как родной, — молода и, уверен, заботами сеньоры Дейвис сама

сможет стать мамой. Мне показалось тот офицер искренне в ней заинтересован.

— Было бы здорово. Надеюсь, у тётки всё сложится, и она будет счастлива. Кстати, надо обрадовать девочек, что мы с ними... Ты ведь не против тройной свадьбы? — вдруг Ирвин на самом деле хочет тихую?

— Кто бы до нашего с тобой знакомства, Иви, сказал мне, что я разделю свою свадьбу с Ларсом... Определённо, мне нравится тройная свадьба.

— Четверная, — влезает Сквозя.

— Что?

На подоконник рядом со Сквозей опускается попугай с малиново-жёлтым оперением и белоснежным хохолком. Учитывая ситуацию, скорее попугаиха. Лапку отставляет и шею выгибает о-очень кокетливо.

Сквозя клювом с нежностью проводит по её перьям:

— Позвольте представить. Моя невеста синьорина Штормина.

Конец